

❁ С.В. БЫЧКОВ ❁

Изумрудное оперение Гаруды

С.В. Бычков

Изумрудное оперение Гаруды

ББК 26.89 (5 Ин) Б 95

Редакция географической литературы

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. Ю. Другов,

кандидат исторических наук П. С. Кузнецов

Б $\frac{1905020000}{004(01)-87}$ 150-87

© Издательство «Мысль». 1987

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОТПЕЧАТКИ ЦАРСТВЕННЫХ НОГ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ «ЗОЛОТОЙ ВЕК»

МАУЛУДАН В ДЖОКЪЯКАРТЕ

МЕЧОМ И КРЕСТОМ

СКЛОНЕНИЕ ГЛАГОЛА «ВОРОВАТЬ»

ГАРУДА РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ

В СТАРОМ ГОРОДЕ

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

В ЧАСЫ ПОСЛЕ МАГРИБА

«МЕЦЕНАТЫ» ИЗ «КАЛТЕКСА»

УЗНИКИ ПОДЗЕМНЫХ ТЕМНИЦ

ЦАРСТВО ВЕЧНОГО ЛЕТА

НОВОЕ ПЛЕМЯ ТРАНСМИГРАНТОВ

АДАТ СПУСКАЕТСЯ С ГОР

ИНОЕ ОБЛИЧЬЕ И ЖИЗНИ, И СМЕРТИ

НА ЭКРАНЕ — ТЕНИ ПРЕДКОВ

КОГДА ТАНЕЦ — ФОРМА БЫТИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

На государственном гербе Индонезии изображена мифическая птица Гаруда. Она частый персонаж народных сказаний, преданий, легенд, традиционных театрализованных представлений. Ее фигура встречается на фресках древних храмовых построек. Похожая на гигантского орла, мощная, бесстрашная, она известна каждому индонезийцу с детских лет как олицетворение силы, благородства, верности. В каждом из ее широко распростертых крыльев по 17 перьев, в хвосте — 8, на шее — 45. Три цифры, взятые вместе, означают дату провозглашения Индонезии независимой республикой — 17 августа 1945 года.

Индонезия расположена на крупнейшем в Азии Малайском архипелаге. Всего архипелаг состоит из 13,5 тысячи островов. В пятерку крупнейших входят принадлежащие Индонезии целиком Суматра, Ява и Сулавеси, а также Калимантан, который Индонезия делит с Малайзией, и индонезийская часть Новой Гвинеи. Многочисленные, покрытые тропической растительностью острова, если взглянуть на них сверху, похожи на рассыпанные чьей-то щедрой рукой вдоль экватора изумруды, вправленные в серебро прибойной волны и спаянные в восхитительную брошь морской синюю. Моря сыграли в жизни народов архипелага двойственную роль. С одной стороны, они их разделяли. Поэтому население чуть ли не каждого более или менее значительного острова сохранило свои культурные и языковые особенности. Долгой изоляцией объясняется удивительная пестрота этнического и языкового состава населения Индонезии. Там живет около 400 народов и народностей, говорящих более чем на 200 языках и диалектах!

В то же время моря объединяли людей. Жители островов с давних времен плавали на лодках вдоль морских побережий. Потом отважились на плавания к соседним, сравнительно недалеко отстоящим островам. Благодаря морю они обменивались товарами, происходило взаимовлияние культур.

Поэтому каждый из островов можно рассматривать как отдельное перо, а взятые вместе — оперение одной птицы, легендарной Гаруды, сияющей, согласно преданиям, цветом зеленого изумруда.

На государственном гербе Гаруда, перекрашенная творцами регалий нации в цвет золота, держит в сильных когтистых лапах ленту, на которой начертано древнеяванское изречение: «Бхинека тунггал ика», что в переводе означает «единство — в многообразии». Для Индонезии эта фраза всеобъемлюща и всевременна. Ее автором считают писателя Тантулара, творившего в годы расцвета яванской империи Маджапахит в XV веке. Но и сейчас она — первейшая государственная заповедь. Единство большой и пестрой семьи народов и народностей Индонезии — главное условие обеспечения ее суверенитета, упрочения независимости, успеха в ликвидации последствий колониального гнета.

Сочетание трех слов, несмотря на предельную краткость, очень точно отражает индонезийскую действительность, например особенности географического расположения.

Лабиринт проливов и морей Индонезии соединяет два океана — Индийский и Тихий. А ее многочисленные острова и островки образуют как бы понтонный мост, связывающий два континента — Азию и Австралию.

Через Индонезию пролегли одни из самых любопытных в мире физико-географических границ между резко контрастными растительными и зоогеографическими зонами, которые поражают многообразием удивительных растений и животных. Страна лежит в поясе крупнейшего в мире геологического катаклизма, наградившего ее множеством действующих вулканов, которые обладают одновременно и разрушительной, и созидательной силой.

Эта страна лежит на перекрестке путей, по которым переселялись народы, общались великие восточные цивилизации, Восток и Запад, проникали и распространялись мировые религиозно-культурные концепции.

В Индонезии мозаичностью и в то же время цельностью поражает не только этническая, но и конфессиональная картина. Сначала острова подверглись мощному,

длившемуся более десяти веков индийскому религиозно-культурному влиянию. Начиная с XIII столетия индуистско-буддийские учения стали постепенно уступать место исламу, который к настоящему времени исповедуют почти 90 процентов населения страны. Утвердившиеся на индонезийских берегах в начале XVII века голландцы-христиане к концу его безраздельно владели архипелагом. Но христианская религия здесь не прижилась, хотя голландское господство продолжалось вплоть до второй мировой войны.

Крупные культурно-религиозные системы в определенные периоды сосуществовали, и ни одна из них так и не стала настолько доминирующей, чтобы радикально поломать то, что называется индонезийским образом жизни. Все три были пропущены через сито самобытных представлений о мире, месте и роли человека в нем. Что-то было отсеяно, что-то прижилось и хорошо вписалось в местную жизнь.

Индонезия вышла из мощных водоворотов чужеземных влияний, не утратив исконного лица. Она подвела под ними свой собственный, индонезийский, знаменатель. И в этом сказалась ее удивительная по гибкости и емкости способность объединять многообразное.

Изречение Тантулара приложимо и к попыткам правящих кругов Индонезии объединить в государственной идеологии Панчасила веру в бога и социальную справедливость, национализм и интернационализм, добиться сосуществования пережитков феодальных отношений в деревне, засилья западных и японских концернов в промышленности и усилий по развитию государственного сектора в экономике.

Философская глубина изречения Тантулара проявляется в способности индонезийцев, традиционно воспитываемых в духе терпимости и самодисциплины, когда этого требуют обстоятельства, восстать, вступить в борьбу.

Словом, Индонезия многогранна, разнолика, но ее не спутаешь ни с какой другой страной. Она ни на кого не похожа. Только на саму себя.

1

ОТПЕЧАТКИ ЦАРСТВЕННЫХ НОГ

Есть реки, о которых народы слагают легенды, поют песни, поскольку не могут отделить свою судьбу от судьбы реки. Разве можно представить Россию без Волги, Египет без Нила, Индию без Ганга! На Яве такая река — Бенггаван-Соло, самая длинная и самая полноводная на острове. Она стремительно начинает свой бег в районе Тысячи гор южнее Джокьякарты, на Центральной Яве и, пропетляв более 600 километров; широко и свободно впадает в Яванское море. Известная каждому индонезийцу с детства песня о ней начинается словами:

Бенггаван-Соло, твоя биография—
Моя биография.

Это тесное, неразрывное переплетение биографий началось полмиллиона лет назад.

Близ деревни Тринил на Центральной Яве, примерно на полпути реки к морским просторам, недалеко от берега стоит небольшая, высотой не более метра, каменная тумба. На ней высечены стрелка и знаки: «Р.е. 175 м. 1891/93». Все это значит, что если пройти по направлению стрелки 175 метров, то окажешься в той самой точке, где в 1891—1893 годах голландец, врач по профессии, палеонтолог по призванию, Эжен Дюбуа обнаружил фрагменты скелета самого древнего ископаемого человека — питекантропа. Именно здесь Бенггаван-Соло 500 тысяч лет назад своими водами поила существо, которое делало первые шаги на долгом пути превращения из обезьяны в человека, из раба природы в ее хозяина.

Чтобы добраться до тумбы, пришлось свернуть с шоссе Джокьякарта—Сурабая и около часа петлять по проселочной дороге, красной от латеритовой пыли. Пытка тряской по колдобинам продолжалась бы дольше. При полном отсутствии указателей в лабиринте одинаково наезженных дорог можно было плутать бесконечно. Как нарочно,

обычно людные яванские дороги в этот полуденный жаркий час были пустынными. Конец мытарствам положила счастливая встреча. Один человек все же попался на глаза. Им был старик, примостившийся с тремя связками полуметровых бананов под шаровидной кроной баньяна у обочины.

Мягкие черты, округлость сморщенного лица, чуть оттопыренные уши выдавали в нем яванца. Из-под широкой, конусообразной соломенной шляпы выглядывали как бы смотрящие сквозь тебя черные, непроницаемые глаза, широкая улыбка обнажала беззубый, красный от постоянного употребления бетелевой жвачки рот, в тоненьких, почти детских пальчиках дымилась пахнущая гвоздикой дешевенькая сигарета.

Моя попытка выяснить, где находится знаменательный памятник, сразу же увенчалась успехом. Старик вполне определенно махнул рукой влево от дороги. По его уверенному жесту можно было предположить, что яванец не случайно сидит, прислонившись к неохватному баньяновому стволу. Он ждет таких вот именно редких путешественников, желающих попасть к памяtnому месту, чтобы попытаться продать им свои бананы. Не купить эти дивные плоды было трудно. Под их светло-желтой атласной тонкой кожурой угадывалась сладкая и тающая на языке мякоть.

Хорошо протоптанная тропа повела меня к еще не видимой, но уже слышимой реке. Кончился сухой колючий кустарник, и она открылась мутно-желтой широкой полосой, быстро и ровно движущейся меж галечных берегов. Метрах в пятистах от воды, на утрамбованной площадке, и стояла воздвигнутая в память об одном из самых блистательных научных открытий тумба, невзрачный вид которой весьма не соответствовал его значению. Останки еще не человека, но уже и не обезьяны были найдены в обнаженном дне реки. За прошедшие годы она изменила русло, и сейчас определить точное место раскопок никто не берется.

Тридцатилетний врач Эжен Дюбуа был послан в Нидерландскую Индию, так в те времена называли Индонезию, для работы в одном из военных госпиталей на Восточной Яве. Выпускник Роттердамского университета, восторженный поклонник дарвиновской теории эволюции, он приехал с твердым намерением все свободное от службы время посвятить поискам ископаемых существ. В 1891 году его перевели для поправки пошатнувшегося от тропической лихорадки здоровья в район деревни Тринил. Едва встав на ноги, Эжен Дюбуа нанял рабочих и начал раскопки, благо был сухой сезон, вода спала и обнажила подножие горы Кенденг.

И звездный час самоотверженного рыцаря науки пробил. Однажды вечером один из землекопов отложил мотыгу, наклонился к земле, что-то поднял и спросил:

— Господин, что это?

Доктор осмотрел находку. Похоже на берцовую кость большой вымершей обезьяны типа современной шимпанзе. Но что-то на редкость прямая. Неужели?..

— Копайте, копайте еще. Здесь и вокруг этого места.

Через несколько дней на том же месте были найдены осколки черепа. Реконструировав по находкам скелет, Дюбуа уверенно объявляет всему миру: «Берцовая кость и крышка черепной коробки принадлежат человекообразной обезьяне — питекантропу. Теория Дарвина получила веский аргумент в пользу своей совершенности». В науку открытое голландским врачом существо — уже державшее в руках первые орудия труда и создавшее культуру раннего палеолита — вошло под названием «яванский человек».

Возможно, он был предком тех, кто десять тысяч лет назад населял индонезийские джунгли, поддерживая свое существование примитивными охотой и рыболовством, сбором съедобных даров леса, — тех, кого считают первыми жителями островов архипелага, людей каменного века, потомки которых и по сей день живут в глубине лесов Суматры. В труднодоступные внутренние районы они были оттеснены четыре тысячелетия назад пришельцами с севера, давшими начало народам архипелага.

Новые его хозяева были родом из юго-западных районов современного Китая. На протяжении многих веков они спускались к югу по плодородным долинам рек, которые сейчас называют Красной, Меконгом, Салуином, Иравади, Менам-Чао-Прая. Эти люди

двигались шаг за шагом в поисках земель более тучных, чем склоны гор, мест с более благоприятным и ровным климатом, чем в северных районах.

С верховий постоянно спускались все новые волны мигрантов, теснившие тех, кто уже успел «разнежиться» в райских условиях речных долин и не мог оказать сопротивления суровым, жадным до пищи и тепла новым пришельцам. Старожилы были вынуждены двигаться дальше на юг. Наступил момент, когда они добрались до южной оконечности Малаккского полуострова и, не испугавшись морской преграды, стали перебираться с острова на остров, пока не заселили весь архипелаг.

В научном мире принято мнение, что эти люди монголоидной расы накатывались на Юго-Восточную Азию двумя большими волнами. Первую составляли так называемые протомалайцы. Их миграция относится к периоду между 3-м и 2-м тысячелетиями до нашей эры. Они были людьми неолита. Кочевали, умели лепить посуду из глины, знали каменный топор, костяную иглу, укрывались в пещерах, разводили огонь. Кроме собирательства и добычи рыбы и зверя занимались подсечно-огневым земледелием. В пещерах Гуа-Ча, на севере Малайзии, археологи нашли хорошо сохранившуюся стоянку протомалайцев. В числе находок были и палки с заостренными концами, которыми пользовались для посева семян. К потомкам первых монголоидных пришельцев относятся батаки Суматры, даяки Калимантана, тораджи Сулавеси.

Спустя две тысячи лет после их прихода индонезийские острова подверглись второму нашествию монголоидов. Пришли дейтеромалайцы, носители культуры железного века. На память о себе они оставили железные мотыги и крючья, бронзовые колокольца и литавры. Жили они оседло, владели ткацким ремеслом, строили деревни, приручили буйвола, вели меновую торговлю, выращивали рис на заливных полях. Их общинами руководили старейшины. Дейтеромалайцы поклонялись духам окружающих их рек, гор, озер, деревьев, камней. Ритуально-обрядовые церемонии и музыкально-танцевальные элементы культа помогали вести им тяжелую борьбу за выживание. Новые мигранты вытеснили протомалайцев из речных и прибрежных долин в глубь островов. Они дали начало нынешним яванцам, сунданцам, балийцам, мадурцам, малайцам и другим народам и народностям Зондских островов.

Есть еще одна знаменательная река на Яве—Чиарутен, протекающая близ знаменитого своим ботаническим садом Богора на Западной Яве. Внешне она ничем не выделяется. Звонкие, прозрачные струи поверх огромных округлых камней, мелькающие серыми тенями в небольших редких заводях рыбины, низко и плотно свисающие над водой густые заросли. Таких горных речушек не счесть на Яве. Но я не мог не побывать на каменистых берегах Чиарутена. В одном отношении эта похожая на сотни других протоков речонка — единственная.

В Богоре среди густой зелени расположены летние резиденции государственных деятелей страны и дачи состоятельных индонезийцев. Первый попавшийся мне на глаза полицейский подробно рассказал, как добраться до Прасасти Чиарутен—камня с самыми древними на яванской земле письменами. После получаса езды мимо пригородных бедняцких лачуг я выехал на высокий берег, миновал связанный из бамбуковых планок и жердей пешеходный мост и уперся в асфальтовую площадку, где пришлось оставить машину, чтобы продолжить путь пешком по выложенной крупным галечником дорожке.

Черный камень высотой с человека стоял на берегу за легкой сетчатой оградой. На его глянцевиом боку отчетливо были видны отпечатки босых человеческих ног и надпись на санскрите: «Это отпечатки ног раджи Пурнавармана как отпечатки ног Вишну». Чуть выше — другая надпись округлыми значками. Ученым еще предстоит расшифровать ее, выяснить, что это за язык. Каменный монолит, полагают историки, — знак, которым раджа обозначил южную границу своего царства. В Национальном музее в Джакарте хранится Прасасти Тугу — еще один своеобразный «пограничный столб», но северный. Он был найден близ нынешнего джакартского морского порта Танджунг-Приок. Надпись на нем гласит: «На этом месте был вырыт канал... На церемонию его открытия раджа Пурнаварман пригласил брахманов. Были принесены в жертву тысячи буйволов».

Чиарутенский памятник музейные работники тоже хотели перевезти под свою крышу. Но местные жители, почитающие камень с изображением царственных ступней как святыню, как свой талисман, воспротивились. Единственное, в чем специалистам из столицы удалось убедить крестьян, так это в необходимости вытащить глыбу из воды и оградить ее от любителей оставлять свои автографы.

Дат ни на одном из памятников нет. Но историки едины во мнении, что княжество Пурнавармана существовало в V—VI веках нашей эры. Называлось оно Таруманегара. Это было первое на Яве значительное государственное образование. Раджа был деятельным воином и строителем. Канал, согласно надписи на Прасасти Тугу, был построен за 21 день и тянулся на 11 километров. Из надписи также явствует, что Таруманегара находилась под влиянием индуизма.

Некоторые ученые полагают, что первые индийцы появились на яванском берегу еще в IV или в V веке до нашей эры. На рубеже первого столетия нашей эры, считает индийский историк Мукерджи, многочисленная группа людей из Калинги, царства, расположенного на берегах Ганга, высадилась на Яве. Пришельцы, пишет он, «основали колонию, построили укрепленные города, развернули торговлю со своей родиной, которая продолжалась на протяжении многих веков».

Носители более высокой культуры — индийцы — привезли с собой стройную систему государственной власти, развитую религию со множеством сложных обрядов, письменность. Под индийским влиянием правители яванских княжеств стали величаться «раджами», носить индуизированные имена, поклоняться Брахме, Вишну и Шиве. Санскрит утвердился как язык религии и государственных документов. Все последующее политическое и религиозно-духовное развитие яванского общества вплоть до проникновения ислама в XVII веке шло под воздействием индийской культуры.

И тем не менее утверждение о «цивилизаторской» роли посланцев Калинги кажется преувеличением. Индийцы встретили на яванской земле отнюдь не только что народившихся на белый свет наивных детей природы, из которых можно было лепить что угодно. Они обнаружили общность людей, развитую настолько, что она уже не поддается целиком и полностью чужому влиянию, а выборочно приспособливает к своему образу жизни только те его элементы, потребность в которых продиктована пользой для их собственного дальнейшего развития. Экспедиция встретила народ с налаженным оседлым хозяйством, зачатками государственности, развитой системой анимистических верований, традициями культурной жизни.

Яванцы восприняли индийскую идею верховного божества. Переняли календарь, заимствовали письменность. Но в то же время они не отказались от общинной формы общежития, веры в одухотворенность природы, традиционных видов искусства. Как совершенно не совместимую со своим, опирающимся на коллективные усилия при выращивании риса укладом они отвергли индийскую систему деления общества на четко разграниченные касты.

Работа на залидном рисовом поле не под силу одному человеку. Он может вспахать свой участок, может оградить его земляным валом. Но скажем, собрать урожай или высадить рассаду — этого один крестьянин не потянет. неизбежно он пойдет звать на помощь соседей. Сегодня они ему помогут, завтра—он им. Кроме того, система полива залидных полей, связывающая в единый комплекс единоличные крестьянские поля, обуславливала взаимозависимость яванцев, приучала их веками считать себя одной семьей, вне рамок которой жизнь просто невозможна.

Не было для яванца страшнее наказания, чем изгнание из родной деревни. К такой мере прибегали по отношению к вора. Приговор делал человека отверженным. Он не принимался никакой деревней. В одной из сунданских сказок обреченный таким образом на одиночество юноша, не выдержав мук, покончил с собой и превратился в жабу. Она и сейчас, как слышит шаги людей, плюхается в воду. Спаянные единой заботой об урожае рисоводы Явы не могли перенять индийскую кастовую систему.

Мирное проникновение индуизма, затем обращение правящей элиты к буддизму и наконец возвращение ее к индуизму не означали категорического отказа от предыдущих религиозных убеждений. В Индонезии индуизм и буддизм не исключали друг друга,

а сосуществовали бок о бок и, кроме того, включили в круг своих святых множество божков и идолов местного происхождения.

Способность индонезийцев воспринимать чужеземное, не теряя своей индивидуальности, не отвергая своего духовного наследия, хорошо прослеживается на примере первых архитектурных сооружений периода индуистского влияния. Пришедшие из Индии архитектурные образцы явились для индонезийских зодчих лишь толчком для весьма своеобразного и богатого собственного творчества. На яванской земле пережила новое рождение одна из важнейших идей индуизма и буддизма— представление о центре Вселенной как высокой горе Махамеру, на которой обитают боги. Все ранние религиозные сооружения Явы отражают эту космогоническую мысль. Но не так, как в Индии.

На острове утвердился тип храмовой постройки—чанди. Названа она по имени индийской богини смерти Чанди (одна из ипостасей богини Дурги, супруги Шивы). Изначальный могильный памятник у индонезийских мастеров превратился в обиталище богов, что, по всей видимости, связано с местным культом духов предков. На Яве чанди строили в честь умерших людей, приравненных к богам, то есть царей. Первые значительные сооружения такого назначения были воздвигнуты на центральнойяванском плато Дьенг в 26 километрах от города Вонособо.

От Вонособо, чистого городка с широкой центральной улицей, небольшой и обсаженной могучими деревьями площадью, дорога поползла вверх. Было около пяти часов утра. По обочинам шоссе редкими «столбами» стояли мужчины, закутанные в саронг — традиционно повязываемый вокруг бедер кусок хлопчатобумажной ткани. Некоторые сидели на корточках. Они были неподвижны. Индонезийцам для перехода от сна к активному движению требуется время. Они считают, что в минуты неподвижного бодрствования в их тела возвращаются улетающие на ночь души.

О чем они думают в такие минуты? Когда я задавал этот вопрос знакомым индонезийцам, то чаще всего слышал такой ответ: ни о чем. Просто созерцают и вместе с восходом солнца, пробуждением гор и лесов постепенно освобождаются от ночных чар. Они не отрывают себя от окружающей природы, чувствуют себя ее неотделимой частью и поэтому живут, бессознательно подчиняясь естественному ритму, который, по их мнению, задают незримые силы. В честь этих сил воздвигнуты храмы высоко в горах, куда вела блестящая от влаги дорога.

Появилось солнце. Но затянутое плотной, морозящей пеленой небо съедало солнечные лучи. Все вокруг было окрашено в серый цвет. Серыми были густые кусты, кроны деревьев, еле-еле тащившаяся впереди перегруженная «тойота». Обогнуть ее на узкой, скользкой и крутой дороге было немыслимо. Стало так холодно, что пришлось включить в автомобиле печку. Подумал: вот ведь скажешь дома, в Москве, что в тропиках, под экватором, ездил с обогревателем, — не поверят! Переживал, что при таком скудном освещении с моей слабой пленкой не сделаешь приличного кадра. А когда еще представится возможность побывать на плато? Подъем казался бесконечным.

И вдруг Дьенг открылся. Неожиданно, как огромная чаша с краями—горами. И хотя внизу, на дне чаши, ватными клочками плавал туман, небеса по-прежнему держали землю в сумерках, и было такое впечатление, будто ты вырвался из темного туннеля. Да так оно по сути дела и было. Я вывел машину с тесно зажатой мокрой зеленью узкой дороги на простор. Переход был настолько резким, что даже отсутствие солнечного света не препятствовало возникновению радостного чувства облегчения. Можно себе представить, что испытывали в такой момент паломники VII века, выходявшие в изнеможении после долгих и трудных дней подъема на залитую солнцем гигантскую арену. Недаром это место называли Дьенг, соединив два слова: ади — «прекрасный» и аенг — «удивительный».

На дне чаши сквозь туман были видны камни восьми шиваистских храмов. Они то скрывались в густых белесых клубках тумана, то проглядывали через неожиданно открывавшиеся просветы. Пока я стоял на краю чаши и пытался разобраться с картой, солнце прорвало небесный полог, туман стал таять на глазах. Плато преобразилось,

оделось в парадный мундир, расцвеченный нежной зеленью травы, голубизной озер, синими тенями далеких гор.

Типичное индонезийское чанди в плане — четырехугольник со стороны основания четыре-пять метров. Различаются цоколь, средняя часть, пирамидальная ступенчатая верхушка. Ко входу — небольшому крытому portalу — примыкает лестница с балюстрадой. Целлы сделаны из местных вулканических пород. Они удивительно целостны, компактны.

Вход в чанди увенчан головой Кала, этим традиционным для индонезийского зодчества мотивом, символизирующим время. В гротескном лице сочетаются элементы натурального и фантастического, символического и чисто декоративного. У львинообразного чудовища выпученные глаза, раздутые ноздри, обнаженные клыки. Но оно совсем не страшное. Постепенный переход гривы в гирлянды цветов и листьев придает стражу храма добродушный вид. Кала кажется существом, которому «по роду службы» надо делать устрашающую гримасу, но на самом деле оно дружески к тебе относится и нисколько не опасно.

Несколько в стороне стояло чанди, посвященное одному из героев эпоса—Биме. Храм был окружен сетчатым забором, его подножие заросло вьющейся мимозой. Если коснуться хоть одного листика этого растения, то моментально съеживаются в иголки все листья от кончика стебля и до корней. В некоторых углублениях целлы были видны скульптурные головы бесстрашного Бимы. Лицо задумчиво, созерцательно. Но в то же время нет сомнений в том, что оно принадлежит земному человеку. Живость лицу придает едва уловимая улыбка, навеки застывшая на каменных губах. Состояние духовной концентрации здесь не доведено до полной отрешенности, как в индуистских скульптурах. В этом, как и в изображении Кала, чувствовалось проявление самобытности яванских резчиков по камню. Они не стали слепо следовать индийским канонам, придали своим творениям реалистическую убедительность.

На плато много озер. Одно из них в зависимости от высоты солнцестояния меняет цвет, другое всегда гладко как зеркало, третье — горячее. Немало здесь и сероводородных ключей, расщелин, дышащих ядовитыми газами. Из одной из них время от времени слышится как бы стон. Местные жители говорят, что в глубине заточен великан — ракаса. Озера, ключи, выходы газа — все это говорит о вулканическом происхождении плато. Оно — дно огромного вулкана, а горы, окружающие его,— края кратера.

Уходя от храмов по выложенной цементной плиткой дорожке, я догнал двух мальчишек, согнувшихся под мешками, набитыми свежесрезанной травой. За поясами у них торчали кривыми черными дугами серпы. Трава, видимо, предназначалась для козла, которого с натугой тащил мальчишка постарше. На мой вопрос-приветствие «Апа кабар?» (Как дела?) ребята, тут же остановившись и скинув мешки, заулыбались, механически! ответили «Банк» (Хорошо) и сразу же принялись энергичными жестами и уморительной мимикой показывать, что хотят сфотографироваться и получить за это или деньги, или сигареты. Сорванцам и в голову не могла прийти мысль, что белый может говорить на их языке. Они обращались со мной как с глухонемым.

Я сфотографировал мальчуганов, дал им несколько монет. Хитро пересматриваясь — вот, мол, обвели вокруг пальца еще одного глупого туриста, — они побежали ловить рогатого.

Звонящий счастьем бытия смех, веселые крики мальчишек, гонявшихся за козлом, дробились о каменные стены чанди и улетали ввысь, в сияющее бездонной голубизной небо. Таким мне хотелось сохранить в памяти это местечко около древних храмов. Современные жизнерадостные индонезийские дети — и невозмутимо взирающие на них древние, притворно грозные лики божеств — какой резкий контраст и какая яркая гармония.

2

ЛЕГЕНДАРНЫЙ «ЗОЛОТОЙ ВЕК»

На камне, найденном близ города Капур на острове Банка близ Суматры, высечено: «В год Сака, в месяц светлый, в месяц Весак сделана эта надпись; в это время армия Шривиджайи отправилась на Яву, потому что люди Явы отказались подчиниться Шривиджайе». Год Сака древнеяванского календаря соответствует 686 году нашей эры. Шривиджайя — крупнейшая в Юго-Восточной Азии VII столетия империя, столица которой находилась на юго-востоке Суматры, примерно там, где сейчас располагается порт Палембанг. Это буддийское государство простиралось от южных границ современного Таиланда до Западной Явы, процветало за счет контроля над морскими торговыми путями, связывающими Китай и Индию через Малаккский и Зондский проливы.

По мнению индонезийского историка Кунчаранинграта, «все способности и силы народа Шривиджайи были направлены на создание армады торговых судов и военных кораблей для охраны торговых путей». Шривиджайские купцы были частыми гостями в индийских и китайских гаванях, на рейде их портовых городов ждали своей очереди к причалам суда из стран от Персии до Китая. Рис, золото, камфара, шелк, жемчуг, пряности, благовония, фарфор — все, чем был богат Восток, можно было найти на рынках шривиджайских городов.

Империя была также первым значительным буддийским центром Юго-Восточной Азии. Китайский паломник И Чинь, прибывший в ее столицу в 671 году по пути в Индию, остался там на шесть месяцев, поскольку нашел чему поучиться в «городе тысячи пагод». Через четырнадцать лет, возвращаясь на родину, он остановился уже на семь лет. Переводил там священные тексты. В местной школе махаянизма с 1011 по 1023 год набирался вдохновения великий тибетский проповедник буддизма Атиша.

Авторитет Шривиджайи в делах религии был так высок, а казна так туго набита, что правитель империи мог позволить себе строительство буддийских университета и храма не где-нибудь, а на родине вероучения, в Индии. Школа была выстроена в Бенгалии, а пагода — в Нагапатаме, городе южноиндийского княжества Чола.

Приносящая богатство и славу власть над проливами не давала покоя яванским князьям. Вырвать из рук Шривиджайи хотя бы разделяющий Яву и Суматру Зондский пролив стало для них задачей номер один. Первым сделать это попыталось возникшее на Центральной Яве в VII веке буддийское государство Матарам, которое сколотила династия Шайлендра — «Царей гор». Один из государей шайлендраского гнезда в легендах явно преувеличенно восхваляется как «великий завоеватель» Бали, Суматры, Камбоджи и других стран. Все последующие правители яванских княжеств считали своим первейшим долгом заявить о принадлежности к «могущественному дому» Шайлендра.

Как только государство Матарам укрепилось, оно сразу бросило вызов Шривиджайе. С тех пор соперничество между двумя странами долго не прекращалось. Отзвуки его сохранились и по сей день. В связи с этим вспоминаются два уличных торговца, которые каждый вечер становились за свои кухни на колесах недалеко друг от друга на углу торгового комплекса Чикини. Один из них был суматранец, другой — яванец.

Около первого всегда стояла небольшая очередь. Джа-кертцам по вкусу пришлось его стряпня. Любо-дорого было посмотреть, как этот вечно улыбающийся парень за минуту превращал кусок теста в тончайший, почти прозрачный лист, ловко кидая его на огромную, шипящую разогретым маслом сковородку, — выливал на тесто месиво из сырых яиц, мяса, зелени и... через минуту заворачивал дымящуюся муртабу очередному клиенту. Некоторые тут же, не отходя от передвижной кухни, поедали свои порции этого сытного блюда. Для таких предусмотрительный суматранец держал наготове три табурета.

Он был не только искусным поваром. Он был артистом. Рот его не закрывался ни на секунду, с губ вслед за шуткой слетала прибаутка, с каждым он находил о чем побалагурить, каждому улыбался широко и подкупающе просто. Я много раз вставал в очередь к его ярко освещенной керосиновой лампой тележке. Он всегда меня приветствовал одними и теми же словами:

— А, белый господин! Знать, наскучил вам ваш немецкий суп. Так отведайте нашей индонезийской муртабы.

При чем здесь суп, да еще немецкий, я не спрашивал. То ли он меня принимал за немца, то ли из всей европейской кухни знал только немецкий суп и считал его, разумеется, отвратительным.

Уже громко, так, чтобы слышали и остальные, он говорил:

— Вот белый господин каждый вечер приходит сюда. Видно, полюбилась ему моя муртаба. Белый господин каждый раз берет только одну порцию, боится объесться.

Хитрец врал. Я не ходил к нему каждый вечер. Он мое появление для рекламы своей стряпни, для подтрунивания надо мной, что приводило индонезийцев в веселое оживление. Им очень, видно, нравилась мысль о том, что белый человек местную еду предпочитает немецкому супу. Говорливого, лукавого суматранца любили за легкий, веселый нрав.

Не любил его только торгующий сосед-яванец. Он мне как-то пожаловался, что когда-то был на этом углу единственным продавцом муртабы и не страдал от недостатка клиентов. Но вот появился с полгода назад этот «болтун», и теперь он почти все время сидит перед еле светящейся слабым синим пламенем газовой горелкой.

— Нет покупателей. Все там, — махнул яванец в сторону. — Эти суматранцы такие проныры, везде пролезут. От них голова болит.

В обиде яванца нашли свои отголоски те далекие времена, когда Ява и Суматра, Матарам и Шривиджайя оспаривали контроль над Зондским проливом.

Для увековечения своего величия династия Царей гор построила Борободур — самую большую в мире буддийскую ступу. Название памятника-колосса означает «храм на горе». Боро — переиначенное на яванский лад санскритское слово «вихара» — монастырь; «бодур» в переводе с древнеяванского означает гора. Комплекс был построен между 778 и 850 годами в живописной долине Кеду на Центральной Яве. Согласно преданию, в сооружении этого непревзойденного творения яванских зодчих были заняты 15 тысяч чернорабочих, три тысячи каменотесов, столько же резчиков по камню. Храм создавался в специально избранном месте, освященном длившейся три недели церемонией приношения богатых даров божественным силам.

Духовным центром буддийской культуры он пробыл недолго, всего первые полтора столетия своего существования. К середине XI века, с падением Матарама, возвращением правящей элиты к индуистским культам, о Борободуре, как и о других символах буддизма, стали забывать. Позднее пробивший себе путь на Яву ислам закрепил это забвение. В XVIII столетии место, где когда-то красовался монастырь, описывалось как «гора, покрытая растительностью». Этой «горой» были покрытые мхом, опутанные лианами, перемешанные землетрясениями камни Борободура.

Первая попытка вернуть величайшую ступу человечеству была предпринята в 1814 году. Англичанин Стэмфорд Раффлз, тогдашний губернатор Явы и будущий основатель Сингапура, человек, обладавший редкой для колонизаторов страстью к изучению туземной культуры, отправился во главе экспедиции в долину Кеду, чтобы найти мистический «мертвый город», о котором местные жители, до шепота понизив голос, рассказывали страшные истории. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы определить подлинную историко-художественную ценность найденных развалин.

Серьезные реставрационные работы, однако, были начаты только столетие спустя. С 1907 по 1911 год под руководством голландского инженера Теодора ван Эрпа удалось восстановить прежний облик Борободура. Перемешанные каменные блоки были водворены на свои места, изваяния будд заново посажены на пьедесталы, вся громада монастыря очищена от корней и зелени.

В 1956 году командированные ЮНЕСКО специалисты вынесли суровый приговор: если не принять чрезвычайных мер, то самый большой буддийский храм мира будет утрачен навсегда, грунтовые воды размоют его земляное основание, и он рухнет. Через четыре года после постановки безжалостного диагноза правительство Индонезии обратилось к ООН за помощью. Был создан международный Фонд Борободура, 28 стран согласились принять участие в восстановительных работах, помочь вызвались специалисты с мировыми именами. Понадобилось 12 лет, 50

миллионов долларов, 600 реставраторов, тысячи рабочих, чтобы разобрать гигантский «дом» из полутора миллионов «кубиков», очистить каждый блок, восстановить, покрыть защитным составом и поставить на место. Одновременно создавалась новая дренажная система. В титанической работе широко использовалась вычислительная техника. Каждому камню был присвоен код, содержащий о нем все данные: вес, размер, форму, место. ЭВМ потом за считанные секунды подсказывала реставраторам, что делать с той или иной скульптурой, куда ставить тот или иной блок.

14 февраля 1983 года — второй день рождения Борободура. Величественный монумент, рожденный гением индонезийцев за две тысячи лет до создания собора Парижской богородицы, вновь занял полагающееся ему место среди архитектурных памятников человечества.

Я поднимался по черным ступеням храма, когда он еще был в строительных лесах, в окружении ажурных башен подъемных кранов, в сети из кабелей и проводов. Для обзора были доступны только центральная лестница и верхняя терраса. Туристов было так много, что узкая лестница казалась сплошной человеческой рекой. Наверху — такая же толчея. Люди спешили запечатлеть себя на фотопленке. Некоторые снимались в обнимку с каменными буддами. Нелепее пары трудно было придумать: непроницаемый, таинственный, всепонимающий лик — и рядом широко улыбающееся простоватое лицо какого-нибудь паренька или, что еще смешнее, ярко раскрашенная физиономия девушки. Неужели, подумалось, в памяти о встрече с чудом света останется толкотня, гам, назойливые приставания фотографов?!

К счастью, в расположенном рядом с каменной громадой деревянном офисе мне как журналисту сразу же пошли навстречу. Разрешили пройти по закрытым для посетителей террасам и подняться на самый верх до того, как монастырь будет открыт и экскурсанты заполнят его шумом и суетой. Мне посоветовали подняться на верхнюю площадку в момент восхода солнца, как это делали паломники в VII—IX веках.

Чтобы последовать совету, пришлось на следующий день выехать из Джокьякарты в три часа утра. От города до Борободура было около 40 километров.

Фантастично восхитительной была гонка от Джокьякарты до Борободура. Надо было успеть приехать хотя бы за полчаса до рассвета. Поэтому пришлось мчаться с максимально возможной в ночных условиях скоростью. Тьма была поистине кромешной. Такой черной ночи мне видеть до тех пор не приходилось. Небо, видимо, было плотно затянуто тучами. Ни лунный, ни звездный свет не проникал к земле. В непроницаемом для глаза мраке единственным лучом был свет фар машины. Он далеко уходил ослепительно белым столбом, выхватывая из темноты только круглое пятно дороги. Казалось, что стремительно погружаешься в черную глубину океана или мчишься в космическом пространстве.

Впрочем, как ни увлекательно было путешествие, я не забывал об опасностях, подстерегающих автомобилистов на ночных индонезийских дорогах. Сущим бедствием являются велосипедисты. Они, как правило, едут на велосипедах без фонарей и с разбитыми или свернутыми набок задними отражателями света. Поэтому замечаешь их всегда в самый последний момент. А если учесть, что индонезийцы ездят, широко раскинув колени в стороны, убеждены, что их должны видеть, не приучены сворачивать и уступать дорогу, то часто получается, что этот последний момент оказывается трагическим.

Не менее опасны на ночных дорогах буйволиные повозки. Когда повозка вдруг вырастает перед тобой высокой задней стенкой, то для избежания столкновения требуются и реакция, и надежные тормоза.

Когда я подъезжал к Борободуру, горизонт на востоке уже начал бледнеть. В сумерках начинающегося дня храм казался задремавшим исполинским каменным лесом. Неясными силуэтами на фоне неба торчали верхушки многочисленных больших и маленьких дагоб и ступ. При приближении к огромной массе с отлогим, расплывчатым силуэтом создавалось впечатление, чтоходишь в затаившиеся дебри, в глубине которых живут фантастические существа. Как положено буддисту, я вошел с восточного входа и, попав на первый ярус, начал обход бесконечных галерей по кругу справа налево, с террасы на террасу.

Барельефы на первых четырех квадратных террасах отражали все перипетии жизненного пути Сиддхартхи Гаутамы — основателя буддизма. Каменная «книга» его жизни начиналась с земных глав: вещего сна матери, рождения из материнского бока, пребывания в родительском доме, встреч со злом, несправедливостью, бегства в лес, скитаний в поисках истины. Потом «страницы» стали повествовать о постах, подвижничестве, проповедях, постепенном приближении к просветлению. По мере подъема сюжеты отрывались от земной повседневности, все в большей степени иллюстрировали отвлеченные идеи, уводили все дальше в глубь абстрактных представлений.

Барельефы на первых этажах подробно рассказывали о реалиях тех далеких времен, когда создавался Борободур. Нигде, пожалуй, не найти такого подробного отражения одежды, транспорта, музыкальных инструментов, окружавших людей той эпохи. С этой точки зрения, историческая значимость храма не поддается оценке.

Эпизод из легенды о царственном юноше, влюбившемся в танцующую нимфу, изящная фигурка девушки Суджаты, которая протягивает Будде чашку риса, парусники с балансирами, сцены сельскохозяйственных работ, свадебных обрядов, царских аудиенций вырезаны на камне с такой достоверностью, так законченно и цельно, что невольно переносишься в события многовековой давности, становишься их участником.

Эстетическое воздействие резьбы потрясающе. Всматриваясь в проникнутые глубоким внутренним спокойствием, гармонией, равновесием барельефы, все больше окунаешься в мир, полный тепла и пластики. Мягкие, округлые формы умиротворяют, композиционная уравновешенность, неторопливость повествования настраивают на безмятежный лад. Только «очистившись» духовно при осмотре первых ярусов, паломник способен воспринять более одухотворенную, более абстрактную форму отражения истины — статую сидящего Будды под каменными шатрами-дагобами на трех верхних террасах. Непроницаемые лики, приподнятые плечи, сплетенные в символический знак пальцы гибких рук, распластанные в позе лотоса ноги можно рассмотреть сквозь окна в колоколообразных ступах.

Прикосновение к Будде считалось панацеей от всех невзгод. Его каменные плечи миллионами пальцев отполированы до зеркального блеска.

Недалеко от ступы-колосса находится еще один памятник буддийского периода — храм Мендут. Он построен примерно в то же время, что и Борободур, но выполнен в форме чанди. Храм замечателен высоким художественным уровнем барельефов, скупно покрывающих стены святилища и более щедро — боковые грани цокольной части. Наибольший интересны картины жанрового характера, иллюстрации к джатакам.

На одном из барельефов — обезьянка, сидящая на спине крокодила. Хищник хотел полакомиться сердцем малышки, но та обманула его, сказав, что оно находится в ветвях дерева на другом берегу, и переправилась невредимой через реку. Техника резьбы мягкая, композиции гармоничны и естественны. Большую роль играет декоративное оформление — резной орнамент, стилизованные деревья, сплетения цветов и листьев.

Внутри высокой темной целы — трехметровая статуя Будды. Познавший Истину здесь, хоть и отрешенно величественный, он все же очень человеческий. Выражение лика, плавные линии тела, пальцы, сплетенные в жест поучения, — все выполнено по индийским канонам. Но Будда сидит не в традиционной аскетической позе, а восседает, подобно царю, на троне, среди львов и макар—фантастических морских чудовищ.

В этом его земной характер. Яванские художники ориентировались не на каноническую традицию, требовавшую придать Будде сверхчеловеческие качества, а на реалистическое изображение рожденного от земных родителей основателя учения. Он непроницаем в своей строгости, но не как бог, а как мудрец, постигший тщету сует и благодать спокойствия духа. Потом, когда я сталкивался с потрясающей невозмутимостью индонезийцев, каждый раз вспоминал бога-человека из храма Мендут.

Создатели Борободура и Мендут — владыки Матарамы — так и не сумели добиться того, чтобы капитаны торговых судов платили пошлину им, а не суматранцам.

В IX столетии двор Шайлендра распадается на несколько отдельных княжеств. Одно за другим они подпадают под власть другой династии, которая поклонялась индуистским богам. Новые властелины Явы с еще большей настойчивостью стали рваться к водам Зондского пролива. Наступил период, который в историю Индонезии вошел как героический, легендарный «золотой век». В воспоминаниях о нем реальные события тесно переплелись с мифическими, в его земных делах участвуют боги, а его люди совершают подвиги, доступные богам.

В 16 километрах от Джокьякарты стоит созданный индуистами примерно в 900 году грандиозный храмовый комплекс, известный по названию близлежащей деревушки Прамбанан. Он — апогей развития на Яве храмовой архитектуры типа чанди. В нем нашло свое высшее выражение зрелое и цветущее мастерство яванцев X столетия. Через сотню лет после того, как в храм был вмонтирован последний камень, его забросили по пока еще не совсем выясненным причинам. Потом его разрушило землетрясение. Восстановительные работы были начаты в 1918 году, продолжались два десятилетия, но и теперь не доведены до конца. До сих пор большинство его сооружений представляют собой бесформенную кучу камней. Но основные элементы храмового комплекса реконструированы.

Я видел их за час до заката, когда мягкие солнечные лучи выпукло окрасили их в темно-золотые, теплые тона. На фоне заметно темнеющего неба 47-метровая целла посвященного Шиве центрального храма с многочисленными башенками на цокольной и верхней частях высилась волшебным дворцом из еще незнакомой тебе сказки. Главную чанди чаще называют храмом Лоро Джонггранг.

Это имя дочери раджи Прамбанана. В переводе с древнеяванского означает «изящная девственница». В красавицу влюбился отважный принц Бандунг Бондовосо и попросил ее руки. Отец был согласен. Но браку воспротивилась дочь. Правда, виду не подавала. На словах согласилась, но в качестве свадебного подарка потребовала тысячу чанди, которые юноша должен был выстроить за ночь. Бандунг Бондовосо принял вызов. Он владел магическими силами и был уверен в успехе. И действительно, ему оставалось соорудить еще всего один храм, а до восхода солнца еще оставалось время.

Но не принял принц в свои расчеты женского коварства. Красавица подняла под утро служанок и приказала им везти рис с таким шумом, чтобы проснулись петухи. Услышав петушиный крик, царевич бросил работу. А тут и ночь кончилась. Только теперь Бандунг Бондовосо понял, что его провели. В гневе он обратил Лоро Джонггранг в каменное изваяние богини смерти Дурги, которое и по сей день стоит в нише храма с северной стороны. В каждой из ее шести рук — какое-нибудь оружие.

Иногда Прамбанан называют святилищем из Тысячи храмов, хотя на самом деле их 240. По сторонам чанди Шивы возвышаются целлы, посвященные Брахме и Вишну. Напротив трех сооружений размещены более низкие храмы. Они построены в честь носителей богов: быка Нанди, птицы Гаруды и гуся Хамсы.

Замечательны рельефы на внутренних сторонах баллюстрады, обрамляющей лестницу храма Лоро Джонггранг. Среди искусствоведов они известны как «прамбананский мотив». 42 каменные картины — мастерски выполненные из местных вулканических пород иллюстрации к «Рамаяне». После элегантной гармонии и умиротворенного спокойствия барельефов Борободура каменные страницы Прамбанана поражают острым драматизмом. Напряженная сценичность происходящего здесь проявляется в решительной передаче чувств весьма индивидуализированных персонажей. Живые позы певцов и танцоров, свесившаяся с ветвей обезьяна, треплющие рисовый колосок птицы. Буддийскую отрешенность, созерцательность пластичных фигур здесь сменили жизнеспособные, деятельные люди в окружении реальной действительности.

«Золотой век» Индонезии венчает империя Маджапахит. История ее началась с китайского посольства на Яву. В 1289 году император Поднебесной империи Хубилайхан отправил на остров дипломатическую миссию с требованием дани. Возмущенные высокомерием послов, яванцы отправили их обратно с обезображенными лицами — у кого отрезали нос, у кого — ухо. Император для наказания индонезийцев послал против

них армаду из тысячи судов с 20 тысячами солдат. В ответ на это принц Виджайя Кертараджаса развернул против китайцев такую активную партизанскую войну, что те предпочли убраться восвояси. Штаб Виджайи находился в деревне Маджапахит, ее название он и взял для наименования своего государства, которому суждено было затмить славой и Шривиджайю и Матарам.

Создателем государства Маджапахит был Гаджа Мада. Его организаторский талант особенно проявился в годы правления Хайям Вурука (1350—1389). Владыка, будучи поклонником муз, любителем ученых, отвлеченных бесед, страстным охотником, все дела целиком оставил на попечение мудрого министра Гаджа Мада. Тот оправдал доверие. Силой, шантажом, интригами подчинил своему хозяину всю Яву и другие острова. При этом действовал порой весьма коварно.

Молодой государь, гласит предание, влюбился в дочь сунданского раджи. От нее нельзя было глаз отвести. «Как полная луна или восходящее солнце щедро озаряют своим светом мир, так и юная принцесса излучала сияние своей красотой. От одного взгляда на нее радовалось сердце, сладко кружилась голова». Правитель сунданцев, второй после яванцев крупнейшей народности Явы, был не прочь прекрасное дитя отдать в чужой дворец, но при условии, что она станет первой женой Хайям Вурука, то есть официально разделит с ним престижный трон Маджапахита.

Однако Гаджа Мада, давно замысливший покорить Сунду, грубо ответил: девчонка будет принята лишь как «дар» в царский гарем. Все это произошло без ведома влюбленного принца. Его любовь политик принес в жертву своим честолюбивым замыслам.

Оскорбленный сунданский правитель мог смыть обиду только кровью. Началась война, которая закончилась, увы, разгромом Сунды и убийством раджи.

Вскоре разными путями Гаджа Мада прибрал к рукам острова Бали, Калимантан, Тимор, Молукки и, наконец, Суматру. Сбылась многовековая мечта яванцев. Исходя из прежней вражды, могущественный министр не позволил бывшей Шривиджайе существовать хоть и вассальным, но отдельным государством. В Палембанге он посадил своего наместника, присвоив некогда великой империи статус яванской провинции.

Величие Маджапахита всегда служило лидерам национально-освободительного движения в довоенные и послевоенные годы историческим оправданием неделимости Индонезии. Созданный в годы войны комитет по выработке конституций будущего независимого индонезийского государства и подготовке других мер, необходимых для перехода в новое государственное качество, рассматривал три возможных территориальных варианта: строить независимую Индонезию в пределах границ Маджапахита, Нидерландской Индии или Явы, Суматры, Бали и Мадур.

Гаджа Мада прославился не только территориальной экспансией. Он составил обширный свод законов, упорядочил и унифицировал строго централизованную власть, ввел регулярную регистрацию полей, перепись населения, заботился об ирригации, дорогах и мостах. Вот что предписывал архитектор Маджапахита деревенским старостам: «Служите верно своему богу и радже! Не упускайте ничего, что может увеличить благосостояние ваших деревень, смотрите за мостами и дорогами, священными деревьями варингин и памятниками, чтобы рисовые поля и все, что посажено, цвело, было под защитой и хорошо ухожено. Смотрите внимательно, чтобы вода не ушла и народ не был вынужден искать лучшего места».

Главному министру двор был обязан возведенными в канон многочисленными торжественными религиозно-обрядовыми церемониями. Столица Маджапахита славилась гостеприимством, богатством, изысканностью. Гостей из Китая, Индии, Персии, Чампы, Аннама, Сиамы здесь развлекали изощренными обедами, театральными и танцевальными представлениями, умными разговорами. При дворе Маджапахита были собраны известные на всю Юго-Восточную Азию толкователи священных текстов, прославленные маги и звездочеты, поэты и философы. К услугам гостей был знаменитый зоопарк, где можно было полюбоваться на множество экзотических животных архипелага.

Недолго, однако, светила звезда Маджапахита. Менее века. После смерти Гаджа Мады в 1364 году в здании империи появились первые трещины. Когда же почил Хайям Вурук, то маджапахитский двор превратился в гнездо династических междоусобиц. Корыстолюбивые, недалекие, завистливые наследники по кускам стали растаскивать то, что с таким трудом собрал великий министр. Последующие полтора столетия — это непрерывная череда гражданских войн, дворцовых переворотов, мятежей, убийств и отравлений. Завершающий удар по некогда могущественному государству султан княжества Демак. В 1512 году, узнав, что раджа тайком отправил в Малакку к португальцам гонца с просьбой о военной помощи в обмен на торговые привилегии и территориальные права, правитель-мусульманин начал предупредительную атаку. Не дожидаясь подхода португальской флотилии, он напал на дворец продажного раджи.

Из дневника спутника Магеллана — Пигаффеты известно, что в 1522 году под Маджапахитом подразумевалась лишь небольшая деревня. С деревни началось, деревней и кончилось. Но то, что было между ними, вошло в историю Индонезии как ее самая славная страница доколониальных времен.

3

МАУЛУДАН В ДЖОКЬЯКАРТЕ

Знаменателен тот исторический факт, что Маджапахит пал под натиском молодого султаната. Выполнившие свою историческую роль политико-религиозные представления индийского происхождения уступили дорогу динамичному исламу с его доступностью для широких масс, идеей «равенства» всех перед богом, доведенным до предела принципом единобожия, а значит, и единовластия.

Проводниками новой веры на индонезийской земле были обитатели арабских поселений, появившихся на берегах Зондских островов в VII—VIII столетиях. Они стали первыми очагами исламизации, которая растянулась на века, а в некоторых местах, например на Калимантане, продолжается и сейчас. Колонии арабов вырастали вдоль оживленных морских путей, связывавших Ближний и Дальний Восток. Ислам и торговля шли рука об руку, помогали друг другу пробивать дорогу в новые места.

Эта взаимосвязь, кстати, заложила основу для превращения в будущем малайского языка в государственный язык Индонезии. В период распространения и утверждения ислама в Юго-Восточной Азии малайский язык был языком главного торгового центра региона—Малакки. Поэтому он стал средством общения сначала купцов, а потом и народов островов Южных морей. Впоследствии, когда перед лидерами национально-освободительного движения Индонезии встала проблема выбора государственного языка, то малайский оказался самым подходящим на эту роль. Его издревле знали в той или иной мере на всех островах, а выбор его государственным не ущемлял национальных чувств ни яванцев, ни сунданцев, ни какой-либо другой крупной этнической общины, поскольку родным он был только для немногочисленной и не претендующей на политическое или какое-то иное лидерство одной из народностей острова Суматра. Благодаря этому мудрому решению республика лишена доставляющей хлопоты многим развивающимся странам языковой проблемы.

И все же веру в Коран индонезийцы переняли не от арабов, а от индийских торговцев из Гуджерата. Их миссионерская роль особенно возросла после утверждения в XIII веке на делийском престоле мусульманской династии, Гуджератцы не только торговали на индонезийских берегах, но и стремились получить доступ к дворам местных правителей, женились ради этого на их дочерях, распространяли сведения о могущественном и противостоящем «белолицым кафирам» мусульманском мире.

Это их имел в виду Марко Поло, первым из европейцев посетивший Индонезию в 1292 году. Знаменитый венецианец в своей «Книге» отметил, что «у сарацинов есть здесь оседлость», а горожан они «обратили в Магометову веру». Примерно там, где побывал Марко Поло, в наши дни была найдена могила одного из правителей, датированная 1297 годом. Надпись на могильной плите выполнена арабской вязью.

Как и в случае с индуизмом или буддизмом, новое вероисповедание восприняла вначале только правящая верхушка. И тоже не сразу, а постепенно, шаг за шагом. Показателен в этом отношении пример Малаккского султаната — первого значительного исламского государства в Юго-Восточной Азии.

Основатель Малакки, принц-индуист Парамесвара в 1414 году женился на дочери султана северосуматранского княжества Пасай, с тем чтобы укрепить свои позиции в борьбе за сферы влияния против Сиама. Одним из условий брачной сделки был переход Парамесвары в мусульманскую религию. Церемония не заняла много времени: принц совершил омовение, смыл все прегрешения прежней жизни и произнес краткую, каноническую фразу: «Нет бога, кроме аллаха, а Магомет — пророк его!» В соответствии с новой верой принял он и новое имя — Мегат Искандар Шах. В дальнейшем правители Малакки стали титуловаться султанами.

Похожие истории имели место при дворах яванских князей. В исламе, подстегивающем торговлю, проповедующем веру в одного бога, объявляющем «священной» войну против иноверцев, они видели средство обогащения, укрепления своей абсолютной власти, знамя борьбы против европейцев, оправдание территориальной экспансии.

Первыми обратились к исламу торгующие морские города северных княжеств Явы — Демак, Тубан, Гресик, Джепара. Они имели давние торговые связи с Малаккой. Поставляли туда главным образом рис. Ради успеха дела яванским купцам было важно подкрепить деловые отношения единой с малаккским двором верой. Кроме того, многие яванцы служили в наемном войске султана Малакки. Солдаты удачи тоже приобщались к исламу и потом, возвратясь домой, были готовы с помощью оружия сбросить индуистское ярмо Маджапахита.

Народ принимал новую веру, надо полагать, охотно. В отличие от мудреных индуизма или буддизма с их множеством богов, сложными, полумистическими ритуалами, многочисленной братией издоимствующих священнослужителей она была предельно проста: веруй в одного аллаха, общайся с ним в любое время, где угодно, без посредничества третьих лиц. Самый нищий крестьянин получил равную с самим государем возможность пять раз в день обращаться к богу. Для простых смертных ислам стал откровением. В этом одна из причин безболезненного утверждения религии скудных и суровых аравийских пустынь в пышных и благодатных тропиках.

Обращение в ислам не означало категорического отказа от предшествующих верований. Признав Коран священным, индонезийцы остались приверженными и своему анимистическому обычаю населять мир духами, и унаследованной от индуистско-буддийских времен привычке к торжественно-праздничным религиозным обрядам. В маулуд—третий месяц по исламскому календарю—в Индонезии, как и во всех мусульманских странах, отмечается день рождения пророка Магомета. Первым церемонию «маулудан» ввел на Яве правитель Демака Сунан Калиджага в 1479 году.

За долгие века господства индийских вероучений яванцы привыкли к пышным и многодневным фестивалям с музыкой, танцами, представлениями, красочными жертвоприношениями, полными глубокой символики ритуалами. Чтобы новая религия, отдающая предпочтение аскетизму, строгой молитве, отрешению от мирских удовольствий, не показалась артистичным и любящим праздник индонезийцам слишком уж пресной, султан, говорит предание, распорядился усадить перед мечетью традиционный оркестр гамелан и сопровождать молебны подношениями *аллаху* даров из цветов и фруктов.

Завороженные волшебными звуками, люди сбежались к минарету «со всех концов и уголков Демака и стали целыми деревнями обращаться в ислам». Нестройным поначалу хором они произносили клятву верности—сахадат-тайн: «Нет бога, кроме...» Но поскольку гортанное арабское название этой присяги оказалось для них труднопроизносимым, то они тут же переделали его на свой лад и стали называть Секатеном. Так церемония маулудан и вошла в религиозную жизнь исламской Индонезии. В наши дни он наиболее пышно отмечается в Джокьякарте на Центральной Яве.

Миновать этот город в путешествии по острову — значит не получить верного представления об Индонезии. Нет в стране другого города, который был бы так богат культурными традициями. Он лежит в плодородной долине Кеду. В IX веке он был колыбелью буддийской династии Шайлендра, восемь столетий спустя — центром исламского государства, принявшего древнее название Матарам.

В 1812 году восставшую против чужеземного ига Джокьякарту разграбили англичане. Описывая это событие в своем дневнике, уже известный нам Стэмфорд Раффлз отметил: «...штурмовали непрерывными атаками, одной за другой, пока не захватили артиллерийские батареи противника, повернули его же оружие против него и в 9 часов взяли дворец, а султана пленили». Через 136 лет султанская цитадель, называемая здесь «кратон», вновь оказалась во вражеской осаде. В 1946 году Джокьякарта стала временной столицей независимой Индонезии, поскольку в Джакарте еще хозяйничали голландцы. Когда голландские танки в декабре 1948 года окружили кратон, то находившийся в нем султан Хаменгку Бувоно IX, горячий сторонник независимости, отказался вести с ними переговоры, кроме как по вопросу о «выводе интервентов из города».

Велика роль Джокьякарты и в культурной жизни республики. В большинстве искусствоведческих работ по Индонезии в центре внимания неизбежно оказывается Ява, а на Яве — Джокьякарта. Выше говорилось о величественном Бо-рободуре, блистательном Прамбанане, величавом Мендуте. Хотя эти монументальные памятники расположены не в самом городе, их нельзя рассматривать в отрыве от него, поскольку они связаны прочными нитями истории и традиций. Грандиозные, высокохудожественные сооружения воспринимаются с Джокьякартой единым целым, как Кремль с Москвой, Колизей с Римом или Акрополь с Афинами.

Издревле славится Джокьякарта как лучшая школа традиционных форм сценического искусства. Классический яванский танец, танец-драма, оркестр гамелан джокьякартской сцены считаются эталонами высокого творчества. Батик — ткань традиционной ручной выделки, — вышедшая из-под терпеливых рук мастериц Джокьякарты, расходуется как подарок далеко за пределами архипелага. Не меньшей славой пользуются местные серебряных дел мастера.

По городу можно часами бродить и не уставать соприкасаться с артистичностью яванцев. Будь то в превращенном на пару часов в «школу классического танца» гараже, на рынке, выделившем место для музыкантов гамелана, на превращенной в «выставочный зал» самодеятельных художников обочине дороги, под навесом пропахшего расплавленным воском батикового цеха. Город, который местные жители любовно называют Джокья, пропитан творческим духом. Причем таким, который счастливо сочетает всеобщность и изящество, народность и утонченность. Чтобы почувствовать эту удивительную связь, надо свернуть с главной улицы Малиоборо и пройти по лабиринту боковых улочек. Там и скрыто главное богатство Джокьякарты.

Малиоборо — длинная, прямая, плотно забитая пешеходами, велорикшами, бечаками, машинами магистраль. Ее проезжая часть окаймлена широкими тротуарами, которые то и дело ныряют под арки нависающих над ними вторых этажей жилых домов. Прохладные даже в полуденные часы тротуары находятся во власти уличных торговцев, разложивших свои товары у ног прохожих. Улицу называют «копеечной», ибо торгуют на ней всяческой дешевкой. Тут и одежда, и обувь, и косметика, и галантерея, и книги, и еда, и напитки — всего не перечислишь.

Здесь же примостились предсказатели судьбы, которые гадают по руке, на картах, а то и с помощью камешков, костей или просто закрыв глаза. У них можно приобрести амулет из черного древесного корня, высохшей, сморщенной лапки какой-то птицы, зуба тигра. Вещуны зазывают к себе проникновенным взглядом глаз, мягкими и повелевающими жестами рук, вкрадчивыми голосами. Редко увидишь предсказателя судьбы без притихшего возле него на корточках клиента, внимательно прислушивающегося к каждому слову. Торговцы лекарственными средствами предлагают мази, настойки и прочие снадобья, приготовленные из трав на «святой» воде. Чтобы убедить людей в действенности своих препаратов, раскладывают на плитах невесть откуда взятые цветастые анатомические карты. Один такой «аптекарь»

для пущей убедительности вооружился даже разборным анатомическим муляжем и с ловкостью фокусника показывал прохожим пластмассовые сердце и желудок. Вокруг горластых алхимиков всегда стоит плотный полукруг любопытных, которые, однако, только глазят да слушают и редко покупают.

Южным концом Малиоборо упирается в алун-алун — широкое травяное поле, которое ровным зеленым ковром раскинулось перед кратоном. Строительство дворца началось в 1755 году и продолжалось около сорока лет. После этого внутри дворцового комплекса сооружались новые здания, перестраивались старые, но крепостная стена осталась такой, какой ее воздвигли в XVIII столетии. К сожалению, на этот раз мне не удалось попасть внутрь. Дворец в определенные дни открыт для посетителей, но в этот день за его стенами шла подготовка к завтрашнему секатену, и ворота были закрыты.

На следующий день, в 8 часов утра, я уже был у дворцовых ворот с вензелем султанского герба. Алун-алун было плотно забито народом. В центре площади возвышались широкие кроны двух священных деревьев варинггин. В прежние времена под их сенью терпеливо ждали приглашения на аудиенцию подданные султана, посольства вассальных княжеств, заморских стран.

Из всех прилегающих улочек на площадь вливались все новые группы празднично одетых мужчин и женщин. Прозрачным желтоватым столбом стояла в воздухе пыль, приглушенный гул многолюдья усиливался. Но вот он, как будто по какому-то неведомому знаку, стих, все повернулись лицами к воротам. Через минуту они открылись. Двумя колоннами вышла дворцовая стража в длинных клетчатых саронгах с широкими кожаными поясами, украшенными огромными блестящими пряжками, в маленьких малиновых фесках. Воины были обнажены по пояс, вооружены копьями, крисами, саблями.

Потом из ворот выплыла сложенная из снопов риса, связок фруктов и овощей, венков живых цветов двухметровая пирамида — гунунган. Это был символ Махамеру, горы, где обитают боги и духи. Она покачивалась в ритм шагов несущей ее на плечах челяди в отутюженной униформе. Замыкал процессию оркестр, в плавной музыке которого чистые звоны традиционных инструментов перемежались с торжественным звучанием европейских медных труб.

Гунунган плыла в толпе по большому кругу к белевшему справа куполу мечети. Верующие пытались коснуться рукой платформы с дарами, некоторые умудрялись привязать к ней цветную ленточку. Большинство же довольствовалось лишь чтением суры из Корана, когда пирамида медленно проплывала мимо них. При ее приближении люди без толчеи и давки расступались и так же спокойно смыкались, когда процессия, замыкаемая оркестром, удалялась.

Около мечети пирамиду внесли в огороженный невысоким забором двор и опустили на землю. В нарядной от цветных оконных витражей мечети состоялся молебен, в котором непосредственное участие приняла городская элита. Те, кто запрудил площадь, внимали проповеди, изливавшейся на них из мощных динамиков. После короткого богослужения главный распорядитель церемонии, священник в белой шапочке и белом до пят балахоне, трижды обошел платформу с дарами, шепча подходящие случаю цитаты из священной книги, и потом направился к мечети. Это было знаком для верующих. В мгновение они обступили пирамиду, и через минуту от нее ничего не осталось.

Меня удивило, что все это произошло без свалки. Взять что-нибудь из подношений удалось, разумеется, только близко стоящим. Те, для кого они были недостижимы, не делали даже попытки пробиться к гунунгану.

— Как вы можете брать то, что предназначено богу? — спросил я пожилого мужчину, укладывавшего рисовый снопок в пластиковый пакет.

Тот несколько покровительственно улыбнулся и, как школьнику, четко разделяя слова, вежливо пояснил:

— Бог — существо духовное. Ему не надо материальной пищи. Важно то, что ему ее предлагают. Он может насытиться только запахом и видом еды. Саму же еду можно съесть людям. Даже хорошо, что они делают так. Делят еду с богом. Значит, общаются с ним.

В индонезийской общине, таким образом, в причудливом сплетении объединились исламская традиция, элементы индуистской обрядности, отголоски анимистических представлений, и, наконец, как свидетельствовали медные трубы, не обошло его стороной и европейское влияние. Это еще одно подтверждение способности индонезийцев синтезировать элементы различных культур, воспринимать новое, не отказываясь от старого. Такая гибкость в значительной степени обусловила мирный характер проникновения в Индонезию чужеродных религиозных учений. Отчасти это связано с тем, что индонезийцы приняли ислам как бы из вторых рук. Он уже был смягчен и приглажен в Индии, поэтому заметно утратил свою непримиримость к другим вероучениям. В Индонезии ислам претерпел новые изменения под влиянием местного образа жизни и поэтому стал весьма отличаться от своего ближневосточного «оригинала». В Индонезии женщины никогда не знали чадры в отличие от женщин Ближнего Востока. Индонезийские артисты в нарушение мусульманских норм остались верными основе своего сценического искусства — танцу. Им и в голову не приходило отказать себе в удовольствии выразить отношение к жизни изображением людей или животных в театре ли, на полотне ли, в маске ли. Окончательно утвердился ислам на Яве в первой половине XVII столетия, в годы второго расцвета династии Матарам, когда султан Агунг, что значит «великий», подчинил себе почти весь остров.

В жизни современной Индонезии рожденная в аравийских песках религия имеет немаловажное значение. Девять индонезийцев из десяти пять раз в день произносят: «Аллах акбар!» — «Велик аллах!», при встречах приветствуют друг друга арабскими словами «ассалам алейкум». Однако официально государственной религией ислам не провозглашен.

Еще до завоевания независимости в августе 1945 года комитет, разрабатывавший конституцию будущей республики, принял так называемую Джакартскую хартию. На первое место в этом историческом документе был поставлен принцип веры в бога и обязанность каждого мусульманина строго соблюдать предписания шариата. Но вместе с тем религиозные убеждения и практику комитет рекомендовал сочетать с «принципом гуманности, справедливой и цивилизованной», со стремлением к созданию «единой и демократической» Индонезии на основе «социальной справедливости».

Таким образом, хартию можно толковать двояко: в духе и религиозности, и секуляризма. Мусульманские ортодоксы ссылались на первую часть хартии добивались и добиваются и сейчас превращения страны в теократическое исламское государство. Светские же круги подчеркиванием второй части настаивали и продолжают настаивать на подчинении ислама государственной идеологии Панчасила, в которой постулат веры в бога — один из пяти принципов. Нечеткое формальное определение места и роли ислама в социально-политической жизни дает власть имущим возможность маневрировать и использовать это в своих целях. Поэтому в Индонезии практика правительства в религиозном вопросе имеет особое значение.

В октябре 1981 года в Мекку из Индонезии несколькими партиями на самолетах государственной авиакомпании «Гаруда» отправились 75 тысяч паломников. Самой старой из них была 90-летняя Салиа Сусанта с Восточной Явы. Всю жизнь она копила деньги для хаджа — одного из пяти обязательных для правоверного мусульманина обрядов. Поездка к священному черному камню Каабы стала для Салии Сусаниты последней в ее жизни. Не выдержав дальней дороги, она навеки упокоилась в священной земле пророка. Ее участь в разное время разделили около 700 других индонезийцев, имена которых добросовестно напечатали газеты.

Так «повезло» не всем страждущим в горячей молитве прикоснуться лбом к серым, отполированным миллионами ног плитам главной мусульманской мечети. Многие сотни из них оказались жертвами мошенников. В сентябре, накануне паломнического сезона, в глухие деревни разъехались респектабельно одетые молодые люди с черными, сверкающими замочками «дипломатами». Вежливо, убедительно они предложили не выезжавшим ни разу за пределы родной деревни

крестьянам услуги в чрезвычайно сложной организации хаджа, оформлении многочисленных, непонятных деревенским жителям *бумаг*.

Потом собрали пожизненные накопления стариков, документы и, назначив день «отлета», исчезли. Напрасно приехавшие в назначенное время в джакартский аэропорт Перданакусума в специально сшитых белых, строго праздничных одеждах крестьяне, обвешанные узлами, сумками и чайниками, высматривали в чужой многоликой толпе «организаторов» путешествия в Саудовскую Аравию. Без денег, билетов, документов они несколько дней ждали чуда, которое перенесло бы их на священную землю за тридевять морей, пока полиция не запретила им жить в зале ожидания аэропорта.

В сентябре 1982 года военный трибунал лишил воинского звания и приговорил к 20 годам тюрьмы капитана Самади за то, что тот спрятал на ночь в мечети кусок свинины. В том же году в марте суд Центральной Джакарты признал виновным в «подрывной деятельности» и приговорил к высшей мере наказания Имрон Мухаммед Зайна, руководителя мусульманской экстремистской организации Исламский революционный совет Индонезии. В приговоре было указано, что он повинен в создании «нелегального движения» с целью свержения законного правительства и замены Панчасилы другим мировоззрением». В речах прокурора и адвокатов ни разу группа боевиков Имрона не была названа ее подлинным «названием — «Команде джихад». Священное мусульманское слово было исключено из слушаний. Прессу также строго предупредили не связывать этот судебный процесс с религией.

Праздник Идул Адха, который сопровождается принесением в жертву животных и раздачей их мяса верующим, я решил встретить у стен самой старой мечети Явы. Из подготовленного американскими авторами справочника явствовало, что она построена проповедником Сунан Гунунг Джати в деревне Чилинчинг, чуть к востоку от джакартского морского порта Танджунг-Приок. С трудом удалось отыскать мечеть почти у самой воды. Называлась она Масджид ал-Алам. Ее серые, в темных подтеках стены, тусклая, покосившаяся луковица купола, холодные внутренние залы действовали угнетающе. Не верилось, что это первая мечеть на яванской земле. Она не радовала, не приманивала. Наоборот—отталкивала.

За несколько дней до Идул Адха на базарах и на импровизированных торжищах верующие могут купить козла или буйвола. За день до заклания животных свозят к мечетям. Около каждой образуется маленькое стойбище. А здесь было пусто: ни людей, ни животных. Мечеть явно была заброшенной.

Оказалось, что составители справочника ошиблись. Им надо было проехать еще миль пять на восток, до деревни Мирунга, и там бы они увидели то, о чем хотели написать. В заблуждение их, видимо, ввело название святилища. Мирунгская мечеть тоже называется Масджид ал-Алам. Вот ее-то и построил, согласно преданию, Сунан Гунунг Джати — один из девяти первых проповедников ислама. По яванскому обычаю, его как выдающуюся личность похоронили у подножия горы Джати и стали именовать впредь по названию места захоронения.

Чтобы добраться до мечети, пришлось нанять лодочника. Молодой парень за 150 рупий вызвался отвезти меня туда и обратно. Уже по невероятно низкой плате за перевозку можно было догадаться, что иностранцы появляются в Мирунге далеко не каждый день. Лодочник долго лавировал меж затопленных разлившейся рекой кустов, сплетенных из бамбука ловушек для рыбы — келонгов, наконец высадил на берег.

Место оказалось весьма живописным. Между тем, пока я ехал на машине вдоль берега, все время отмечал его нагоняющий тоску неприглядный вид. Серые, длинные складские помещения, закаменевшие от придорожной пыли чахлые деревца, замусоренный голый берег. А здесь — зеленая трава, древние, с могучими кронами деревья, опрятное старинное кладбище и, наконец, сама мечеть—маленькая, ладная, светлая, с резными деревянными решетками на окнах. Вокруг был народ. Но не много.

Мужчины разместились внутри мечети и, опустив глаза к полу, сосредоточенно выслушали маленькую проповедь. Сзади них истуканами в белых балахонах сидели женщины. Детишки во дворе вились около приговоренных к закланию животных.

Дергали козлов за хвосты, совали им в морды пучки травы, с визгом рассыпались в стороны, когда какой-нибудь рогатый, потеряв терпение, пытался их боднуть.

Животных резала нанятая группа из пяти профессиональных забойщиков. Двое хватали скотину за лапы, валили на землю, третий острым длинным ножом чиркал по шее, остальные подносили очередную жертву. Через несколько минут в центре небольшой площадки лежала груды истекающих алой кровью тел.

Окружившие «арену» с живым интересом наблюдали за побоищем. Дети не переставали жевать орешки, доставая их из свернутых кулечком лоскутов старой газеты, и уже без опаски трогали рога на отсеченных головах. Взрослые беззлобно их одергивали, когда они путались под ногами свежеежавших туши забойщиков.

Тонкими ножами парни ловко отделили шкуры, завернули в них внутренности. Порубленное на куски мясо перетасили к священнику, который тут же принялся раздавать свежатину. Печенку, сердце—жертвователю, остальное—всем желающим.

В этот день кровь текла широкой горячей рекой почти у каждой мечети Индонезии. В ее дымящихся потоках захлебнулись тысячи животных. Среди них—два белоснежных буйвола, поводья которых передали председателю правительственной комиссии по жертвоприношениям президент и вице-президент. Красавцев забили у стен главной мечети страны — Истикляль. В репортаже об этой церемонии диктор телевидения подчеркнул, что ислам — «один из важнейших элементов национального строительства», поэтому в республике нет места тем, «кто вынашивает планы отделения религии от государства», равно как и тем, кто «использует ислам для раскола индонезийской нации».

4

МЕЧОМ И КРЕСТОМ

Когда я спросил своего проводника по Бандунгу Али Шарифа, где можно полакомиться традиционными сунданскими яствами, он, не раздумывая, сказал:

— Почти в центре города есть ресторанчик с названием «Понье». В переводе с сунданского это означает «аппетит». Там можно отведать кухню сунданцев в ее не испорченном вкусовыми привычками европейцев виде. Это на улочке рядом с главной улицей Брага.

Небольшое деревянное здание с высокой, треугольником крыши встретило нас прохладой. Было около полудня, и, хотя Бандунг находится в горах на высоте 600 метров над уровнем моря и считается курортным местом, жара становилась нестерпимой. Достаточно было провести 10—15 минут под безжалостными лучами стоящего над головой ослепительным белым шаром солнца, среди нагретых каменных зданий, на обжигающем асфальте, как тело покрывалось испариной, рубашка противно прилипала к спине, появлялось жгучее желание вернуться в охлажденную кондиционером машину.

Али Шариф, работник бандунгского отделения министерства информации, пояснил, что сносная температура в ресторане поддерживается без кондиционеров и даже без огромных потолочных вентиляторов благодаря отработанной веками системе проветривания. Дом расположен и устроен так, что свежий ветер с гор продувает его постоянно. Плетенные из расщепленного бамбука, побеленные стены отделялись от пола и потолка полуметровыми проемами. Кроме того, в самую знойную часть дня переходящая в открытую веранду большая часть дома пребывала в тени.

За длинными столами в полутемном зале и столиками на четырех человек на веранде сидели посетители, в основном молодежь. По их европейской одежде можно было предположить, что это мелкий служивый люд, облюбовавший «Понье» на время обеденного перерыва за его верность традициям и относительную дешевизну.

Судя по любопытным взорам, обращенным на меня, не трудно было догадаться, что европейцы здесь появляются не часто. Но ни на одном из лиц не было откровенного удивления, недоумения, тем паче недовольства. Сдержанные, приученные не проявлять открыто своих эмоций, индонезийцы отметили про себя факт

появления странного посетителя и вернулись к своим тарелкам, тихим разговорам, неторопливым мыслям.

За одним из длинных столов для нас нашлось свободное место. Не успели мы усесться, как из неровно освещаемого огнем открытого очага сумрака кухни выбежал мальчишка с огромнейшим подносом в руках. Пострел лет 12—14 проворно расставил перед нами полдюжины тарелок с едой и исчез, не сказав ни слова. Горкой лежал отваренный рис, ярким желтым пятном выделялись обваленные в едкой от перца пасте печеные яйца, острым ореховым соусом щекотал ноздри жареный цыпленок, пучки пряной зелени обжигали небо.

Это был своеобразный комплексный обед. Меню здесь каноническое. Не менялось, по словам Али Шарифа, с момента открытия ресторана около сорока лет назад. Неизменный набор подают каждому посетителю. Ешь, что нравится и столько, сколько душа принимает. Мой провожатый сказал:

— Здесь готовят то, что мы едим испокон веков. Каждый кусок пищи, кроме пресного риса, приправлен нашими пряностями. Они придают индонезийской кухне то своеобразие, которое так восторгает иностранцев.

Али Шариф улыбнулся той непостижимой восточной улыбкой, при которой не знаешь, что и подумать: то ли отнестись к его замечанию как к обычному для гида рекламному комплименту кухне, то ли рассматривать его как похвалу любознательности зарубежных гостей, то ли искать в ней потаенный смысл.

Уже не раз сталкиваясь с отшлифованной до филигранности способностью индонезийцев обыденными словами и образами иносказательно передавать глубокую обобщающую мысль, зная об обостренном в Индонезии, как и в других освободившихся от колониального ига странах, чувстве национальной гордости, я не мог исключить того, что в реплику об «охочих» до специй Востока европейцах Али Шариф вложил нечто большее. Уж не хотел ли он сказать, что погоня за пряностями была тем главным движущим мотивом, который привел Запад к открытию архипелага, а потом и закабалению его на долгие годы? Если он имел в виду это, то с ним нельзя не согласиться.

За самыми знаменательными географическими открытиями стояло, как правило, ни с чем не считавшееся стремление овладеть наиболее ценными товарами. Уже в античные времена с восточной стороны Ойкумены—этой населенной, по представлениям греков, поверхности Земли—доставлялись невиданные диковины. Автор первого подробного описания Ойкумены и ее рубежей Геродот из Галикарнаса (около 484—428 гг. до н. э.) писал: «Окраины по воле судьбы щедро наделены редчайшими и драгоценнейшими дарами природы». Среди них были китайские шелковые ткани, благовония, камни-самоцветы, слоновая кость, жемчуг, перламутр и конечно же специи.

С появлением последних произошла подлинная революция западного стола. В богатых домах пресная, однообразная пища стала изысканной, приобрела богатую гамму вкусовых оттенков. Мясо, обжаренное на вертеле с добавлением перца, приятно обжигало язык, вино, сдобренное имбирем, действовало более возбуждающе, хлеб из теста с корицей дразнил тонким ароматом. Достаточно было перечного зернышка, кусочка мускатного ореха, щепотки гвоздичного цветка — и тупое обжорство превращалось в изощренную, возведенную в ритуал, чувственную трапезу. Добряк-чревоугодник Ламме Гудзак из «Легенды о Тиле Уленшпигеле» в своих голодных скитаниях мечтал о дымящихся пулярях, флягах с прохладным вином, каравах свежего хлеба, приготовленных с использованием восточных штучек. Вчера еще варварские, сегодня вкусы Запада требовали все больше и больше пряностей.

Как только становилось известно, откуда поступают эти редкие, а потому и высоко ценимые товары, как предприимчивые купцы принимали решение обойти дорого берущих посредников и самим добратсья до источника баснословной наживы. В начале 2-го тысячелетия нашей эры перец продавался на вес серебра, некоторые государства расплачивались им как благородным металлом. В средние века мальчишки

на улицах в спину богачам кричали: «Мешок перца!» На одном из балов высокородная дама перещеголяла всех модниц, надев ожерелье из черных перечных зерен.

Бесстрашие первооткрывателей поистине поразительно. В Джакарту я летел около 12 часов на Ил-62. В полете, откинувшись в удобном кресле после вкусного обеда, думал о предстоящей встрече с Индонезией. Но в голове не было и тени тревоги. Чтобы пуститься в такое короткое по времени комфортабельное путешествие, не надо было обладать особой смелостью. Ежедневно его совершают тысячи людей. Совершенно иное дело — странствия в былые эпохи. Люди склонны населять не познанные ими миры враждебными силами. Страшными представлялись неизведанные районы путешественникам тех далеких времен, когда человек был цепко опутан паутиной суеверий, только начинал приобретать веру в свои силы.

Они отправлялись на маленьких, не приспособленных для океанских плаваний парусниках в «море мрака», «царство сатаны». Не зная ни верного пути, ни срока путешествия, покидая, может быть, навсегда родные края и близких, они отдавали себя на волю непредвиденных, тягчайших опасностей. А все из-за презренной жажды золота, желания нажиться на торговле дарами Востока.

Еще один побудительный мотив дальних странствий — миссионерский зуд. Вместе с купцами и солдатами в непознанные края отправлялись монахи с целью приобщить к «истинной Христовой вере» вновь открываемые народы. Рядом с торговыми факториями и крепостями вырастали церкви. Самая старая христианская церковь в Индонезии — храм Сион в старой части Джакарты. Построена голландцами в 1693 году. Приземистое, в виде куба, здание с черепичной крышей можно было бы принять за конторское, складское, жилое — какое угодно помещение, если бы не крест над главным входом да собранная из толстых бревен небольшая звонница.

Внутри церковь просторна и так же проста, как и снаружи. Нет затейливого великолепия католического храма или православного собора. Массивные деревянные балки высокого потолка, голые стены, ряды грубых скамеек перед небольшой кафедрой из темного дерева, давно не действующий орган на хорах. На его огромном колесе, некогда приводившем в движение мехи, — толстая ржавая цепь с замком. Но рядом с умолкшим, видимо, насовсем органом стоит сверкающий никелем и черной пластмассой миниатюрный электроорган японского производства. Самая старая в Индонезии церковь оборудована самой современной техникой пропагандирования слова божьего.

В пасхальную ночь я наблюдал во дворе Сиона за самостоятельным представлением. Дети в костюмах изображали шествие Христа на Голгофу, распятие, снятие с креста и воскресение. Спектакль сопровождался музыкой, пением псалмов и даже шумовыми эффектами: громом, ветром. «Святые отцы» не случайно избрали такую форму пропаганды. У индонезийцев, традиционно познающих, что есть Зло, а что — Добро, через различные театрализованные представления, именно спектакль оставляет наиболее глубокие впечатления.

Священник, читавший после «воскресения» Христа проповедь о «смирении как единственном пути спасения», потом в беседе со мной уверял, что влияние христианства в Индонезии растет. Особенно на восточных островах архипелага, где к приходу европейцев еще не успел бросить корни ислам и население в подавляющей массе пребывало в идолопоклонстве. Он сослался даже на свою биографию: вырос в мусульманской семье, а белой чалме паломника в Мекку предпочел темную сутану. Не без торжественности сказал: — Мы несем факел истинной веры, который некогда зажег в наших краях такой великий человек, как Фрэнсиз Ксэвиер.

Португальский миссионер с этим именем в первые десятилетия XVI века много ездил по Юго-Восточной Азии, умер в 1552 году где-то близ южных берегов Китая и был похоронен в Гоа, в Индии. Позднее Ватикан причислил его к немногочисленному семейству «святых апостолов Востока». Сейчас из всех пионеров — проповедников христианства в странах Южных морей он пользуется наибольшим поклонением. Несколько квадратных метров в глубине бывшего храма Богородицы в Малакке, которые послужили ему временной могилой на последнем пути в Гоа, — место

паломничества последователей Христовой веры не только из Малайзии, но и из соседних Сингапура и Индонезии.

Период колониальных завоеваний «во имя короля и во славу креста» открылся морскими экспедициями, организованными португальским принцем Генрихом Мореплавателем в начале XV века. «Великий принц Энрике, сын Жуана I, короля португальского, решил предпринять исследование дотоле неизведанных областей... проложить путь к отдаленным странам Востока» — так записано на мемориальной доске в честь инфанта на портале Сагриша (мыс Сан-Висенте), где Генрих основал «школу космографии, астрономическую обсерваторию и морской арсенал». Немецкий хронист того времени сообщает: инфант, который вопреки своему прозвищу ни разу не выходил в море, решил «исследовать дальние земли потому, что узнал — туда мавры отправляются за золотом».

Превратить бедную Португалию в мировую державу, сделать ее хозяйкой океанских просторов, обширных колоний, монополизировать торговлю восточными товарами, приобщить прозябающие в идолопоклонническом невежестве народы к учению Христа — это переплетение политических амбиций, экономического расчета, религиозных надежд было двигателем эпохи Великих географических открытий и колониальных войн. Мечта Генриха Мореплавателя обогнуть Африку и проникнуть в страны Южных морей сбылась после его смерти. В 1509 году из Гоа в Малакку прибыли пять португальских кораблей под командованием Лопеза де Секвейры. Жители с возгласами «Смотрите, белые бенгальцы!» радушно встретили гостей, наивно щупали их кожаные одежды, дергали за бороды.

Султан Махмуд Шах принял пришельцев со всеми полагающимися иностранному посольству почестями. Но потом, под влиянием уговоров индийских купцов, решил напасть на иноземцев. Купцы уже знали о вероломстве этих не признающих обрезания бородачей: куда бы они ни приплывали, после лживых заверений в мирной торговле предательски переходили к грабежу и насилиям.

Предупрежденный де Секвейра вовремя выбрал якоря и развернул паруса под спасительный ветер. Среди тех, кто предупредил капитана о готовящемся нападении, — еще неизвестный 24-летний матрос Магеллан. Через десять лет он, уже в чине адмирала, возглавит первое кругосветное путешествие. Но в 1509 году он спасался бегством из Малаккской бухты. Два десятка матросов, что беспечно сошли на берег, остались в руках малайцев.

Вызволить их, а заодно и взять Малакку было поручено губернатору Гоа Алфонсо д'Альбукерку. В июле 1511 года он ввел в бухту порта 18 кораблей с более чем тысячей солдат. Из записки, тайно переправленной узниками, узнал, что ключом к овладению столицей мусульманской империи, сверкающей на солнце развешанными по стенам дворцов зеркалами, является мост, перекинутый в полумиле от устья реки. Мост стоит и сейчас. С него хорошо просматриваются принимающие теперь только маленькие плоскодонные баржи причалы и уходящая в глубь городских кварталов обмелевшая река, облепленная по берегам роем деревянных хижин. Понадобилось шесть недель, чтобы сломить сопротивление малайцев. Из «Малайских анналов» известно, что корабельный огонь был настолько интенсивен, что «ядра сыпались как дождь», а грохот мушкетов напоминал «треск обжариваемых на сковороде орехов». При взятии Малакки, писал позднее сын губернатора, «все мусульмане, женщины и дети, были преданы мечу». Султан бежал на юг полуострова, разбежалось и его наемное яванское войско.

В результате этой победы Португалия стала королевой морей от Гибралтара до Малакки. Папа закатил в Риме такой пышный благодарственный молебен, что хронисты не преминули отметить его как «вызвавший ликование несметной толпы». Инфант Энрике еще накануне первых морских экспедиций выхлопотал у главы церкви буллу, по которой все земли, острова и моря, будучи открытыми, становились вечным владением «наихристианнейшего португальского короля». Одной бумажкой судьба миллионов жителей свободных стран вручалась чужеземному монарху.

Окрыленные успехом под Малаккой, португальцы ринулись дальше на восток. Их цель — отыскать вожаемые «Острова пряностей». Покоренный и сожженный дотла город был только ключом к замку на сокровищнице тропиков.

Триумфатор малаккской битвы в 1513 году отправил эскадру из трех кораблей под командованием Антонио д'Абре с приказом «сделать все возможное» для розыска легендарных островов. Без приключений экспедиция доплыла до, как показалось ее участникам, земного рая. Спокойная, бирюзовая гладь моря, утопающие в пышной зелени живописные берега, гостеприимные бесхитростные туземцы, блаженно ленивый ритм жизни. Так и подмывало оставить путь постоянных опасностей и невзгод, ненасытной погони за наживой и чинами и перейти в мир идиллического, безмятежного существования. Этому поддался конкистадор Франсиско Серрано. Солдат пренебрег военной присягой и королевским скудным жалованьем и решил остаться на острове Тернате.

Он был, пожалуй, первым европейцем, добровольно поселявшимся здесь навсегда. В Индии, Малайзии, Индонезии я встречал американцев и западноевропейцев, которые последовали примеру Стивенсона, Ван Гога и, оставив погрязшую бездуховном делачестве лицемерную западную цивилизацию, пытались обрести новый смысл жизни среди восточных народов. Но никто из них и не подозревал, что отвращение к «ценностям» Запада, пробуждающее в человеке решимость навсегда покончить с привязанностью к ним, уходит корнями те далекие времена, когда Европа только просыпалась к утвердившему эти «ценности» капитализму.

Антонио д'Абре за кучку сверкающих безделушек и груды поношенного тряпья выменял у наивных аборигенов горы бесценной гвоздики, набил ею трюмы и возвратился в Малакку, уже под защиту мощной крепости А-Фамоза, которая в последующие 130 лет выдержала все приступы и осады. Входящих в гавань теперь встречает вырастающая прямо из воды, утыканная пушками шестиметровая стена, толщина которой в отдельных местах превышает три метра. От неприступного порта остались лишь ворота Порта-де-Сантьяго да фрагменты фундамента крепостной стены. Но и по ним легко допустить, что А-Фамоза стояла бы и по сей день, не уничтожь ее пороховыми взрывами англичане, пришедшие в Малакку в 1795 году. По свидетельству автора «Малайских анналов», когда разрушали твердыню, стены разламывались на «куски величиной со слона и даже больше».

Используя вражду между правителями двух основных «Островов пряностей», Тернате и Тидора, португальцы через год заключили соглашение с тернатским владыкой, по которому в обмен на обещание военной помощи получили монопольное право на торговлю гвоздикой и разрешение построить на острове крепость. Казалось, цель достигнута! Заветный контроль в руках! Маленькой Португалии, этой вчерашней нищенке Европы, сегодня принадлежат сокровища Востока!

Недолго, однако, упивался португальский двор победой. Сулящий неслыханное обогащение успех вызвал жгучую зависть других европейских дворов, и в первую очередь мадридского. Не в счет родственные узы, общность борьбы против мавров, католическое единство. Только соперничество, тайное и открытое, только война, дипломатическая, торговая, любая другая. Использовать каждый промах противника, малейшую ошибку! Закружилась у него голова от удач — лови момент, действуй!

Ох уж эти предательские головокружения и самообольщение! Сколько честолюбивых замыслов королей и правительств разрушили они! Стоило ослепленному славой Жуану II вполуха выслушать от Христофора Колумба его проекты и тут же, выпроводив его, высокомерно забыть о них, как безвестного генуэзца благосклонно принимает испанский двор и вскоре посылает в Западный океан. Через полтора месяца Колумбова «Эспаньола» наткнется на земную твердь, и будет открыта новая часть света — Америка. Правда, адмирал и Европа еще долго будут считать ее индийскими берегами, частью искомого Востока.

Обобранный, оклеветанный и отвергнутый после десятилетней безупречной службы, Магеллан покидает Португалию и уже через месяц излагает Королевскому совету все той же Испании смелый замысел: дойти до заветных «Островов пряностей»

кратчайшим западным путем. «Дайте мне эскадру, я укажу вам этот путь и, плывя с востока на запад, обогну Землю», — говорит суровый Магеллан.

В сентябре 1519 года пять судов под его командованием покинули Сан-Лукарскую гавань, в ноябре следующего года флотилия прошла через пролив, впоследствии названный Магеллановым, а в ноябре 1521 года, уже после гибели адмирала на острове Себу от рук туземцев, испанцы достигли желанных Молукк. «Сопровождавший нас лоцман сказал, что это Молукки. Все мы возблагодарили господа и в ознаменование радостного события дали залп из корабельных орудий. Пусть не удивляет огромное наше счастье, ведь в поисках этих островов мы провели 27 месяцев без двух дней, объездили вдоль и поперек моря в стремлении найти их» — так описал этот триумфальный миг неотлучно находившийся с Магелланом до его последних дней юный итальянец, бескорыстный рыцарь странствий, бойкий на перо Пигаффета.

Испанцы бросили якорь у Тидора, отдохнули, обильно запаслись драгоценными пряностями. Из оставшихся к тому времени пяти судов флагманский «Тринидад» с экипажем в 50 человек остался на острове, а «Виктория» продолжила первое кругосветное плавание и, оправдывая свое название, в сентябре 1522 года возвратилась в Сан-Лукар. Не прошло, таким образом, и десяти лет, как португальской монополии был брошен вызов.

Соперничество между соседями-иберийцами, формально находившимися в состоянии мира, в далекой Юго-Восточной Азии вылилось в затянувшееся на десятилетия кровопролитие. Потрясенный вестью об успехе Магеллановой экспедиции, португальский король Мануэл распорядился атаковать в Южных морях все суда под испанским флагом. Первыми жертвами этой бескомпромиссной борьбы стали матросы «Тринидада». В 1527 году они были взяты в плен превосходящим по силам португальским отрядом и казнены.

На одной из гравюр начала XVII века, копия которой хранится в Национальном музее в Джакарте, я видел изображение пыток, которым подвергали голландцы, пришедшие в Юго-Восточную Азию вслед за португальцами и испанцами, своих европейских братьев — соперников по торговым делам — англичан. Распятому британцу огнем прижигают ступни ног, подмышки, а на голову льют воду, чтобы не впадал в бесчувствие и в полной мере ощутил боль как наказание за покушение на торговые интересы Голландии. Воспитанные в духе изуверской инквизиции, сыны Пиренеи вряд ли обращались друг с другом мягче.

Полное крови противоборство прекратилось только в 1580 году, когда испанский король Филипп II занял и португальский престол. Мадрид сконцентрировал свои колониальные интересы на названных в честь монарха Филиппинскими островах, а Лиссабон, теперь уже союзный, — на Молукках. Но тут на авансцену борьбы европейских держав за сокровища Востока выходят Англия и Голландия, враги испанской короны. Когда Филипп II закрыл для восставших против его власти голландцев лиссабонский порт и рынок, голландские купцы начали прокладывать собственные пути в Юго-Восточную Азию.

За 35 лет с того момента, как Васко да Гама обогнул Африку с юга, и до гибели Магеллана Европа узнала об индонезийском архипелаге больше чем за все предшествовавшие века. В эти годы Великих географических открытий из дальних странствий возвращались не редкие смельчаки-одиночки, которые путешествовали на свой страх и риск и описания которых, если таковые были, становились достоянием узких государственных и научных кругов.

Под триумфальные залпы в европейские порты входили флотилии с многочисленными экипажами, годами плававшими с определенной целью, по намеченному примерно маршруту. С потрепанных бурями кораблей, из-под выгоревших до белизны парусов вместе с изможденными матросами на родные берега сходили и припадали обветренными губами к родной земле и те, кто изо дня в день неумоимо записывал в дневники каждую минуту похода, каждую встречу с новыми народами и землями.

Повсюду и во всем чувствовалось, что пришло время исторических перемен. Человечество вступало в новую эпоху. Для народов стран Южных морей увертюрой к ней стал зловещий стук молотов, выковывавших в кузнях пробуждавшейся к капитализму Европы колониальные цепи. Вскоре их туго набьют в объемистые бока галеонов, под прикрытием орудийного огня выгрузят на далеких берегах и на века тяжелой ношей, с благословения церкви накинута на миллионы людей. Для Запада новая эпоха несла небывалый подъем производительных сил, освобождение от духовной паутины мрачного средневековья, для Востока—отупляющий рабский труд, культурную и нравственную деградацию.

5

СКЛОНЕНИЕ ГЛАГОЛА «ВОРОВАТЬ»

Корнелис де Хутман, голландец по происхождению, авантюрист по натуре, много лет жил в Лиссабоне. Брался за торговлю, нанимался на суда, подвизался на ниве ростовщичества, но все время ждал того самого часа, который, верил он, перевернет его жизнь, принесет ему славу и богатство. Когда услышал, что лишенные доступа к восточным пряностям на лиссабонском рынке голландские купцы хотят отправить к далеким островам собственную экспедицию, подумал, что это и есть его звездный час.

В портовых кабаках в пьяных разговорах он нахватался отрывочных сведений о странах Южных морей. Красноречия ему было не занимать, поэтому убедить амстердамских толстосумов дать ему корабли не составляло для него особых трудностей. Лукавство проходимца дорого им обошлось. Плавание растянулось на 14 месяцев, из 250 членов экипажа состоявшей из четырех кораблей флотилии половина погибла в штормах и от голода. Но до индонезийского берега экспедиция все же дошла. В 1596 году Корнелис де Хутман обогнул с востока Суматру, спустился к Яве и бросил якорь в бухте Бантенг.

Этот небольшой залив находится всего в 100 километрах к северо-западу от Джакарты. Ехал я туда утром, по еще не загруженной дороге. Миновала застроенная мастерскими, мелкими предприятиями, складами джакартская окраина Грогол, укрывшийся за длинными серыми заборами город Тангеранг, потом потянулись рисовые поля. От Серанга, небольшого, но многолюдного городка, свернул направо под прямым углом и тут же почувствовал, что попал на дорогу, которая на картах обозначается тоненькой красной ниточкой. До берега было не более 20 километров, но тащиться по колдобинам и рытвинам пришлось почти столько же, сколько от Джакарты до Серанга.

Не доезжая до моря, слева от дороги, перед внушающим опасения шатким, с зияющими прорехами деревянным мостом через желтую речку, увидел развалины. Среди серых камней с желтыми пятнами высохшего лишайника мирно паслись козы. За еле видимым земляным валом словно из-под земли передо мной вырос старик, представился гидом-смотрителем и вежливо попросил плату за осмотр. Сообщил, что развалины—остатки султанского дворца, построенного в начале XVI века. К этому ничего больше добавить не мог, но не уходил, почтительно семенил сзади и кротко улыбался.

На другом берегу, среди огромных валунов, группа женщин стирала белье. Делали они это весьма любопытным способом. Скручивали посыпанную стиральным порошком мокрую одежду в тугие жгуты и колотили ими по камням, то есть в традиционный метод стирки включили новый, современный элемент—синтетическое моющее средство. Все они были по пояс обнажены. Разместившиеся также на камнях чуть выше по течению купальщицы также были прикрыты только длинными юбками-каинами. Под их присмотром в быстрой воде барахтались совсем голенькие дети. Еще выше, метрах в трех-четырех от них, усердно намыливали головы мужчины.

Наблюдая за этой общей баней и прачечной, я еще раз убедился в отсутствии у индонезийцев стыдливости в отношении наготы в нашем понимании. В городе мне приходилось много раз видеть женщин, открыто кормящих грудью детей при полном скоплении народа, моющихся с обнаженным торсом в каналах. В сельской же

местности, в глубинке, и вообще не признают одежду выше пояса, кроме головного убора. При встречах с чужестранцами женщины в таких «нарядах» не сразу прикрывают грудь. Проходит минута-другая, прежде чем они осознают, что перед ними чужак, и спокойно, без суеты застигнутого врасплох человека натягивают каин до подмышек или отворачиваются.

Различия в отношении к наготы между нами и индонезийцами демонстрирует и следующий пример из воспоминаний американки, которая в Индонезии известна под балийским именем Ктут Тантри. Она много лет прожила на Бали, активно участвовала в борьбе индонезийского народа за независимость. В годы японской оккупации была брошена в застенки и подвергалась жестоким истязаниям. Пытавшему ее офицеру, пишет Ктут Тантри в своих воспоминаниях, пришла в голову мысль сломить волю американки, проведя ее обнаженной по всем улицам города Кедири. Японец знал, как мучительно стыдно для белой женщины быть выставленной в таком виде на всеобщее обозрение. Но он не учел одного: индонезийцам чуждо свойственное европейцам представление о наготы как о чем-то неприличном. Ктут Тантри знала об этом и не терзалась, не стыдилась. А местные жители, увидев, что творят над ней оккупанты, поспешно отводили глаза, прятались в домах, еще раз убеждаясь в жестокости японцев. Затея, таким образом, не возымела действия. Напротив, она обернулась против ее организаторов.

У индонезийцев такое отношение к наготы сохранилось, надо думать, от первоначального, которое было свойственно всем народам мира. Как-то в беседе со мной на эту тему один из столичных журналистов, полушутя, высказал следующую мысль. Человеческую плоть, по его мнению, проклял Христос. Его церковь привила европейцам понятие о греховности тела, а миссионеры разнесли этот постулат по всему свету. Кроме того, колонизаторы навязывали свои нравы не только из религиозных побуждений. Ими еще двигал и деловой интерес, хотелось одеть в тряпки как можно больше туземцев и обеспечить прибыли фабрикантам мануфактуры.

Представляется, что точка зрения журналиста продиктована скорее антипатией к колониализму, нежели желанием установить подлинные причины появления верхней одежды в ее традиционных формах. Против этого говорит хотя бы тот факт, что женские национальные кофты кебайя появились на Яве задолго до прихода голландцев. Сомнительно, чтобы колонизаторы заботились и о снабжении туземного населения тканями. Для голландцев с их жадностью и недалекостью было не свойственно использовать покупательные способности местного рынка.

...Я все же осмелился и пересек казавшийся хлипким мостик под ободряющие крики собравшейся вокруг машины ватаги мальчишек. Въехал в насквозь пропахший рыбой, солью и соленьями портовый городишко. У причала, в грязной, замусоренной воде, сгрудилась дюжина обшарпанных шхун со свернутыми и косо торчащими парусами. В стороне от порта, над лесной чащей, высилась белая башня, которую издали можно было принять за маяк. На такую мысль наталкивала близость моря, по которому пролегли важные пути местного и международного значения. Но когда я подъехал к башне, то выяснилось, что она — минарет, стоящий рядом с мечетью, крытой трехъярусной крышей, и бассейном для омовения. Ее построил китаец-мусульманин для султана Маулана Мухаммеда, правившего княжеством Бантам в последние десятилетия XVI века.

Ступени узкой винтовой лестницы внутри башни были стерты миллионами ног. Со смотровой площадки с одной стороны открывался вид на набирающее синеву к горизонту море, с другой — на растворяющуюся в светлой дымке горную гряду. Внизу светлой бирюзой сверкал бассейн, темнели вычерненные дождями крыши мечети, пятнами могильных камней серело старое кладбище, обрамленное раскидистыми деревьями с яркими большими цветами. С этого минарета 5 июня 1596 года быстро спустился человек и бросился во дворец к султану, чтобы доложить, что в бухту входят корабли под странным, еще не виданным в этих краях флагом. Это была потрепанная бурями, обескровленная голодом и болезнями эскадра Корнелиса де Хутмана.

Султан Бантама не стал чинить препятствий агонизирующим морякам. Снисходительно, как хозяин гостю, как сильный слабому, он разрешил голландцам

бросить якорь, прийти в себя, закупить перец. В судовом журнале флагманского корабля по этому поводу была сделана следующая запись: «На суда поднялось так много яванцев, а также турок, китайцев, бенгальцев, арабов, персов, гуджератов и других, что сквозь толпу было трудно пройти... Каждый облюбовал себе местечко на палубе и разложил товар... Китайцы принесли все сорта шелка, яванцы — кур, яйца, уток, различные фрукты... арабы, турки и другие принесли все, чего бы ни пожелалось». Не чаял султан, не ведал, что с радушным сердцем принимает тех, кто позднее разрушит его дворец, построит на берегу крепость и станет хозяином не только Бантама, но и всей Явы, всего архипелага.

В Амстердаме привезенные первой экспедицией товары были распроданы с барышом, в тысячу раз превзошедшим расходы на ее организацию. Распалившиеся от пряного запаха наживы купцы тут же снарядили вторую флотилию под руководством все того же пройдохи Корнелиса де Хутмана. Хоть и плут, хоть и лгун, хоть и вор, но все же лучше новичка. Второе плавание, предпринятое в 1599 году, обернулось неудачей. Подвела склонность капитана к авантюрам. Он решил остановиться на севере Суматры, у берегов султаната Ачех, и загрузиться перцем бесплатно. Однако за попытку силой завладеть товаром был убит воинственными ачехцами. Его брат Фредерик угодил в плен, один корабль был потоплен, другой еле успел развернуть паруса и улизнуть от неистовых мусульман.

Но уже ничто не могло остановить амстердамских торгашей. В 1602 году они объединились в Ост-Индскую компанию, которой королева и правительство дали не только монополию на все торговые операции с Востоком, но и право заключать союзы и соглашения, объявлять и вести войны, казнить и миловать местное население. Словом, отдали на ее произвол жизнь и смерть народов огромного архипелага. Первую открытую конфронтацию между голландцами и яванцами, положившую начало вражде на три с лишним столетия, спровоцировал Ян Питерзоон Кун, вошедший в историю колониальных войн как «архитектор» голландской колониальной империи. В 1619 году он приказал укрепить склады компании в Джайякерте (будущей Батавии, а потом Джакарте) так, что правитель города в целях безопасности был вынужден поставить против превращенных в крепость складских помещений батарею орудий. Голландцы только этого и ждали. Под предлогом угрозы интересам компании и в целях самозащиты они напали на яванские позиции, но были вынуждены отступить и бежать. Кун вскоре вернулся в Джайякерт с большой флотилией, десант с которой 28 мая взял город и сжег его.

На пепелище под защитой выросшего из складов мощного форта голландцы выстроили милый их скучающему по родине сердцу город с широкими улицами вдоль каналов, легкими мостиками, разлинованными парками, церквями. Городу дали овеянное исторической романтикой название — Батавия. Так в древние времена называлось северное германское племя, которое беспокоило даже могущественную Римскую империю.

Ошибкой было бы считать, что с момента падения Джайякерты начался колониальный период индонезийской истории. Ведя отсчет от дня сожжения города, некоторые историки говорят, что подневольное ярмо индонезийцы тащили почти 330 лет. Это не так. По крайней мере первые полстолетия голландцы были вынуждены вписываться в давно устоявшуюся в Южных морях систему торговли, считаться с сильными государствами архипелага. Яванскому султанату Матарам они одно время даже платили ежегодную дань. Но при этом, конечно, не упускали из виду своей цели — получить исключительное право на торговлю пряностями.

На дворянском гербе Куна было высечено: «Никогда не поддаваться!» Так он и делал в отношении местных народов. Никогда не поддавался сочувствию, состраданию, жалости. Куда бы ни ступала его нога, он везде сеял смерть, лил кровь. Когда население богатого мускатным орехом острова Банда воспротивилось вторжению голландцев, Кун отдал короткий приказ: «Уничтожить всех». Один из участников этой массовой резни потом записал в своем дневнике: «Мы должны осознать, что жители Банда сражались за свою свободу... С ними можно было бы

поступить иначе, более справедливо... Однако все было сделано в такой преступной, убийственной манере, что пролитая кровь невинных вызывает к небесам...»

В 1629 году только что переваливший на пятый десяток Кун подхватил холеру и скоропостижно скончался, навеки упокоился в земле, которую безжалостно попирали. В послевоенные годы при реставрации в старой части Джакарты бывшей голландской церкви, где ныне размещается Музей театра вайянг, была обнаружена могила основателя Батавии. От нее осталась небольшая серая плита с полустертыми буквами. Сейчас она вмурована в обнаженный до кирпичей кусок старого фундамента и сопровождается пояснительной надписью.

Любопытно, что в «Сказании о земле яванской», написанном при дворе матарамского султана Агунга, который трижды безуспешно пытался овладеть Батавией и изгнать неверных с Явы, Кун выступает как... герой освободительной борьбы индонезийского народа. Командующий армией Матарама, осадившей голландскую крепость, согласно «Сказанию», оказался предателем, и Кун, вписанный в хронику под яванским именем, исполнил султанскую волю, когда напал на него, разбил его отряды, а самого взял в плен и казнил. Вот до какого извращения истины могут прийти дворцовые летописцы-лизолюбцы! Ради того чтобы в угоду владыке поражение выдать за успех, они готовы оклеветать отца родного, злейшего врага выдать за национального героя!

Остается сожалеть о том, что султан Агунг так и не смог сплотить в единый кулак правителей яванских княжеств в борьбе против голландского проникновения. Более того, в эти критические годы братья по крови и вере не раз выступали даже в союзе с неверными, друг против друга с оружием в руках ради близорукой материальной или политической выгоды. Как могли в общем-то сравнительно немногочисленные отряды европейцев покорить целые народы? Первое, что приходит в голову в поисках ответа на этот вопрос,— преимущество в военной технике. Оно действительно было. Пушки и мушкеты белолицых убивали эффективнее, нежели дротики и кинжалы. Парадоксально, но огромные восточные армии были разбиты не в последнюю очередь благодаря восточному же изобретению — пороху.

Однако главная причина, как представляется, заключается не в этом. В конце концов вооруженные азиатские орды, опираясь на надежный тыл, могли бы уморить в осаде любой гарнизон, и пушки не спасли бы интервентов от голода, жажды и болезней. Дело в том, что вся история закабаления Юго-Восточной Азии — поразительный пример отсутствия единства между туземными правителями. На каргу была поставлена судьба родной земли, а они были заняты ожесточенной династической грызнью, интригами друг против друга, были готовы поступиться своими территориями ради упрочения своих позиций в борьбе за престолы.

Встречались среди них отдельные деятели типа султана Агунга, которые были способны понять, какой кабалой может обернуться «помощь» неверных. Но таких было мало, единицы. Большинство же — недалекие, тщеславные, продажные. Это они давали колонизаторам одну возможность за другой совершенствовать на практике тактику «разделяй и властвуй», которая позднее стала классикой колониальной политики. Знакомясь с историей междоусобиц в решающие годы вторжения чужеземцев, приходишь к выводу, что туземные правители в этот период не воспринимали свой регион как политическую категорию. Для них голландцы были такими же конкурентами и союзниками в соперничестве за место в торговле пряностями, как и соседи-единоверцы.

В планы Ост-Индской компании входило овладение «Островами пряностей», превращение Батавии в единственный торговый центр Юго-Восточной Азии, изгнание из Южных морей всех других европейцев, включая испанцев из Манилы, португальцев из Малакки и Макао. Замысел был в основном осуществлен преемниками Куна. В 1641 году генерал-губернатор Энтони ван Дьемен принял капитуляцию португальской А-Фамозы. Малаккский порт голландцы закрыли, чтобы все суда из Индийского в Тихий океан проходили через Зондский пролив, поближе к их богатейшей Батавии. В 1666 году колонизаторы утвердились на острове Тидор. Весь архипелаг после этого стал принадлежать Ост-Индской компании. Гульденный звонкий сверкающий потоком

попились в темные подвалы амстердамских банков. Маленькая, холодная Голландия превратилась в госпожу огромной территории в Южных теплых морях, нищий задворок Европы стал ее первым купцом, самодовольным главным ростовщиком континента.

Весь архипелаг спустя восемьдесят лет после экспедиции Корнелиса де Хутмана был превращен в огромный трудовой лагерь, где индонезийцы с утра до ночи гнули спины под недремлющим оком надсмотрщиков, роль которых взяли на себя потомки некогда гордых и могущественных государей. Крестьяне постепенно переводились на положение рабов. Это был феодализм, которому колониальное правление придало уродливую, бесчеловечную форму. Окруженная голландской охраной, или, если посмотреть иначе, конвоем, туземная аристократия приобрела с приходом колонизаторов небывалую, деспотическую власть над населением подопечных территорий.

Как хозяева, голландцы в сравнении с другими порабощателями азиатских народов показали себя хуже всех. «Оранг Беланда» — так индонезийцы называли белых хозяев — действовали подобно недалекому, жадному человеку, который вдруг попал в набитую сокровищами пещеру. Ими владело только одно желание — нахватать как можно больше и как можно быстрее. Будто завтра — конец света. Побывав на островах в начале XIX столетия, один из наблюдательных европейцев заметил, что на всем у голландцев «лежит печать случайности... встретишь белого и видишь, что приехал он сюда на самое короткое время, для крайней необходимости». Этой необходимостью было обогащение.

В погоне за ним колонизаторы насильно заставляли крестьян выращивать пряности, кофе, индиго, другие экспортные культуры в ущерб посадкам риса, овощей. Все скупала исключительно компания по баснословно низким, экономически не оправданным ценам. Политика «принудительных культур» на первых порах давала неправдоподобно огромные барыши, но в более длительной перспективе была губительной для сельского хозяйства, заводила его в тупик, отнимала у нищающих земледельцев всякий стимул к совершенствованию сельскохозяйственного производства.

Сами колонизаторы в отчетах Совету директоров компании писали: доходы крестьян не обеспечивают «гигиенически соответствующие условия существования». Так витиевато они признавались в том, что на индонезийской земле всюду гуляет костлявая с косой, на лезвии которой написано: «Голод».

Презренная жажда золота толкала «просвещенных, высоконравственных» голландцев на жестокие интриги даже друг против друга. Почти два столетия в Батавии стояла арка, на архитраве которой из камня была вырезана голова некоего Питера Эрбервельда. Он был обезглавлен в 1737 году за попытку, как говорилось в приговоре, «свергнуть правительство Нидерландской Индии с помощью 17 тысяч яванцев и 10 тысяч балийцев». Каменные ворота выстроили как предупреждение о бесплодности любых усилий, направленных на освобождение от ярма компании. Спустя много лет после казни выяснилось, что Питер Эрбервельд и не помышлял ни о каком мятеже. Генерал-губернатору Зваардекруну приглянулся его обширный участок на одной из центральных улиц Батавии, и он попросил уступить землю ему. Питер Эрбервельд заупрямился. Тогда его ложно обвинили в предательстве, пытками вырвали «признание» и казнили, а собственность конфисковали.

Могильную плиту подлого Зваардекруна топчут сейчас прихожане церкви Сион в Джакарте. Она лежит рядом с боковым выходом, и, когда верующие выходят из дверей после службы под последние наставления священника, все не могут уместиться на узкой, выложенной каменной плиткой дорожке. Нетерпеливые норовят проскочить к воротам ограды по траве, черным буквам и гербу чугунной плиты, под которой погребен негодяй.

Знакомясь с хроникой колониальных бесчинств, поражаешься тому факту, что группа торговых тузов присвоила себе безоговорочное право распоряжаться судьбой народов архипелага в то время, когда Европа, в муках рождающая капитализм, носилась с идеями свободы личности, равенства, братства, парламентаризма. Куда девались эти идеалы пробующей силы буржуазии, когда европейцы вступали на трапы судов,

готовых отправиться к восточным берегам? Гуманизм, уважение прав и свобод человека, неприятие абсолютизма — весь этот набор высоких принципов как ненужный груз, как балласт оставлялся дома. Люди, только что ратовавшие за них, в мгновение ока превращались в свирепых конкистадоров, которые в своем разбое руководствовались только одним диким правилом — прав тот, кто сильнее.

Ярый бонапартист Вильям Дэнделъс, правивший Нидерландской Индией с 1808 по 1811 год, посылал на гибель одну тысячу туземцев за другой ради исполнения своего замысла за год — непременно за год! — построить дорогу от Аньера на западной оконечности Явы до Баньюванги — на восточной. Крестьян в полном смысле как скотов кнутами собирали в стада и гнали в смердящие лихорадкой болота. Всех, кто уклонялся от каторжных работ или не справлялся с дневной нормой, вешали. Тракт в тысячу километров без всякого преувеличения можно назвать дорогой, уложенной на человеческие кости.

Близ Аньера сохранился маленький ее отрезок в первоначальном виде. Когда я трясся по нему вместе с индонезийским журналистом, тот, показав на булыжную мостовую, сказал:

— Здесь каждый камень — могильный памятник. Дэнделъс был безжалостен. Султан Бантама не смог собрать очередную партию кули, его владение просто обезлюдело, и он был изгнан с Явы, сослан на восточные острова.

В один из инспекционных визитов в Джокьякарту «противник монархизма» уселся на наспех, специально для него сколоченный и покрытый позолотой трон и потребовал от султана приветствовать его публично как сюзерена. Можно представить, какой моральной мукой был этот поклон для продолжателя древней и гордой династии Шайлендра, для яванца, предпочитающего смерть унижению на глазах соплеменников и тем более подчиненных. В Дэнделъсе, этом провинциальном адвокатишке, вырвавшемся к власти спекулированием на идеалах Нового времени, заговорило атавистическое чувство раба, который с приобретением возможности казнить и миловать тысячи людей принялся мстить за многовековые унижения своих предков. Но не тем, кто был в них повинен, а тем бесправным, кто был отдан в его руки. В Нидерландской Индии у хозяев стало обычаем после обильного ленча удаляться в свои покои и отдавать свои изнеженные, раскормленные тела под чуткие и быстрые пальцы массажисток. В бедных яванских семьях в те времена девочек порой ослепляли в детстве, чтобы вырастить из них мастериц массажа и обеспечить им в будущем чашку риса. Ведь у слепых, как известно, пальцы обладают повышенной чувствительностью. По свидетельству голландской газеты тех времен, белые «привыкли к ежедневной процедуре массажа как к наркотику, просто не представляли себе жизни без радостей изощренных яванских упражнений на теле».

Ряд западных историков считают, что кальвинистские совесть и чувство справедливости все-таки пробудились у голландцев, когда колониальный чиновник Деккер опубликовал в 1860 году новеллу «Макс Хавелаар, или Кофейный аукцион Датской торговой компании». Как очевидец, этот либерал, взявший псевдоним Мултатули (Многострадалец), но жалея черных красок, расписал все мерзости голландского колониализма. Его книга действительно наделала много шума в Амстердаме. Обыватели охали и ахали по поводу бесчеловечности колониального режима, жалели бедных туземцев. «Засовестившиеся» правящие круги изобрели так называемую этическую политику, с помощью которой они намеревались «очеловечить» облик колониализма. Королева Вильгельмина в 1901 году в тронной речи заявила, что голландцы, как «представители христианской державы, обязаны помнить о нравственной миссии по отношению к туземному населению».

Однако этот поворот вовсе не означал, что в зажившей метрополии пожалели обреченных на голодную смерть индонезийцев. Просто опирающаяся на феодальную эксплуатацию система выжимания соков из низведенных до скотского состояния людей уже не давала прибылей. Дальнейшее ужесточение подневольного труда привело бы к вымиранию населения. А с мертвых не возьмешь и гроша.

В Нидерландскую Индию рвался со своим капиталом частный предприниматель, который видел другие, более совершенные и продуктивные методы ограбления

колонии. Буржуазия видела в ней не только источник экспортных культур, но и кладовую ценнейшего минерального сырья, фабрику первичной обработки сельскохозяйственной продукции, рынок сбыта потребительских товаров.

Под напором капиталистов в 1862 году была отменена система «принудительных культур», через восемь лет после этого принят земельный закон, позволяющий частным лицам скупать участки и использовать их по своему усмотрению. Как грибы после дождя на островах стали возникать конторы «Дели Маатшапи», «Гендельс Вереенигих Амстердам», «Юнилевер» и других компаний. Они разжились обширными плантациями чая, табака, хинина, кофе, понастроили фабрики первичной обработки этих культур, банки, отели, железные дороги, торговые дома.

Новый бизнес требовал более или менее квалифицированных и здоровых рабочих. А колонизаторы с крепостническими замашками так «заботились» о просвещении и здравоохранении, что 95 процентов индонезийцев были абсолютно неграмотны, двое из троих—хронически больны. Теперь же сахарным и табачным баронам были нужны работоспособные люди. Они создали необходимый минимум лечебных учреждений. Хозяевам предприятий и железных дорог требовались грамотные рабочие. Поэтому была приоткрыта для индонезийцев дверь в школу. «Этические» потуги не благородный порыв осознавших свою вину протестантов, а продиктованная временем забота все о том же собственном кармане. Они—позолоченная бумажка, в которую по необходимости завернули по-прежнему горькую пиллюлю колониализма. О неизменности хищнической природы власти чужеземцев страстно писала Раден Адженг Картини. Рожденная в 1879 году в семье яванского аристократа, она в 20 лет подняла трепетный от гнева голос в защиту страдающих от умственной деградации, нравственных и физических унижений земляков, богатого культурного наследия народов архипелага. «Я знаю, как страдает население,— писала она друзьям в Голландию, — а что собирается сделать правительство? Оно намерено реорганизовать администрацию, после чего страдания народа лишь приумножатся». «Голландцы смеются над нашей глупостью, но как только мы пытаемся получить подобающее образование, то немедленно строят нам всяческие препятствия»,— подчеркивала Картини в другом послании.

Письма славной дочери Явы были впервые опубликованы в Амстердаме в 1911 году. К тому времени Картини уже не было. Она умерла во время родов в возрасте 25 лет. Книга, в которой была собрана ее переписка под общим заголовком «Да будет свет, да скроется тьма», сразу же стала бестселлером. Через год ее переиздали на многих европейских языках. Протест против уродств колониализма Картини облекла в форму отстаивания достоинства Человека вообще. Ее философский и глубоко эмоциональный подход к вопросу о правах и свободах не мог оставить равнодушными честных людей в любом уголке земного шара. Поэтому мысли Картини, как справедливо отмечается в предисловии к одному из послевоенных изданий писем, «не только отразились на судьбах миллионов индонезийцев, но и вышли за пределы архипелага».

Касаясь колониального периода истории Индонезии, нельзя обойти следующее, имеющее большое значение для сегодняшнего дня республики явление. Как только на индонезийских берегах появились голландцы, то возле их крепостей, складов и церквей стали расти кварталы китайских иммигрантов. В первый год существования Батавии в ней насчитывалось около 800 китайцев. Через три года их было уже более двух тысяч. В подарок второму генерал-губернатору Нидерландской Индии, Жаку Спиксу, они преподнесли золотую медаль, на одной стороне которой выгравирована карта-схема города, а на другой — надпись: «В знак признательности вечной памяти мы, китайцы Батавии, дарим эту медаль Ж. Спиксу, генерал-губернатору Восточных Индий, выдающейся личности и нашему защитнику». Это не только откровенная лесть, но и признание очевидного факта. Голландцы, поощряя китайскую иммиграцию, брали ее под свою защиту. Они нуждались в китайцах, их мастеровых руках, трудолюбии, неумном стремлении разбогатеть, презрительно-снисходительном отношении к местным жителям.

В Бантене с минарета я разглядел соседствующие на берегу квадрат разрушенных крепостных стен и темно-красные черепичные крыши. Внизу смотритель башни подсказал, что это развалины голландской крепости и китайский храмовый комплекс. Стоит посмотреть, сказал он, форт: он старейший на Яве, так же как и китайская кумирня.

От бастиона остались только подвальные помещения, из черных провалов которых несло затхлой сыростью. Зато желтые, нарядные ворота храма издали привлекали внимание яркими красными иероглифами. Он выглядел совсем новеньким, будто только что выкрашенным. В таком соседстве было что-то символическое. Разрушенная, съеденная временем крепость и нестареющее своей праздничностью святилище. А ведь и то и другое было выстроено примерно в одно и то же время. Но угрюмая цитадель давно опустела, заброшена, ее хозяева не удержались своими жадными корнями в индонезийской земле, оставили по себе худую память. А в храме и сейчас жгут благовония в честь небожителей, просят у них процветания люди, которые ужились среди индонезийцев.

Вся китайская община Индонезии не жалеет средств на поддержание его в порядке. Семидесятилетний Ой Ки-Сиенг, один из руководителей общины, пояснил, что китайцам дороги упрятанные в темноту главного алтаря святыни, привезенные с родины первыми переселенцами. Как никакие другие, эти, с трехвековым опытом покровительства, сказал он, могут уберечь от невзгод и даровать удачу.

Раз в год, в августе, сюда съезжаются паломники со всех концов Индонезии, чтобы поклониться могущественным угодникам. Гости важные, богатые устраиваются в отдельных номерах в двухэтажном доме на территории храма, среднего достатка — в общежитии, длинном бараче в глубине двора, простые же ночуют прямо на траве, под открытым небом. Одеты в символизирующие чистоту души белые штаны и рубахи, они целыми днями жгут благовонные палочки на многочисленных алтарях, гадают, испрашивают у богов помощи.

Коротко стриженный, сухой, в оранжевых просторных брюках и куртке Ой Ки-Сиенг охотно провел меня по множеству залитых солнцем залов. Стены внутри были густо обвешаны старинными портретами китайцев с заплетенными в косичку волосами, часами всех форм и размеров, пожелтевшими фотографиями в память о религиозных фестивалях, широкими шелковыми лентами с вышитыми золотом иероглифами. В причудливо отражающих крутыми боками людей и предметы гигантских бронзовых чашах на львиных лапах тоненькими сизыми струйками курились благовония. Все было тщательно протерто, отутюжено, промыто, надраено. На каменном полу прямо на глазах подсыхали темные пятна влаги от недавней уборки.

Старик был вежлив, но строг. Не отказывался отвечать на вопросы. Однако говорил мало и только по существу. Сам ничего не спрашивал, твердо отклонил просьбу позволить сделать несколько снимков в храме. Не дал даже приблизиться к главному алтарю с тяжелыми шторами желтого бархата, из-за которых еле просматривались шитые золотом одежды фигур святых. «Боги,— без улыбки пошутил он,— были привезены сюда, когда фотоаппаратов и вспышек не было и в помине, незачем тревожить их и теперь вещами, им неизвестными». Уж не боялся ли священник, что мой фотоснимок сглазит чудодейственную силу древних идолов?

Распрощавшись с чересчур корректным китайцем, я вышел за ограду. На ровно поросшей травой площадке среди крепостных развалин за время осмотра храма собралась группа босоногих ребятишек. Мальчишки в коротких штанишках, а то и без них, в одних рубашонках, девочки в выцветших платицах с голопузыми малышами на руках. Внимание всех было приковано к центру круга, где в боевых позах, склонив к земле клювы и угрожающе распутив шейные ожерелья, застыли два тощих петуха. Дети предавались старинной забаве — петушину бою.

Птицы лишь страдали друг друга и никак не хотели вступать в драку, несмотря на нетерпеливые подталкивания, на поощряющие возгласы. После долгого, настойчивого подстрекательства петухи наконец отважились схватиться. Разом поднявшись в воздух под ликующие крики детворы, они столкнулись грудью, обменялись молниеносными ударами клювом и шпорами. После всего трех воздушных

атак один из петухов повернулся к сопернику хвостом, признав таким образом свое поражение.

Это были рядовые деревенские петухи, а не принадлежащие к специальной бойцовской породе. Да и изрядно старые, с облезлыми боками, ободранными хвостами. Петухи, казалось, решили просто разыграть спектакль и избавиться от настырных приставаний ребят. Поэтому и бой был вялым и коротким.

Другое дело — настоящие петушинные бои. Для индонезийцев они служат развлечением с незапамятных времен. Фрески с изображением дерущихся кочетов сохранились на камнях индуистского храмового комплекса Пенатаран на Восточной Яве; при дворе Маджапахита существовала почетная должность «смотрителя царских бойцовых петухов». Со временем была выведена специальная порода боевых птиц с мощными лапами, узкой, мускулистой грудью. Бои устраивались регулярно и в кратонах, и в деревнях. О победителях слагались легенды. Им давали звучные, запоминающиеся имена: Гордый Солдат, Кривое Крыло, Бьющий В Глаз. Схватки тогда чаще всего кончались гибелью одного из соперников, так как на шпоры цепляли острые как бритва стальные ножички.

Вокруг арен сражений охваченные азартом зрители заключали пари. Были даже такие случаи, когда на петушиных боях проигрывались целые состояния. В одной из яванских сказок жена обрушивается на мужа со словами: «Ты, бездельник и игрок, сделал нас нищими. Готов утащить последний горшок к нечестивым друзьям на петушиный бой». Но все это было и былшем поросло. Сейчас петухов продолжают сраживать в глубинке, но до смертельного исхода никогда драку не доводят. Все чаще эта традиция становится всего лишь детской забавой.

Крестьянские дети, собравшиеся на развалинах голландской крепости, не стали больше мучить хитрых петухов. Подхватив их подмышки, они шумной ватагой побежали в светло-зеленую заросль молодого бамбука навстречу новым развлечениям и играм.

6

ГАРУДА РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ

Англичанин Стэмфорд Раффлз в 1814 году писал: «...с момента появления европейцев яванцы не упускали ни одной возможности восстановить свою независимость». Первым знаменем освободительной борьбы стал ислам, возводящий в богоугодный подвиг убийство неверного, а тем более христианина, злейшего врага магометанства. Шейх Юсуф Алмагасари, султан Хассануддин, имам Бонджол, другие вожди первых выступлений индонезийцев за национальное достоинство призывали к джихаду — священной религиозной войне. Вера была символом сопротивления унижительной кабале, воплощением национальной чести.

Под исламскими лозунгами проходило и самое крупное антиколониальное крестьянское восстание на Центральной Яве, которое вошло в историю как «яванская война». Оно продолжалось с 1825 по 1830 год и отняло у колонизаторов столько сил и средств, что в Амстердаме, по собственному признанию голландцев, всерьез подумывали об отказе от колонии. Возглавлял восстание легендарный принц Дипонегоро.

Пожалуй, никакой другой национальный герой Индонезии не пользуется такой широкой популярностью, как этот неукротимый предводитель крестьянского ополчения. О нем сложены легенды, его именем названы улицы и площади в разных городах, многие известные и неизвестные художники считали своим долгом запечатлеть его на холсте, ему посвящены десятки памятников. Весьма выразителен монумент в центре Джакарты, на площади Мердека (Свобода). Распластавшийся в стремительном прыжке горячий конь, а на нем легкая, подобравшаяся перед ожесточенной схваткой фигура полководца в чалме истового мусульманина и с развевающимся, как боевое знамя, длинным традиционным шарфом.

Первые два года войны штаб Дипонегоро размещался к северу от Джокьякарты, высоко в горах, в пещерах Селаронг. Подняться к ним можно от одноименной деревни, население которой уже привыкло к туристам.

На центральной площади алун-алун, без которой не обходится ни один населенный пункт Индонезии, как бы мал он ни был, меня сразу атаковали со всех сторон, едва я вышел из машины. Мальчишки лет пяти-шести предлагали пачки ярких почтовых открыток, ребята постарше навязывались в провожатые, молодая яванка с густо намазанным рисовой пудрой лицом совала в руки футболку, на которой блеклыми красками был запечатлен Дипонегоро на коне. Рубашки с изображением принца в разных видах продавались и в лавках по периметру площади. Но уже по опыту я знал, что портрет героя после первой же стирки превратится в пятно неопределенного цвета, и поэтому отклонил назойливые домогательства яванки.

От деревни до пещер нужно идти полтора-два километра по крутой, посыпанной гравием тропе, змейкой выьющейся среди лесной чащобы. Я любовался распускающимися прямо на стволах деревьев большими яркими цветами, прислушивался к шумно возящейся где-то рядом стае обезьян, воркованию тысяч невидимых горлинок, замечал огромных рыжих муравьев, дружно переносящих через утоптанную тропинку длинную тысяченожку. Но вскоре стало не до этого. Из-за крутого подъема дыхание прерывалось, в висках стучало, пот заливал глаза, ноги никак не хотели отрываться от земли. В голове была одна мысль: скорее бы добраться. Путь был труден не только из-за крутизны подъема. Лес обволакивал липкой влажностью, душил тяжелыми испарениями, цеплялся колючим кустарником. Когда я наконец выбрался на небольшую площадку перед пещерой, то буквально рухнул на сколоченную из жердей скамейку и долго сидел, прежде чем с глаз спала пелена, восстановилось дыхание, перестали мелко дрожать ноги.

Небольшой, в человеческий рост, вход в пещеру был оправлен покосившейся рамой из толстых деревянных балок. Проникнуть внутрь оказалось невозможно. Не пускала выстроенная в глубине, в полутора метрах от входа, железная оградка. Из поясняющей надписи явствовало, что это была пещера «Каконг», в которой размещался непосредственно штаб Дипонегоро. Стрелка на табличке показывала путь ко второй пещере — «Путри».

С площадки хорошо просматривалась вся долина, тянущаяся на юг до невидимой Джокьякарты. Из пещеры любое передвижение большого скопления людей можно было заметить заблаговременно и успеть скрыться до того, как оно подойдет к подножию горы. Неудивительно поэтому, что неоднократные попытки голландцев захватить принца в его убежище не увенчались успехом. Каждый раз солдаты колониальных войск врывались в пустые, покинутые партизанами пещеры. В народе в связи с этим отважного Дипонегоро почитали как человека, обладающего сверхъестественной способностью становиться невидимым.

Индонезийский историк Сагимун объяснил неуловимость вождя восстания гораздо прозаичнее. Выше в горах есть еще пещеры. Но добраться до них может только тот, кто знает единственно возможный к ним путь. Там Дипонегоро и отсиживался, пока разъяренные голландцы с факелами в руках обшаривали нижние пещеры. Принц мог бы оказаться в ловушке, если бы колонизаторы знали о существовании еще одного убежища. Но в окружении Дипонегоро не было предателей. Никто не польстился даже на объявленную Батавией высокую награду за его голову — 50 тысяч гульденов. По тем временам, когда хороший буйвол стоил 25 гульденов, это была колоссальная сумма.

И все же белые схватили неистового принца. В марте 1830 года они пригласили его на переговоры в город Магеланг, пообещав полную неприкосновенность. Однако, как только Дипонегоро с двумя военачальниками поднялся на крыльцо отведенного для встречи дома, генерал де Кок подал рукой знак. На площадь перед зданием из боковых улочек в боевом порядке вышли голландские войска, к крыльцу резиденции подкатила сопровождаемая конным конвоем черная карета с железными решетками на окнах. Это была западня, устроенная вероломными, лживыми колонизаторами.

Известный индонезийский художник Раден Салех, писавший в европейской классической манере, запечатлел предательский акт на полотне. Копия его картины висит в одной из комнат здания, где должны были состояться переговоры. Дипонегоро, одетый в длинный полосатый халат — наряд, свидетельствующий о его

аристократическом происхождении,— пытается выхватить из-за пояса кинжал. Но увы... поздно! Его руки крепко держат дюжие офицеры. Де Кок в окружении подчиненных стоит, надменно сложив руки на груди, чуть в стороне. Принц и генерал смотрят друг на друга. В пронзительно жгучих глазах первого—презрение несломленного, благородного воина к подлому негодяю, в бараньем взоре второго—самодовольство недалекого солдафона. И хотя принц выглядит тщедушным среди рослых голландцев, из поединка взглядов становится очевидным, кто здесь подлинный победитель.

После ареста Дипонегоро восстание, в котором приняло участие практически все крестьянское население Центральной Явы, резко пошло на убыль. В течение нескольких месяцев колонизаторы, понастроившие за годы восстания около двухсот крепостей в долине Кеду, разбили лишившиеся вождя крестьянские отряды. Самого принца власти сослали на Сулавеси, где он и скончался в 1855 году в каземате форта «Роттердам», ныне являющегося одной из исторических достопримечательностей города Уджунг-Панданг.

К мятежу Дипонегоро толкнули соображения личного характера. Он был аристократом и по происхождению мог претендовать на джокьякартский престол. О том, что здесь не обошлось без династических интриг, говорит и непосредственный повод для восстания. Султан Джокьякарты, подталкиваемый голландцами, начал строить дорогу на север. Строители нарушили несколько могил в Тегалпреджо, где находилась резиденция Дипонегоро. Когда принц в отместку стал чинить препятствия дорожникам, военная экспедиция султана при поддержке голландского отряда захватила Тегалпреджо и подожгла дворец. На призыв Дипонегоро отомстить неверным откликнулись сначала его непосредственные подданные, а потом к восставшим стали присоединяться деревня за деревней, и пламя партизанской войны наконец охватило всю Центральную Яву. Как уже не раз бывало в истории, зачинщик движения стал его пленником. Хотел принц того или нет, но он оказался во главе народного восстания против колониального режима. И надо отдать ему должное: он с честью и до конца выполнил роль того вождя, которого хотели видеть в нем обездоленные и угнетенные крестьянские массы.

Яркой страницей в летопись национально-освободительной борьбы вошло мужественное сопротивление чужеземному господству жителей северо-суматранского княжества Ачех. Голландцы смогли подчинить их своей воле силой оружия только в начале XX столетия. Ачех первым воспринял ислам в его более раннем, а следовательно, и более чистом виде. Религиозность глубоко вплелась в повседневную жизнь ачехцев, законы опирались только на повеления Корана.

Окруженные со всех сторон «франками», изолированные от других мусульманских государств, правители Ачеха все чаще и острее стали понимать необходимость защиты завещанной отцами веры перед опасностью христианского вторжения. Объявивший себя потомком сразу и Адама, и Александра Македонского, и пророка Магомета султан Искандер Муда за тайные связи с кафирами приказал обезглавить собственного сына. Владыка принял титул махкота алам — венец мира— и объявил европейцам священную войну. В начале XVII века он несколько раз осаждал португальскую А-Фамозу, с наемной армией из фанатичных арабов и турок наводившей ужас на все европейские опорные пункты в Юго-Восточной Азии. В 1871 году голландцы, уже правившие почти всем архипелагом, решили прибрать к своим загребушим рукам и Ачех. Но надежду на скорую победу им пришлось оставить сразу же. Не одна сотня голландских солдат сложила головы в оцетинившихся копьями и кинжалами ачехских джунглях. Но через двадцать лет после начала войны в одном из боев погиб предводитель народного ополчения Теунгу Чик Ди Тиро, боевой дух партизан упал, и правящая элита Ачеха приготовилась уже послать в Батавию делегацию для выработки условий капитуляции.

В этот критический момент на поле брани появилась бесстрашная Чут Ньяк Дьен, индонезийская Жанна д'Арк. Дочь аристократа, жена и мать, она оставила уютный дом, любимого сына и бросилась в боевой мужской одежде в пламя партизанской войны. Весь Ачех услышал ее страстный клич: «Священный Коран или вечный позор, родина или смерть!»

Отважная женщина не выпускала из рук оружия 30 лет. Героический дух Чут Ньяк Дьен воодушевлял ачехцев на сопротивление иностранному игу и после того, как султан Ачеха сдался на милость колонизаторов. С горсткой единомышленников она продолжала вооруженную борьбу до тех пор, пока в 1903 году ее, 55-летнюю, немощную, не взяли в плен. И в момент пленения она пыталась оказать сопротивление, но молодому, здоровому лейтенанту не стоило труда выбить кинжал из рук полуслепой, обессилевшей от многолетних скитаний по негостеприимным джунглям женщины.

Котараджа, столица Ачеха, загудела встревоженным ульем, когда в нее привезли под конвоем Чут Ньяк Дьен. Каждый мусульманин хотел припасть к ногам легендарной воительницы за свободу и веру. Власти поспешили вывезти ее с Суматры. Она была упрятана в глухую деревушку Сумеданг в горах Западной Явы. Там совсем лишившаяся зрения, одинокая, оторванная от страстно почитаемой священной ачехской земли, не склонившая головы героиня скончалась в 1908 году.

На единственном сохранившемся портрете она запечатлена молодой, только что вставшей на долгий путь суровых испытаний. Решительный разворот головы, плотно сжатые губы, строгость одеяния говорят о решимости женщины до конца пройти избранной стезей, непреклонной воле, преданности идее. Блуза со стоячим воротником, перекинутый через правое плечо, как военная перевязь, шарф подчеркивают бескомпромиссность характера. И вместе с тем огромные, широко расставленные глаза выдают в Чут Ньяк Дьен нежную женщину. В них—едва уловимая печаль молодой красавицы, которой пришлось отказаться от предначертанной природой и происхождением доли и взвалить на свои хрупкие плечи бремя, посильное далеко не каждому мужчине.

В 1958 году первый президент независимой Индонезии Сукарно подписал правительственный указ о присвоении славной дочери Ачеха посмертно почетного звания Национальный герой Индонезии. Ее скромную могилу в Сумеданге местные жители почитают как святыню. После пятничных молебнов и по мусульманским праздникам к ней приходят люди и посыпают ее лепестками цветов. Надгробье из серого камня ничем не выделяется среди других захоронений. Отыскать его на кладбище за высокой стеной мне помог служака из действовавшей при мечети мусульманской школы.

Когда я его спросил, почему богатая, сытая Чут Ньяк Дьен добровольно обрекла себя на страдания, служака коротко ответил:

— Тидак сенанг.

Я еще раз столкнулся с неисчерпаемостью этого выражающего сущность индонезийского характера словечка «сенанг». Словарь переводит его как «удобство, покой». Случаи его применения индонезийцами бесчисленны. Ходить по пятницам в мечеть — сенанг, курить сигаретку с гвоздикой — сенанг, играть с детьми — сенанг, иметь покладистую жену — сенанг, сидеть в дождь под крышей — сенанг и так до бесконечности. Пока у индонезийца мир в душе, пока ничто его не тревожит, не раздражает, пока он не напрягается — он сенанг. В противном случае он — тидак сенанг.

Очень тесно с этим всеобъемлющим понятием переплетается другая жизненная категория — чочог, что в переводе означает «соответствие». Все в мире, считают индонезийцы, должно быть в гармонии, все должно подходить, как, скажем, ключ к замку. Если муж и жена чочог, то брак счастливый, если погода и земля чочог, то будет обильный урожай, если работа и человек чочог, то ждите хороших результатов труда. Если все чочог, то индонезиец — сенанг.

Так что из краткого ответа следовало, что усилия голландцев оружием покорить Ачех не чочог с религиозными убеждениями Чут Ньяк Дьен. Решительная женщина не была поэтому сенанг и ради восстановления душевного равновесия оставила комфорт дворца и бросилась в пламя партизанской борьбы.

Две женщины аристократического происхождения — Раден Адженг Картины и Чут Ньяк Дьен — восстали против чужеземного ига примерно в одни и те же годы. В борьбе за честь и достоинство родной земли они дополняли друг друга. Одна пыталась

разорвать колониальные оковы гневным словом, другая — разрубить их мечом. «Мы идем вперед, и голландцы не в силах остановить реку времени. Новая жизнь придет на Яву если не при нас, то при тех, кто придет после нас. Эмансипация носится в воздухе, она неотвратима». Эти слова Картини стали пророческими. Они живым семенем легли в индонезийскую землю и дали всходы, из которых выросло могучее дерево национально-освободительного движения, возвратившего Индонезии свободу в 1945 году.

За три года до начала второй мировой войны генерал-губернатор де Йонге хвастливо заявил: «Мы правили в Индиях в течение трехсот лет с помощью кнута и палки, и мы будем продолжать править таким же способом еще три столетия». Напыщенная бравада лопнула как мыльный пузырь. В 1942 году голландцы бежали с индонезийских островов под натиском японцев. По словам очевидцев, белые, еще недавно мнившие себя полубогами, в этот критический момент, спасая свою жизнь, сбрасывали с себя европейскую одежду, напяливали туземные тряпки, красили лица в коричневый цвет, чтобы выдать себя за индонезийцев.

5 марта 1942 года японцы без единого выстрела взяли Батавию, а через четыре дня после этого приняли от голландцев безоговорочную капитуляцию. Рухнул миф о «неуязвимости» белой расы и ее «превосходстве» над азиатами. Индонезийцы встретили вошедшие в города походным маршем японские войска цветами. Для них они были в эти первые дни освободителями от ненавистного колониального режима. Приветствуя колонны японцев, народ вспоминал слова легендарного провидца Джайобойо, который в середине XII века предсказал, что долгие годы Явой будет править Белый буйвол, которого на время созревания кукурузы сменит Желтая обезьяна, перед тем как яванцы вновь станут хозяевами своей земли. Поведение японцев на первых порах убеждало индонезийцев в том, что Джайобойо действительно обладал даром ясновидения.

Оккупационные власти представились «старшими азиатскими братьями», позволили вывешивать красно-белые индонезийские национальные флаги, передали местным жителям некоторые принадлежавшие прежде голландцам административные посты, разрешили переименовать столицу в Джакарту. Но прошел месяц-другой, и «освободители» показали свое подлинное лицо. Преподносившие себя «лидером, защитником и светочем Азии» японцы принялись грабить Индонезию не менее жестоко, чем голландцы. В стране была введена трудовая повинность, у крестьян отбирали продовольствие, сурово пресекались всякие попытки проявить националистические чувства.

Знакомый по Джакарте хозяин антикварной лавки, вспоминая о годах японской оккупации, рассказывал, как его, тогда еще 18-летнего юношу, японский офицер избил до полусмерти рукояткой пистолета за то, что тот при встрече «плохо» приветствовал его, слишком медленно снял феску и не слишком низко поклонился. Но это его испытание — пустяк по сравнению с тем, что выпало на долю его брата. Тот угодил в одну из облав и вместе с сотнями других молодых людей был отправлен, как сообщили оккупанты родственникам, «с почетным заданием за границу». В народе знали, что под этим подразумевались каторжные работы в Малайе или Бирме, откуда никто не возвращался домой. Семья до сих пор, говорил лавочник, не знает, жив ли брат, а если умер, то где похоронен.

После разгрома фашистской Германии военно-политическая обстановка на восточном фланге мировой войны изменилась коренным образом. Оккупанты вновь стали заигрывать с националистическими силами Индонезии, надеясь использовать страну в планируемой ими затяжной войне. Главнокомандующий японскими войсками в Юго-Восточной Азии маршал Тераучи в конце июля 1945 года получил из Токио депешу, в которой сообщалось о решении императора «даровать индонезийцам независимость... когда участие России в войне на Дальнем Востоке станет неизбежным». 6 августа Тераучи сообщил об императорской воле лидерам индонезийского народа Сукарно, Хатте и Раджиману, которых вызвал к себе в штаб в Далат, на юге Вьетнама. «Японское правительство,— сказал он,— передает дело независимости Индонезии полностью в ваши руки». 14 августа индонезийские руководители на

японском военном самолете вернулись из Далата в Джакарту. В тот же день Токио официально согласился на капитуляцию. Весть о полномочиях трех лидеров и о признании Японией поражения облетела весь город. Революционно настроенная молодежь не хотела принимать независимость как «дар» из рук оккупантов и решительно требовала провозгласить Индонезию свободной республикой самостоятельно и немедленно. Обстановка, считала она, была благоприятной. Деморализованные известием о капитуляции японские войска не смогли бы оказать сопротивления.

Сукарно и Хатта, однако, не поддались на призыв молодых революционеров. Вечером 15 августа Сукарно твердо отказался возглавить «ночной переворот». Джакарта, сказал он, еще не вся Индонезия, помощи ждать неоткуда, и если начать революцию немедленно, то может пролиться кровь тысяч людей. Тогда молодые, горячие головы решились на отчаянный шаг. Вот как описывает его в своих мемуарах активный участник тех бурных событий, будущий вице-президент Адам Малик:

«Мы решили похитить обоих лидеров и заставить их провозгласить независимость в небольшом поселке Ренгасденклок в стороне от Джакарты, в стороне от вмешательства японского режима... Рано утром 16 августа 1945 года группа вооруженных людей похитила Сукарно, его жену Фатмавати и сына Гунтура — тогда 11-месячного ребенка — и Бунг Хатту и привезли их в Ренгасденклок... Позднее я узнал, что Сукарно не поддавался на уговоры, ссылаясь вначале на то, что, согласно яванской астрологии, 16 августа не является тем сочетанием цифр, которое бы обеспечило успех провозглашения независимости». Подлинной причиной его отказа было стремление избежать большого кровопролития.

Тем не менее решимость и революционный энтузиазм похитителей возымели свое действие. Сукарно, взвесив все «за» и «против», дал согласие объявить Индонезию свободной на следующий день. Вечером все вернулись в Джакарту и за ночь выработали текст декларации. Фатмавати сшила национальный флаг. А утром 17 августа около дома номер 50 на улице Пегангсаан-Тимур, где жил Сукарно, ровно в десять часов утра лидер национально-освободительного движения перед снятым с японской радиостанции микрофоном ровным, твердым голосом заявил:

«Мы, индонезийская нация, настоящим провозглашаем независимость Индонезии. Вопросы, связанные с передачей власти, и другие вопросы будут решены самым тщательным образом в кратчайший срок. От имени индонезийской нации: Сукарно, Хатта».

На бамбуковом шесте был поднят национальный флаг. Все присутствовавшие запели песню «Великая Индонезия», которая потом стала государственным гимном. Адам Малик, работавший в то время в отделении японской информационной службы Домэй, организовал передачу сообщения о рождении нового государства на весь мир по радио, игнорируя японских цензоров.

Только что родившаяся республика с головой окунулась в купель суровейших испытаний. После войны голландцы попытались вернуться в бывшее владение. Как им не хотелось терять такой лакомый кусок! Как ни у какой другой метрополии, благосостояние Голландии определялось размерами вывозимых из колонии богатств. Чем она была, распоряжаясь Индонезией? Третьей в мире колониальной державой. А без нее? Маленькой страной у холодного северного моря. Поэтому голландцы делали все, что было в их силах, ради возвращения в Индонезию.

На защиту свободы поднялся весь народ. «Что такое Республика Индонезия 1945 года? — писал позднее Сукарно. — Национальное знамя, гимн «Великая Индонезия» да огонь борьбы за независимость, который горел в наших сердцах». Этот огонь поднимал жителей Сурабаи в октябре и ноябре 1945 года против английских войск, которые первыми высадились на индонезийские берега после капитуляции Японии, воодушевлял бойцов молодой национальной армии в боях с механизированными голландскими дивизиями в июле 1947 года, укреплял силы индонезийцев в сражениях декабря 1948 года, когда 150-тысячная голландская армия еще раз попыталась танковыми колоннами задушить молодую республику.

Все потуги снова заковать индонезийцев в рабские кандалы разбились о стойкость и мужество защитников независимости, международную солидарность с борющимся индонезийским народом. Одним из первых дружескую руку помощи протянул Индонезии Советский Союз. В январе 1946 года советская делегация в ООН потребовала от Совета Безопасности обсудить угрозу, создаваемую миру и безопасности Юго-Восточной Азии англо-голландскими военными действиями.

После трех с половиной лет героического сопротивления право на независимое существование и развитие было признано и со стороны Голландии. Королеве Юлиане ничего не оставалось, как сделать «благородный жест» — официально «передать» правление бывшей Нидерландской Индией правительству Республики Индонезия.

Ежегодно во дворе Истана-Мердека — Дворца независимости — в центре Джакарты 17 августа устраивается торжественно-чинная церемония. Мою машину со специальным пропуском полиция остановила примерно за километр от места торжества. Долго искал проходы в лабиринте стоящих бампер к бамперу автомашин. Мысленно возмущался: кто только выдумал эти протокольные условности! Тут жара невыносимая, от выхлопных газов дышать нечем, по шее за воротник текут реки, а развязать галстук — не смей, скинуть тяжелыми доспехами легший на мокрую спину пиджак — нельзя. Пригласительный билет обязал явиться при полном параде.

Пытка тропическим зноем удвоилась, когда попал под приготовленный для гостей огромный навес. Полосатая брезентовая крыша на металлическом сборном каркасе укрывала от палящих лучей, но и служила колпаком, под которым меж сидящих плотными, тесными рядами приглашенных застыл расплавляющий нутро воздух. Пробираясь к своему месту, я видел лежащего близ навеса на траве юношу с посеревшим, заострившимся лицом. Вокруг него хлопотали девушки в белых халатах из общества «Красный Полумесяц».

— Он в обмороке, — сказала одна из них. — Ничего страшного. За утро это не первый случай. Полежит, отойдет.

Телесные терзания забылись, когда началась церемония. Все внимание переключилось на площадку, обрамленную ровненькими каре из отборных подразделений родов войск и полиции. За две минуты до десяти из дворца вышли президент, вице-президент, члены кабинета, лидеры парламента. Командующий парадом доложил о готовности войск к торжеству. Распорядитель по радио отдал приказ: отметить День независимости орудийным салютом. Завыли сирены, застыли со вскинутыми винтовками воины, встали гости. Скрытая за Истаной батарея в честь 17 августа дала 17 залпов.

В чуткой, напряженной после канонады тишине председатель парламента зачитал историческую Декларацию: «Мы, индонезийская нация, настоящим провозглашаем независимость...» Потом министр по делам религии цитатами из Корана освятил торжество. После него с краткой речью выступил президент. Из деревянного резного ларца он достал свернутый красно-белый флаг и, прикоснувшись к нему по мусульманскому обычаю лбом в знак почтения, подчеркнуто бережно передал в руки девушки в военной форме. В сопровождении офицерского эскорта из представителей разных островов архипелага, олицетворяющего единую и многонациональную Индонезию, флаг был доставлен к металлической мачте в центре площадки. Офицеры отрепетированными до впечатляющего синхронизма движениями прицепили полотнище к тросу, подняли его свернутым. Освобожденный от невидимых пут флаг сразу широко развернулся, и в тот же миг мощно зазвучали слова:

Индонезия, моя Отчизна,
Родившая меня земля,
Где я поднялся,
Чтобы защищать Родину-Мать.

Это был Государственный гимн. Его пел хор, ровно тысяча молодых голосов. Слова и музыку величавой песни написал журналист и скрипач Супратман. Впервые она прозвучала на Всеиндонезийском съезде молодежи в октябре 1928 года. Тогда

молодые индонезийцы поклялись не жалеть сил в борьбе за единую нацию, единую родину, единый национальный язык. Для многонациональной, разбросанной по островам, разноречивой Индонезии эта клятва была огромным политическим шагом вперед на пути к освобождению от колониального ига. Песня из зала съезда выплеснулась на улицы как гимн освободительного движения.

Выступлением хора церемония и закончилась. Юноши и девушки в строгой униформе белого и черного цветов исполнили песни «Индонезия — наша древняя Родина», «День независимости», «Гаруда — Панчасила», «Тебе — наша Родина». В первой прославлялась глубокая и богатая история страны, во второй — героика борьбы за национальное освобождение; в третьей проводилась мысль о том, что нынешняя государственная идеология Панчасила — наследница исторических традиций индонезийского народа; в четвертой песне молодое поколение клялось в готовности защитить суверенитет Индонезии, раскинувшейся от Сабанга до Мерауке, от островка к западу у суматранского побережья до берегов Западного Ириана.

7

В СТАРОМ ГОРОДЕ

Столице Индонезии более четырех с половиной столетий. Ее название — Джакарта — происходит от Джайякерта, что в переводе означает «великая победа». Принц-мусульманин Фатахиллах 22 июня 1527 года захватил находящийся в устье реки Чиливунг порт Сунда-Келапа и переименовал его в память о военном триумфе в Джайякерту. Захватом портового города Фатахиллах хотел предотвратить проникновение на яванскую землю европейцев. Он знал, что португальцы из Малакки вознамерились создать в Сунда-Келапа торговую факторию, а для ее защиты — форт. С этой целью заключили с правителем города соответствующий договор. В ознаменование соглашения чужестранцам была подарена «тысяча корзин перца». Об этом говорит хранящаяся ныне в Национальном музее в Джакарте высеченная в 1526 году мемориальная каменная плита. Португальская флотилия подошла к причалам порта через пять лет после подписания договора, но была вынуждена отступить. Ее встретил огонь батарей Фатахиллаха. Имя полководца сегодня носит старейшая джакартская площадь в районе, который местные жители называют Кота-лама — Старый-город.

Площадь вместе со зданием, занимаемым ныне Государственным архивом, и церковью Сион за железнодорожным вокзалом — наиболее интересные исторические достопримечательности столицы. От голландской крепости с ее четырьмя бастионами, претенциозно называвшимися Жемчужиной, Алмазом, Сапфиром и Рубином, не осталось и следа. Только названия квартала Интен и улиц Пинту-Бесар и Пинту-Кечил хранят в себе эхо канувших в Лету времен. Интен переводится как «драгоценный камень», Пинту-Бесар — «большие ворота», а Пинту-Кечил — «малые ворота». Через первые выезжали в роскошных колясках в город хозяева колонии, выходили на подавление мятежей воинские колонны, через вторые впускали в крепость туземцев для всяких черных работ. Улицы выводят на площадь Фатахиллаха, которую джакартцы еще называют площадью Трех Музеев. Они расположились в примыкающих к ней старинных зданиях.

Музей Джакарты обосновался в особняке, который некогда служил резиденцией самому генерал-губернатору. В двух корпусах, симметрично расходящихся от увенчанного башней с крестом центрального блока, собраны экспонаты. В огромных сумрачных комнатах находятся камни Таруманегары, копии портретов правителей Нидерландской Индии, колониальная мебель, посуда, предметы быта горожан прошлых веков, традиционные джакартские повозки, маски.

Художник-монументалист Харьяди в 1975 году начал расписывать стены одной из комнат в левом крыле. Хотел в красочном переплетении человеческих фигур передать всю историю Индонезии от «яванского человека» Эжена Дюбуа до наших дней. Однако через год напряженной работы выяснилось, что от неизбежной сырости краски портятся. Пришлось отказаться от затеи, оставить работу незавершенной. Во

многих местах на стенах только обозначены контуры углем, в других — фигуры закрашены наполовину, в третьих — просматриваются законченные композиции. Так и кажется, что вот появится художник и продолжит покрывать стены живыми красками.

В музее почти отсутствуют пояснительные надписи, никто не присматривает за посетителями. Да в этом и нужды, видимо, нет. Сколько раз я там ни бывал, не видел ни души, кроме двух-трех сонных служителей, лениво рассматривающих через открытые двери пустынную площадь.

Справа — Музей изобразительных искусств. Здание выполнено в псевдоклассическом стиле, с порталом, колоннадой.

Построено оно в начале нашего столетия на пожертвования китайских торговых домов. Украшение музея — подаренная ему Адамом Маликом коллекция старинного фарфора. Наиболее ценные вазы в ней датируются XVI веком. Привлекают внимание картины самого популярного в сегодняшней Индонезии художника Аффанди. В 1971 году ему исполнилось 75 лет, и он был еще полон творческих замыслов. Его оригинальная манера писать толстыми, выпуклыми мазками, давать образ в пестром, мозаичном сочетании красок принесла ему широкое международное признание.

По левую сторону площади расположился Музей театра кукол — вайянга, открытый в 1975 году. Он занял старинное здание, выстроенное на фундаменте голландской церкви. Богатые экспонаты дают полное представление о традиционном индонезийском театре, о всех его направлениях. Один из работников музея, узнав, что я из Советского Союза, радостно сообщил, что несколько наиболее характерных кукол из этого музея были переданы в Центральный театр кукол в Москве.

Достопримечательность четвертой стороны площади — трехметровая старинная пушка. Сейчас мало кто обращает внимание на эту громадину. Если к ней и подходят, то лишь для того, чтобы рассмотреть открытки, разложенные уличными торговцами на ее массивном постаменте. А ведь совсем недавно городские власти были вынуждены спрятать орудие, чтобы избавить площадь от многотысячных толп паломников к нему.

Пушку отлили португальцы в XVI веке. Торец затвора выполнили в форме человеческой кисти, пальцы которой сложены «дулей». По средневековому поверью народов юга Европы, такая композиция пальцев ограждала от дурного глаза. Голландцы привезли орудие в Батавию из захваченной в 1641 году Малакки и водрузили его на свою крепостную стену. Один из офицеров батавского гарнизона того времени записал в своем дневнике: «Нам не разрешали давать из португальского монстра слишком много залпов в праздничные дни. Боялись, что от сотрясений рухнут дома».

Генерал-губернатор Дэнделъс в 1810 году приказал оснастить форт более современной артиллерией, а старую отправить на переплавку. Но португальской пушке повезло. Она не попала в плавильный котел. Была слишком тяжела, и никому не хотелось тащить ее. Чудовище просто сбросили со стены в траву и позабыли.

Прошло какое-то время, и началась вторая жизнь орудия — как обожествленного объекта поклонения. Затвор замолчавшего навек ствола народная молва наделила способностью... избавлять женщин от бесплодия. Его называли «Ньи Джагур», что означает «женщина». Слухи о чудодейственной силе пушки разнеслись даже за пределы острова.

Вокруг железного чудища стали собираться тысячи страждущих женщин, устраивались молебны, жертвоприношения, песнопения. Прикоснуться обнаженным низом живота к «волшебной дуле» приезжали с близких и далеких островов, а также из других стран. Полтора столетия женщины поклонялись пушке. В 1975 году в интересах соблюдения санитарных норм власти свезли «Ньи Джагур» на задворки городского музея. Лишь через три года, когда вера в «животворящую силу» металла исчезла, орудие вновь выставили для всеобщего обозрения.

Архив разместился в бывшем особняке высокопоставленного чиновника колониальной администрации. Находится он на улице, переименованной после революции в честь знаменитого первого министра империи Маджапахит Гаджа Мады. Когда-то эта магистраль соединяла крепость с городом, и вся была застроена примерно такими же зданиями. Дом выразителен своей простотой и в то же время

основательностью. Высокая черепичная крыша создает необходимую в тропиках защищающую от зноя воздушную подушку, большие двери и окна забраны деревянными прочными решетками так, что их можно всегда держать открытыми, совершенная симметрия придает строению практичный лаконизм.

На массивной верхней перекладине главного входа вырезано на латинском языке слово «Надежда», над первыми внутренними дверьми — «Вера», а слово «Любовь» украшало выход во внутренний двор. Но брус с этим словом, сказали мне, был украден и как антиквариат продан в США.

Почти все здание занято под хранилище государственных документов. Только бывшая гостиная превращена в маленький музей, где экспонируются предметы голландского быта первых колониальных лет. На столике с гнутыми ножками под стеклом там хранится подлинный акт купли-продажи 10 сентября 1755 года участка земли, на котором теперь стоит Архив — единственный во всей Джакарте образец голландской бытовой постройки более чем двухвековой давности.

Если ехать по улице Гаджа-Мада прямо, то она приведет к старому порту. В одно из воскресений я отправился туда за час до рассвета. Несмотря на ранний, по моим понятиям, час, жизнь в порту уже кипела вовсю. Шумно торговали рыбой, креветками, крабами, настезь были открыты лавки зеленщиков, прямо на тротуаре, на пластиковые подстилки, выложили свои товары торговцы одеждой, галантереей, посудой, всякой мелочью, ненавязчиво зазывали к своим прилавкам продавцы раковин разных цветов, размеров и форм, чучел чудо-рыб, амулетов из «морского корня» или зубов акулы, других сувенирных диковинок.

В тропиках утренние, сохраняющие прохладу ночи часы — наиболее удобное для активной деятельности время. Полуденный зной, послеполуденная давящая жара не располагают к движению. Днем поэтому индонезийцы вялы, как бы погружены в полудремотное состояние. Некоторые европейцы воспринимают эту заторможенность как врожденную лень, пристрастие к праздности. Но если присмотреться внимательнее, то обнаружишь, что бездеятельность кажущаяся. Индонезийцы почти все время чем-то заняты, что-то делают, но так медленно, с такими длительными перерывами, что их занятие и не усмотришь сразу. Это свидетельствует не о лени, а лишь о весьма совершенном приспособлении к жизни под жарким экваториальным солнцем, в условиях монотонного, расслабляющего климата. Оно продиктовано инстинктом самосохранения, потребностью выжить в условиях тропиков.

За воротами в порт сразу же начинается причал, у которого тесно, в длинный ровный ряд выстроились шхуны. Ярко выкрашенные в контрастирующие цвета с преобладанием белого, с острыми, приподнятыми носами, со свисающими темными треугольниками парусами, они были так легки и изящны, что в голову невольно пришло банальное и тем не менее верное сравнение. Шхуны были как птицы! Как стая тонкокрылых птиц, усевшихся на мгновение на берегу, чтобы вот-вот вспорхнуть и разлететься в разные стороны.

Суда-птицы прибыли с Суматры, Сулавеси, Калимантана, Молукк. В основном они были загружены связанными в тугие пачки жестяной лентой деревянными брусами — ценной тропической древесиной. Босоногие грузчики, двигаясь вереницей, сносили их на берег по шатким доскам с насечкой и складывали в высокие штабеля на бетонных площадках. Но с некоторых шхун разгружали мешки, которые своим пряным запахом выдавали содержимое — гвоздику. На заре торговых сношений между островами этот отпущенный тогда только Молуккам удивительный дар природы, несомненно, был одним из главных товаров наряду с перцем, золотом и рисом.

Редкий матрос, завидев меня, не приветствовал: «Хэлло, мистер!» Многие знаками показывали, что хотели бы сфотографироваться, приглашали подняться на борт. На шхуне «Тереза» с Сулавеси крепко сбитые, мускулистые парни по очереди подали мне руку, назвали свои имена. В отличие от яванцев смотрели прямо в глаза, улыбались во весь рот, держались очень свободно. Но в поведении не было вызова. Раскованность была результатом сознания своих сил, уверенности в них. Это были молодые буги.

Предприимчивость и самостоятельность — исконные черты этой народности. Одно из ранних тому подтверждений — история возникновения династии султаната Селангор на Малаккском полуострове. В 1677 году правитель Джохора, государства в южной части полуострова, нанял отряд бугов для войны против суматранского княжества Джамби. Джохорский владыка был хорошо наслышан о гордости и воинственности этого племени. Буги не обманули его ожиданий. Они одержали для него ряд блистательных побед.

Но султан недооценил независимого духа бугов. Когда надобность в них отпала, он никак не мог спровадить их восвояси. А попытка силой отправить наемное войско домой заставила его горько раскаяться. Буги обратили оружие против бывшего хозяина и разрушительным смерчем прошли по его владениям. Затем более полувека они тиранили малайские султанаты, немало хлопот доставили сидевшим в те времена в Малакке голландцам. В 1742 году выходцы с Сулавеси захватили Селангор, умертвили местного правителя, а на его трон посадили Раджа Луму, внука одного из пяти братьев, которые некогда покинули отчий край во главе наемного войска по зову султана Джохора. Так было положено начало новой династии.

— Когда я в море,— сказал мне Уданг, один из матросов «Терезы»,— я скучаю по суше. Там дом, семья. Но стоит побыть на земле несколько дней, и опять тянет в море. Под парусами я чувствую себя хорошо. Сердце радуется.

— А как случилось, что ты стал матросом?

— Это от деда и отца. Был еще маленьким, а отец уже брал с собой в море. Учил ставить паруса, читать звезды, показывал мели, течения. Своего сына, когда подрастет, тоже возьму с собой. Пусть привыкает.

Суда, на которых плавали предки Уданга, можно увидеть в Морском музее Бахари. Он разместился недалеко от порта, в прочных, просторных, обновленных зданиях бывших складов Ост-Индской компании. Голландцы позаботились о том, чтобы собранный для отправки в метрополию колониальный товар был надежно укрыт. Стены метровой толщины, низкие потолочные своды из гигантских деревянных брусков, окружающая склады высокая стена со сторожевыми башенками — все говорило о том, что склады строили как крепость.

На первом этаже музея выставлены модели старинных парусных судов в натуральную величину со всех островов архипелага. Они заметно отличались друг от друга в деталях, но в целом были так похожи, что у посетителей не оставалось сомнений в их принадлежности одному региону. Как братья или сестры: разные, но и явно родные. Объединяли модели длинный задранный нос, широкая, вогнутая книзу и центру палуба, косой треугольный парус, балансиры из цельного ствола дерева.

Тут же, в Старом городе, есть улица, название которой очень точно отражает ее суть, ее характер. Это Пасар-паги — утренний базар. Его тесные и грязные торговые ряды оживают в пять часов утра, когда восход только угадывается по бледнеющему горизонту. Хозяева лавок разбирают пронумерованные доски дверных ставен, раздвигают предвратные железные решетки. В узкие проходы въезжают неуклюжие грузовики с тюками и ящиками. Криками расчищают себе дорогу грузчики с телегами на мотоциклетных колесах, носятся с подносами и корзинами от закусовых к лавкам верткие мальчишки, появляются первые покупатели.

Здесь отыщешь не только все то, что продают в супермаркетах центра: французские духи и швейцарские часы, электронную японскую аппаратуру и английскую шерсть, китайский трикотаж и тайваньские медикаменты. Найти можно и необыкновенное. Хотите морскую раковину с тихоокеанского острова Науру? Извольте! Желаете высушенную по особому способу рыбу из Таиланда? Пожалуйста! Изготовленный в христианской Европе молитвенный мусульманский коврик? Вот он, берите! Только платите, касса в углу!

В «Рату-плаза», «Саринах» или других фешенебельных магазинах центра товары рассортированы, лежат аккуратненько на бархате, под стеклом. А здесь все вперемежку, грудями, покрыто пылью, в смятых коробках, рваных пакетах. И тем не менее барометр торговой погоды не в центре, а здесь, на Пасар-паги. Сюда едут

бизнесмены узнать рыночную конъюнктуру, заключить оптовую сделку на сотни миллионов рупий.

Заправляют Утренним базаром лица китайского происхождения. Им не занимать деловой хватки, терпения, гибкости. Не сажай грушу, говорят они, если не уверен, что тебе придется отдохнуть в ее тени. Этот практицизм сложился в силу ряда причин. Уехать китайцу из Китая, оторваться от могил предков крайне тяжело. Родные края покидали только под давлением чрезвычайных обстоятельств и наиболее предприимчивые люди. При этом обязательно с мыслью вернуться домой, но, разумеется, с набитым золотом карманом.

Стремление подзаработать будило в иммигрантах инициативу, возвращало способность приспособляться к разным условиям. Кроме того, освободившись от жестокого регламента жизни на родине, они давали волю изобретательности, самостоятельности. В странах Южных морей, богатых природными ресурсами и населенных народами с терпимостью к чужой системе жизненных ценностей, китайцы развили в себе способность к предпринимательству, посредничеству, ростовщичеству.

Традиционно важная основа социального порядка в Китае — культ семьи и клана — осталась фундаментом китайской общины и в Индонезии. И здесь в семьях китайцев интересы дома стоят выше личных запросов каждого из его обитателей. С пеленок китайцы приучаются приносить свои чувства в жертву семье, превыше всего ценить клановые, общеобязательные идеалы. Более того, в условиях иммиграции, языковой и культурной несовместимости, чуждого, хотя и не враждебного окружения постулат Конфуция «Государство — большая семья, а семья — малое государство» приобрел еще большее значение. Он стал формулой выживания и утверждения на чужих берегах.

Хозяева Пасар-паги не тратят время попусту. Помыслы их и действия пронизаны рационализмом. Здесь не встретишь оригинальность духовных запросов, небудничность эмоций, накал страстей. Возвышенной поэзии нет, кругом — деловая, бухгалтерская проза. На донышке чашек для риса написано: «Пусть всегда будет полной», на алтаре в лавке: «Да наполнится помещение золотом», над дверью в доме: «Благополучия во все времена года».

Деловитость китайцев чувствуется даже в таком вроде бы располагающем к отрешению от мирской суеты месте, как храм. Он тут же, недалеко от Пасар-паги. В нескольких, соединенных коридорами желтых зданиях, под крышами с загнутыми углами-драконами, за густо покрытыми черными и красными иероглифами стенами — десятки алтарей. Внутри — выжимающий слезы из глаз густой дым благовоний, тускло светящиеся в сумраке огромные бронзовые курильницы, прячущиеся за тяжелыми, плотными занавесями святые угодники.

Китайское божественное начало не похоже на наделенных человеческими качествами Брахму или Будду, Иисуса или Аллаха. Оно безразличное к человеку Небо. К нему невозможно испытывать теплое чувство любви, им нельзя восторгаться. Не вызывает оно ни душевного трепета, ни рабского самоуничижения. Китайцы относятся к Небу почтительно, как к высшему олицетворению разума и целесообразности. Они уважают его, как дети отца, с той лишь разницей, что считают себя земными детьми, а его — небесным отцом.

О рационализме религиозных взглядов китайцев говорит их гипертрофированный культ предков, через общение с которыми они надеются заручиться помощью Неба. Самый распространенный прием общения — гадания, которые сопровождаются подношением даров. Цель обряда заключается в извещении предков о своих намерениях и выяснении их отношения к ним: дают они благословение или нет, будут содействовать в осуществлении замыслов или откажут в покровительстве.

В храме я наблюдал за стариком, занятым гаданием. Опустившись на колени перед алтарем, он долго тряс в руках бамбуковый пенал, наполненный пронумерованными плоскими палочками, пока одна из них не выпала на пол. Старик воткнул ее в песок курильницы, спрятал в клубках благовонного дыма и принялся бросать на пол половинки деревянного «банана». Деревяшки упали разными

плоскостями. Старик пошел к кассе и из нужной ячейки вытащил бумажку с «предсказанием» на китайском и индонезийском языках.

Вот в храм вошла молодая семья: муж с женой, держащей на руках грудного ребенка. Они принялись методично обходить алтарь за алтарем, перед каждым шептать молитвы, жечь купленные тут же в храме палочки. Видимо, супруги были озабочены серьезной проблемой и решили, чтобы не ходить сюда несколько раз, за один заход испросить помощи сразу у всех покровителей. Каждому из них мужчина оставлял что-нибудь из подношений, добавлял к уже наваленным на столы грудам даров то пару апельсинов, то связку бананов, то горстку домашнего печенья. Все это молодой человек доставал из большого полотняного мешка, и этим он походил на раздающего подарки волшебника. Перед одним из наиболее богатых алтарей задержался чуть дольше обычного. Когда выложил жареного цыпленка, призадумался, помедлил, а потом пошарил рукой в мешке и к цыпленку добавил бутылку рисовой водки. Из этого можно было сделать вывод, что китаец питал надежду на особую милость со стороны этого божественного покровителя.

Во дворе храма жаром пылали построенные в форме пагод две каменные печи. К их закопченным отверстиям, из которых вырывались языки пламени, то и дело подходили люди. Прикрывая лица руками, они приближались к печам насколько могли и бросали в раскаленные зевы подарки душам умерших предков. Возле гудящих крутым пламенем печей вертелась старая горбунья в грязном тряпье. Ко всем она приставала с предложением отнести за них дары к огню. Зарабатывала на своем уродстве — старуха была мала, головой доставала лишь до нижнего края отверстия печи. Жар ей не мешал. Не боясь вырывающихся из печей языков пламени, она подбиралась к самым амбразурам и ловко закидывала подношения в самое пекло.

Основа религиозного мировоззрения китайца — вера в то, что человек обладает двумя душами: материальной и духовной. После смерти первая с телом погребается в землю, вторая возносится на небо. Витающие за облаками души родных надо регулярно снабжать «обувью», «одеждой», «деньгами» и прочим необходимым для «жизни». Вся эта бутафория делается в специальных мастерских при храме из бумаги и бамбуковых планок. А для «передачи» используются печи. С дымом к предкам отправляются подарки. Порой сюрпризы. Почившему в прошлом веке посылают, например, склеенный из бумаги «транзистор» или «телевизор».

В Старом городе толкучек, подобных Пасар-паги, несколько. На одной из них открыто торгуют контрабандой. Цены здесь, разумеется, ниже, чем где-либо. Но есть и большая вероятность приобрести подделку. Транзистор с маркой «Сделано в Японии» может оказаться собранным в кустарных мастерских Гонконга или Сингапура и проработает недолго. Здесь продают «швейцарские» часы, которые на Φ деле являются швейцарским корпусом с нешвейцарской начинкой. Покупатель рискует приобрести джинсы «из США», не подозревая о том, что их сшили в соседней мастерской, в двух шагах от лавки.

Под крышей здания, неуклюжим, огромным утылом лежащего рядом с причалом для шхун, разместился Пасар-икан — Рыбный базар. Его я учуял издалека по резкому запаху свежей рыбы, сладковатому душку гнили. Гнилым несло от жесткой травы аланг-аланг, которой был густо устлан пол рыбного торжища. Она была почти насквозь пропитана морской водой и, обдавая холодком, противно хлюпала под ногами. Первое, что я услышал, как только вошел в темноту зала, было пронзительное «Авас!» — «Поберегись!» Прямо на меня, полусогнувшись, неслись два парня с огромнейшей, до краев наполненной живым серебром корзиной. Свернуть они с таким грузом, разумеется, не могли, остановиться — тоже. Уворачиваться пришлось мне. Под громкий, но не злой смех индонезийцев.

Здесь было все, чем богаты индонезийские воды. В одном углу торговали большими рыбами: акулами и тунцами. Мясо этих великанов жесткое, пахучее. У акул срезаны плавники. Они высоко ценятся на китайской кухне, где из них готовят знаменитые супы и салаты. Мне предложили купить и качестве сувенира челюсти морской хищницы. Но похожие на согнутые пилы кости были так плохо обработаны, что пришлось отказаться от покупки.

В другом месте горами лежали лелех, сембилан и другие рыбы средних размеров. Возле рыбных куч, беззлобно перебраниваясь с торговцами, сидели женщины и выбирали рыбку за рыбкой, складывая их в корзину или пластиковый мешок. Потом мальчишки-подручные тащили отобранное к хозяину рыбной груды, восседающему, подобно божку, на столе с безменом в руках. Ни одна из женщин не ушла, не высказав внимающему с невозмутимостью идола торговцу все, что она думает о его совести. Но ни разу я не слышал, чтобы эти монологи принимали форму личных оскорблений, выливались в брань.

Около выхода корзинами продавали икан билис — маленькую, с детский мизинчик, рыбешку. Ее солят, вялят и подают к столу как приправу к рису. Эта самая дешевая рыба — важнейший источник питания бедноты. Здесь же, на деревянных перекладинах, темно-желтыми ромбами висели кальмары, на прилавках лежали переложённые морской травой лобстеры, в пластмассовых чанах шевелились креветки разных размеров. Те, что размером с фалангу пальца, подходят для салатов или к жареному рису, с ладонь — будут обжарены в тесте, еще крупнее — опустят неочищенными в кипящее и сдобренное пряностями масло.

Сидящие около стены торговцы предлагали разнокалиберных живых крабов, упакованных в плетенные из бамбука клетки. Здесь мне еще раз пришлось проявить прыткость и вовремя отреагировать на звонкосвистящее «авас». Четверо ребят тащили подвешенный на перекинутых через плечи веревках громадный, обсыпанный опилками брус льда. В жарких тропиках защита продуктов от порчи — дело не легкое. Все начинает гнить весьма скоро. Изготовление льда — целая индустрия, а владельцы холодильников — состоятельные люди.

Недалеко от Пасар-икана четырехугольным конусом высится построенная голландцами смотровая башня. Подвал ее когда-то использовался как тюрьма, в которую сажали капитанов судов, вовремя не уплативших положенные портовые сборы. С башни открывается довольно широкая панорама старого порта и прилегающих к нему торжищ. Сверху они выглядят как гигантский людской муравейник, отдельные ручейки от которого растекаются по узким улочкам, ведущим в Кота бару — Новый город, в новую Джакарту.

8

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Некогда окруженное болотами устье реки Чиливунг голландцы прозвали «кладбищем Востока». При строительстве Батавии малярия и холера косили рабочих сотнями. Позднее, когда на берегах реки и каналов уже стоял большой город, колонизаторы не раз подумывали о том, чтобы оставить кишашую смертоносными миазмами сырую низину. Готовились планы перевода столицы колонии на юго-восток, в горы, в Богор или Бандунг. Дэнделъс даже проектировал строительство столичного града на другом острове. Но все эти намерения разбились о стену экономической целесообразности. Батавия имела одно, перевешивающее все другие соображения, преимущество. Она выросла как порт, как средоточие ориентированной на экспорт хозяйственной деятельности и поэтому не отпускала людей, имевших корни в этой гиблой земле. Город вопреки всем прожекам рос. Он и сейчас по темпам роста опережает другие города Индонезии.

В последние годы многие из иностранцев, приезжающие в Джакарту после длительного перерыва, в один голос заявляют, что ее трудно узнать. Была она малоэтажной, ежедневно на долгие часы оставалась без электричества, а телефонная связь была настолько несовершенной, что дозвониться куда-либо было чаще всего невозможно. Руководители учреждений посылали, как в прошлом веке, курьеров с записками. Тогда про человека, живущего в соседнем квартале, говорили, что он в десяти минутах ходьбы и полутора часах попыток дозвониться до него. Чистотой столица не отличалась. В стороне от главных улиц, отравляя целые кварталы зловонием, годами гнили кучи отходов. Каналы использовались одновременно как баня, прачечная и отхожее место.

Изданный в 1962 году справочник для путешественников по Индонезии предупреждал, что в Джакарте только два отеля, приближающиеся по комфорту к международным. Это «Дута Индонесиа» — бывший знаменитый в колониальные времена отель «Дес Индес» — и «Дарма Хирмала», имеющий лучший в городе ресторан.

Когда с помощью японской строительной фирмы в 1963 году в центре города вырос десятиэтажный отель «Индонесиа», то его фотографию помещали на почтовых открытках как свидетельство вступления Индонезии в XX век. Но прошло всего двадцать лет, и этот отель уже теряется в окружении ультрасовременных небоскребов. Отражающие улицы зеркальными стенами, сверкающие на солнце алюминием, залитые в ночное время неоновыми сполохами громады банков, отелей, министерств, посольств, супермаркетов затмили «Индонесию», отбросили ее в разряд тех «достопримечательностей», на которые поставлена уже печать вчерашнего дня.

Так выглядит не только центральная улица Тамрин. Новые высотные здания определяют облик разбегающихся от площади Свободы улиц Генерала Судирмана, Гатот Суброто, Расуна Саиди, других магистралей, веером рассекающих Джакарту с севера на юг. Значительные изменения претерпели бывшие в шестидесятые годы пустынными окраинами районы Кебайоран-Бару, Слиппи, Пондок-Индах, Кеманг, Чиландак. Здесь, среди пышной зелени, состоятельные индонезийцы понастроили для себя роскошные виллы с ухоженными мини-парками, бассейнами, а для сдачи в аренду — кварталы аккуратненьких коттеджей.

Олицетворяющие XX век, сияющие новизной проспекты и кварталы — это фасад, за стенами которого сосредоточены власть, богатство, благополучие. Это одна сторона медали. Но есть и другая. Буквально в нескольких шагах от процветающей, самодовольной, ухоженной Джакарты живет, отчаивается и надеется другая — Джакарта простого люда. Она неизмеримо больше, как море, окружает островки сытости и достатка. Она — это кварталы с открытой канализацией, без водопровода и электричества, транспорта и больниц. Она — кампунги — трущобы, которые неудержимо растут и дают социологам повод приводить Джакарту как живой пример того, что ждет мир, если человек не приложит сознательных усилий, чтобы избежать угрозы перенаселенности и голода.

Сейчас в индонезийской столице проживает около семи миллионов человек. А всего десять лет назад их было четыре с половиной миллиона. Первая причина стремительного роста населения — естественное ежегодное увеличение числа горожан на более чем три процента. Вторая — неослабевающий приток мигрантов из сельской местности. Их гонят сюда безземелье, безработица, манят призрачным соблазном огни большого города. К настоящему времени уже 40 процентов жителей столицы не уроженцы Джакарты.

Масштабы демографического феномена не только потрясающе велики. Они качественно новы, поскольку обещают в начале 2000 года превратить столицу в мегалополис, в котором будут скучены около 20 миллионов человек. Чтобы обуздать рождение монстра, надо прежде всего располагать средствами; кроме того, иметь организационную инфраструктуру и, наконец, обладать опытом в управлении таким громоздким общежитием людей. Городские власти пока не могут набросить узду на ломающего все плановые рамки гиганта. Уже сегодня нормальными по международным стандартам условиями труда и быта охвачена лишь десятая часть джакартцев. И это при нынешних катастрофически не успевающих за ростом населения темпах создания новых рабочих мест, жилищного строительства, развития систем общественного транспорта! Что же будет лет через двадцать, тридцать?

Готовится Генеральный план развития Джакарты до конца столетия. Важнейшим элементом его будет интенсивное расширение близлежащих городов Богор, Танггеранг, Бекаси. По замыслу, они примут на себя последствия демографического взрыва.

Ставка делается, таким образом, на создание огромной городской зоны. Большая Джакарта получила имя Джабота-бек, сложенное из первых слогов названий нынешней столицы и ее спутников, то есть Джакарты, Богора, Танггеранга и Бекаси. К последним

двум столица уже подобралась своими пригородами вплотную, быстро застраиваются домами и обочины самого скоростного в Индонезии шоссе, ведущего на юг, к Богору. Вокруг богорского Ботанического сада, в прохладных горах, размещены загородные резиденции государственных деятелей, шикарные виллы состоятельных индонезийцев. Поэтому автострада Джакарта — Богор широкая, ровная, размеченная хорошо видимыми днем и светящимися ночью знаками. Прямая, как взлетная полоса аэродрома.

Второй, не менее важный элемент Генерального плана — программа переселения жителей джакартских трущоб в построенные государством поселки на Суматре, Калимантане, других островах. Опыт в организации трансмиграции у правительства уже есть. Оно много лет пытается таким образом разгрузить от избыточного населения сельские — районы Явы.

Пессимисты, не верящие в возможность решения проблем Джакарты вышеуказанными мерами, считают, что условия жизни в городе в ближайшем будущем станут настолько невыносимыми, что еще манящие сегодня воображаемым благополучием городские огни завтра станут, как на бакенах, сигналами опасности, отгоняющими людей от джакартского «рая». Некоторые фаталисты предрекают более страшную формулу самокорректировки. Ограничат рост Джакарты, лишат ее привлекательности, считают они, голод, эпидемии, социальные бунты.

Беда в том, что все эти предсказания умозрительны, не опираются на научно обработанный статистический материал. Последнего крайне мало, а некоторых данных и вовсе нет. Жизнь горожан не выстроена в столбики цифр, но расписана по демографическим таблицам, не разложена по анкетам социологов, не вычерчена в кривые психологами. Все, что касается будущего Джакарты, пока из области радужных или мрачных гаданий. Все сходятся лишь в одном: город быстро растет, и последствия этого роста пугают своей непредсказуемостью.

С коренным джакартцем Исмаилом я познакомился на площади Фатахиллах, у пушки «Ньи Джагур». Каждое утро он раскладывал на ее постаменте отпечатанные в Сингапуре почтовые открытки с идиллическими тропическими пейзажами в надежде, что их купят иностранные туристы. Но редкого зарубежного гостя привлекали запечатанные от пыли в целлофан красоты природы. Этим добром он обычно запасался в прохладных фойе роскошных отелей. Местные же жители и вовсе не подходили к Исмаилу. Кто из них станет тратить на такую безделицу? Так и сидел он целыми днями в напрасном ожидании желающих приобрести цветные картинки, которые под расписку выдавал ему каждый день хозяин книжной лавки.

На соседней с моей улице также ежедневно у обочины, на разостланной циновке, устраивался со швейной машинкой высохший до костей старик Сурьяди. Иногда около него останавливался прохожий, снимал брюки и, сев на корточки, равнодушно наблюдал, как под ловкими руками портного на одну заплату ложилась другая. Но чаще старик сидел в одиночестве и безучастно смотрел на мелькающие перед его глазами ноги. Однажды, пришивая мне пуговицу, Сурьяди рассказал, что приехал сюда с Центральной Явы, где у него были и земля, и дом. Но все пришлось продать в уплату долгов. От бывшего «благополучия» осталась только старенькая швейная машинка «Зингер», которая кормит его и его больную жену.

К ярко освещенной керосиновой лампой лавке напротив моего дома почти каждый вечер в течение года подъезжал велорикша Унтунг. Устало откинувшись на сиденье пассажира, закинув покрытые выпуклыми узлами вен мускулистые ноги на руль, он неторопливо разглаживал потерявшие от ветхости первоначальный цвет купюры, пересчитывал тусклую мелочь. Я знал, что ему всего 18 лет. Утром, видя его весело поглядывающим по сторонам в поисках пассажира, в это можно было поверить. Но к ночи он превращался в старика. И дело было вовсе не в резко отделяющем свет от тени ярком до белизны пламени керосинки. За день велорикша — «бечак» по-индонезийски — проживал как бы несколько лет. Причиной страшной метаморфозы был изнурительный труд. Наблюдая за Унтунгом при подсчете дневной выручки, я всегда вспоминал утверждение индонезийской печати о том, что бечаки умирают дряхлыми старцами в возрасте всего около сорока лет.

— Сколько,— спрашиваю я Унтунга,— набралось?

Юноша-старик вяло улыбнулся. Ответил:

— Не так уж плохо. Тысяча шестьсот рупий. Половина хозяину коляски, половина мне. Жить можно.

Унтунг медленно тронулся. Задеревеневшие ноги отходят не сразу. Вот он скрылся в темноте. Покрутит еще педали. Смотришь, и перехватит сотню-другую.

Этому парню родители дали имя, которое в переводе означает «счастливая судьба». Видно, им очень хотелось, чтобы у него сложилась хорошая жизнь.

Сувирио появился на углу улицы, как всегда, около семи утра. Он выскочил из-за школы, развернулся и потрусил на полусогнутых ногах вдоль домов, крича в каждое окно, в каждые ворота сокращенное в один пронзительный звук название своего товара. По улице понеслось «йа... а... ам!». Сувирио предлагал бубур-айям, традиционную яванскую рисовую кашу-размазню с кусочками курицы. У второго от угла дома его окликнула прислуга, сухонькая, издалека похожая на девочку-подростка яванка, к которой по воскресеньям, когда хозяева уезжали на дачу в горы, приходили целой группой внуки.

Сувирио остановился, снял с плеча гибкое бамбуковое коромысло с огромными корзинами на концах. Там у него и провизия, и посуда, и газовая горелка, и даже табурет для клиента. Через минуту он уже протянул женщине дымящуюся кашу, присел на корточки, закурил, радуясь и передышке, и заказу.

Такая форма обслуживания характерна для Джакарты. На коромыслах по улицам носят горячую еду и прохладительные напитки, питьевую воду и керосин, овощи и фрукты, канцелярские товары и хозяйственные принадлежности.

Звонкими голосами предлагают свои услуги несущие походные «мастерские» на коромыслах стекольщики, сапожники, плотники. Как-то ко мне пришли молодые ребята, которые на плечах держали «цирк». В корзинах у них был двухметровый удав, пара обезьян, реквизит. «Ученая» собака бежала за ними на привязи. За несколько монет они показали нехитрые номера с дрессированными животными, первым среди которых было катание обезьян на собаке.

На концах бамбуковых коромысел порой висит до 100 килограммов. Гибкое дерево гнется, но не ломается. Выдерживают и привычные к тяжести плечи. Но до поры, до времени. Коромысельщики в среднем живут столько же, сколько и бечаки. Около 40 лет. Такой короткий век — прямой результат ежедневного марафона под не знающим пощады солнцем и бросающим в озноб тропическим ливнем. Не выйди «на линию» день-два — растеряешь клиентуру. Достаточно посмотреть на Сувирио, чтобы стала очевидной горечь добываемого им хлеба. Глубоко запавшие в паутины морщин глаза, беззубый, ввалившийся рот, впалая, узкая грудь, согнутая колесом спина, никогда не знавшие обуви, разбитые ступни.

И все же эти четверо при деле. У них есть работа, есть небольшой заработок. Им могут позавидовать те, кто собирает по улицам окурки и сдает их для переработки в самые дешевые сигареты, кто слоняется по базарам в поисках возможности поднести, разгрузить, перетащить, кто толчется у ворот морского порта в надежде на однодневный найм. Заглохни вдруг посреди улицы двигатель вашей машины, и тут же вокруг нее соберется толпа молодых людей, которые за горсть мелких монет будут толкать автомобиль хоть на край света.

Безработица толкает часть джакартской молодежи на путь преступлений. В окраинных кварталах лучше ездить с заблокированными на замок дверьми. В противном случае прямо у светофора дверцу могут открыть ребята, которые приставят нож к вашему боку и потребуют бумажник. Одно время грабители облюбовали междугородные автобусы. Как только машина выезжала за пределы Джакарты, трое-четверо парней, обнажив холодное оружие, заставляли водителя сворачивать с шоссе и очищали карманы пассажиров и кассу. Грабежи прекратились только после того, как муниципалитет распорядился в каждый автобус сажать переодетых в гражданское и вооруженных полицейских.

В начале 1983 года столица жила слухами о «таинственных убийствах неопознанных молодых людей». Их находили в каналах, на обочинах дорог с пулей в

затылке. Западные информационные агентства сообщали, что это дело рук пользующихся скрытым покровительством властей «ударных отрядов», в которые «добровольно» объединялись в свободное от службы время полицейские. Они решили сами расправиться с бандитами без суда и следствия. Официально эту версию никто не опроверг, а высокопоставленный работник прокуратуры назвал убийства «актами возмездия ангелов-хранителей».

Формально проституция в Индонезии запрещена. Но ни для кого не секрет, что в определенных местах под неоновыми вывесками «Венера», «Мона Лиза» и так далее каждый вечер открываются «массажные», «сауны», «салоны красоты» и прочие заведения, где торгуют телом. Всем джакартцам известен расположенный в пяти километрах от морского порта квартал Керамат-Тунггал, где зарабатывают свой горький хлеб около трех тысяч женщин, где драки и поножовщина случаются каждую ночь, где бесследно исчезают люди, где сбывается краденое, где встречается много наркоманов.

В первые дни пребывания в Джакарте я имел неосторожность в поздний час остановиться на улице Блора и выйти из машины за сигаретами. В мгновение ока был со всех сторон облеплен ярко накрашенными девицами с весьма недвусмысленными предложениями. В стороне, под деревьями, сидя на мотоциклах и дымя сигаретами, прятались сутенеры. Большого труда мне стоило пробиться от лавки к машине. Но и в автомобиле меня ждал сюрприз. В ней сидела одна из «ночных бабочек», которая ни в какую не хотела вылезать и поспешно выпорхнула только тогда, когда убедилась, что я действительно еду к ближайшему полицейскому участку. Впрочем, она заработала на знакомстве со мной. Девчонка успела выгрести все деньги из ящика для перчаток.

В январе 1981 года муниципалитет, заботясь о международной репутации столицы, попытался ликвидировать все злочные места в центре, перевести их хотя бы на окраины. «Ночные бабочки» устроили демонстрацию у здания парламента. Их лидер по имени Сьюзи зачитала через мегафон петицию протеста, в которой, в частности, говорилось: «Над нами, которых тысячи и которые должны кормить десятки тысяч ртов, нависла угроза голодной смерти». Несмотря на патетику, фраза верно обнажила социальную природу порока. На панель девушек гонит безработица.

Еще одна теневая сторона Джакарты. Для таких понятий, как чистота, аккуратность, у индонезийцев двойная мерка. Заглянешь в их вылизанные дворики, побываешь в чистых комнатах, подумаешь: как они опрятны. Верно. За своим домом следят. Поддержание бытового порядка — одна из заповедей здешнего жителя. За пренебрежение ею тропики сурово карают. Стоит не проветрить шкаф с одеждой неделю, и она покроется плесенью, пятна от которой не смоешь потом никакой химией. Пропустишь хоть одну ежемесячную обработку дренажной системы инсектицидами, и весь дом оккупируют огромные рыжие тараканы, обычно ползающие, но иногда и летающие с гулом бомбардировщика. Не подстрижешь траву в саду, и она поползет на асфальт; не сделаешь косметический ремонт вовремя, и стены покроются черно-зелеными пятнами сырости.

Когда встал вопрос о ремонте моего дома, я поднялся с рабочими на чердак и был буквально потрясен, обнаружив ту угрозу, под которой, не ведая, жил. Перекрытия крыши были так густо изъедены термитами, что в некоторых местах превращались в труху от малейшего прикосновения. Крыша могла рухнуть в любой момент. В оборудованной новейшей техникой, комфортабельной, богатой частной клинике, где мне делали операцию, я несколько раз при утреннем туалете был вынужден гнать из раковины крысу, которая нахально вылезала из сливной трубы.

Забота индонезийца о чистоте и порядке часто не распространяется за порог его дома. На ничейную территорию сбрасывают мусор, всякие отходы. Покрытые гудящим мушиным ковром кучи гнили не столь уж редкое явление на задних улочках Джакарты и сейчас. В каналах в Старом городе не увидишь воды, так плотно они забиты всяческим хламом, среди которого свидетельством времени висят горы упаковочного пенопласта.

На улицах города правила уличного движения не соблюдаются. Хозяева проспектов — городские автобусы. На перекрестки они въезжают, не сбавляя скорости, поворачивают в какую вздумается сторону из любого ряда, останавливаются, чтобы

подобрать пассажиров, где угодно. Легковые изящные «тойоты», «мазды», «хонды» и другие автомобили японского производства при появлении извергающих черные клубы дыма обшарпанных «фордов» разбегаются в стороны, как мыши от свирепого кота. Что этим чудовищам от столкновения? Еще одна царапина, еще одна вмятина на искореженных боках. А хрупкая легковушка вмиг превратится в грудку металлолома, как будто побывавшего под кузнечным прессом.

Экипаж — водитель и два кондуктора — по возвращении в парк с линии сдают в кассу определенную сумму денег. Все, что пассажиры выложили сверх фиксированного потолка, они кладут себе в карман. Вот автобусы и носятся по улицам как на гонках, тормозят по взмаху руки любого прохожего. Как бы ни был набит салон, пусть так плотно, что на поручнях обеих дверей гроздьями висят люди, кондукторы всегда кричат «Косонг!» — «Свободно!» и найдут местечко еще для нескольких пассажиров. Благо на густонаселенной Яве теснота не причина для раздражения. Ни у кого зажатые колени или притиснутые спины не вызывают возмущения, все спокойно переносят пытку на колесах.

А там, где не ходят автобусы, властвует баджадж. Этим словом называют несколько видов трехколесных машин с мотоциклетным двигателем. Они рассчитаны на двух-трех пассажиров, едут со скоростью двадцать километров в час. Их водители, подобно шоферам автобусов, ведут себя так, будто город принадлежит им. Занимают середину улицы, сворачивают без предупредительных сигналов, не обращают внимания на знаки, неожиданно выскакивают из-за углов. Колоритны фигуры водителей. Все они в шляпах, шапочках, пилотках самых разных форм и цветов, с шейными платками, с неизменно прилипшей к губам сигаретой. Чтобы не потели руки, носят нитяные перчатки или накрывают рукоятку руля носовыми платками.

Баджаджи постепенно вытесняют бечаков. В 1971 году велорикшам запретили появляться на больших улицах. Планировалось вообще ликвидировать их как транспортное средство. Полиция устраивала на них в Джакарте облавы и отбирала коляски. Но бечаки остались и по-прежнему перевозят людей и мелкие грузы по задним, узким улочкам. Всего их в городе около 60 тысяч. Почти все они крутят педали, не имея на то формального разрешения муниципалитета. В подавляющем большинстве это приехавшие из деревень в поисках работы молодые ребята. Ради заработка они готовы сократить свой век почти вдвое.

Особенности джакартского движения нашли лингвистическое отражение. Ни в каком другом языке, кроме индонезийского, не существует таких терминов, как «нгэбут» и «ныланг». Перевести их можно только описательно. Первый означает — вести машину быстро, безоглядно, отчаянно. Второй — переезжать на полной скорости чей-либо путь под самым его носом. Доки по части оформления новых явлений, джакартцы быстро нашли и подходящее словечко для автоинспекторов. Вместо того чтобы предупреждать нарушения правил, те имеют обыкновение прятаться в укромных местах и высматривать нарушителя. Дождавшись, свистят и за взятку в 25 рупий отпускают незадачливого водителя. За вымогательство инспекторов называли «притджигу». «Прит» — звукоподражание полицейскому свистку, а «джигу» — на джакартском жаргоне означает 25 рупий.

Дорожная полиция Джакарты обладает еще одной удивительной способностью. Она исчезает всегда в те моменты, когда нужда в ней больше всего. Ежегодно столичный автопарк растет в среднем на 15 процентов. Улицы становятся все более тесными для него. Час пик в некоторых местах начинается с утра и продолжается до ночи. Многие перекрестки на долгое время превращаются в «автокучу малу», которая выводит из себя даже выдержанных индонезийцев.

Но ни разу я не видел, чтобы в ликвидации пробки автомашин принял участие полицейский. Зато неоднократно наблюдал, как за регулирование движением брался какой-нибудь подросток. Сигналы он подавал уверенно, с независимым видом, словно всю жизнь стоял на перекрестке с жезлом. И его беспрекословно слушались все — от водителя огромного грузовика до шофера министерского «мерседеса».

Даже самое поверхностное соприкосновение с обратной стороной столичной жизни побуждает многих гостей с Запада неприязненно относиться ко всем

индонезийцам в целом. Не раз приходилось слышать, что они грязнули, бездельники, жулики! У некоторых негативизм проявлялся в форме нескрываемого презрения. Что, мол, с них взять, одно слово — азиаты! Такое отношение исходит из априорного, бездоказательного убеждения в превосходстве Запада над Востоком, высокомерного нежелания постичь суть вещей, в том числе и тот факт, что Джакарта — скопище, сонм людей, потерявших точку опоры. Они — оторвавшиеся от земли, деревни, привычной общины, выработанного веками кодекса поведения вчерашние крестьяне, которые в городе еще не пустили корни, не влились ни в один из устоявшихся классов или слоев, не приняли их моральных и нравственных устоев. Эти люди слились в огромную, аморфную, неорганизованную, подверженную стихийным настроениям, экстремизму массу со страшным ликом паупера, который отчаянно, всеми силами и способами борется за жизнь в жесточайшем водовороте капиталистического города.

Утверждения о том, что индонезийцы могут быть счастливы малым — застарелый, поддерживаемый или поверхностными наблюдателями, или сознательно миф. Разумеется, рядовой джакартец к определению минимального уровня своего материального благополучия подходит с гораздо более низкой меркой, нежели, скажем, обыватель Лондона или Парижа. Но восхищающая иностранцев улыбочка, приветливость, уравновешенность простого люда Джакарты в нищенских условиях не должна вводить в заблуждение. Не следует идеализировать повторяемую каждым индонезийцем по нескольку раз на дню фразу: «Тидак ара!» — «Ничего, как-нибудь!» Это не формула индонезийского образа жизни. Ее сейчас произносят автоматически, по многовековой привычке, но она не отражает подлинного отношения к происходящему вокруг. В сегодняшней Джакарте от житейских невзгод не отмахнешься традиционной пословицей «Будет день, будет и рис». День-то придет, а вот даст ли он рис — вопрос! Теперь не редко бывает и так, что его нет. И никто здесь не придет к тебе на помощь. В городе всяк за себя. Это не родная деревня, полная родственников.

Вошедшие, или, точнее, возведенные в легенду безмятежность духа и покорность судьбе индонезийцев опровергаются еще и следующим. Лозунги августовской революции 1945 года, обещавшие не только освобождение от колониальных оков и рабского унижения, но и от голода, нищеты и социального бесправия, прочно вошли в сознание широких масс, и прежде всего городских. За считанные годы они политизовали их глубже, чем вся предыдущая история страны. Рядовые джакартцы уже не могут мириться с нищенским существованием, восстают против неравенства, несправедливости.

Их отношение к жизни формируют ныне не безучастное наблюдение за сменой дня и ночи, не пассивное упование на «отцовски мудрое» руководство, не слепая вера в «справедливость» господ. Активное участие в поисках путей к лучшему будущему, борьбе за него — вот что определяет их восприятие мира. В этом главная черта Джакарты наших дней.

9

В ЧАСЫ ПОСЛЕ МАГРИБА

После полудня ритм столичной жизни заметно спадает. Клерки в конторах готовятся к ленивому ожиданию конца рабочего дня. Невидимые торговцы вяло отвечают из темных глубин лавок на вопросы редких покупателей, уличные разносчики расплзаются по тенистым скверам подремать на лавках или траве, бечаки выстраиваются длинными рядами по обочинам переулков, устраиваются на пассажирских сиденьях под ярко расписанными тентами.

От полуденной летаргии Джакарта начинает пробуждаться к пяти часам вечера. Первыми из-под тени выскакивают неугомонные мальчишки. Они стаями носятся по полю за футбольным мячом. Играют босиком. Я всегда удивлялся, как они могут голой ступней так сильно бить по твердой коже мяча. Ребята запускают придуманные еще их предками воздушные змеи. Страсть к традиционной забаве не умирает. На легкий бамбуковый каркас наклеивают тонкую бумагу, прикрепляют к нему хвост из синтетического мочала, и игрушка готова. Во второй половине дня от нагретой земли в

остывающее небо идут мощные потоки воздуха. Они уносят раскрашенные ромбы так высоко, что глазом не сразу отыщешь их темные точки в белесой синеве.

Взрослые индонезийцы-мусульмане, если позволяют дела, а в пятницу — как правило, отправляются в мечеть. Подошло время магриба — четвертой, самой важной, вечерней молитвы. На первую — субух — записанный на магнитофонную ленту высокий голос муэдзина созывает их через мощные динамики на минаретах до рассвета. В полдень — лухур. Часа через три после него — асар. Последняя за день — иса — произносится после захода солнца.

На пятничный магриб в один из дней я упросил взять меня с собой соседа по улице, чиновника министерства торговли. Мечеть была недалеко. Когда мы подошли, она уже была полна верующих. Провожатый по моему настоянию и, как мне показалось, к своему облегчению предоставил меня самому себе и, разувшись, быстро скрылся в одной из многочисленных дверей мечети.

Мужчины во дворе были одеты почти что празднично. Темные пичи, светлые рубашки с маленьким стоячим воротничком, чистые отутюженные саронги. Многие в руках держали молитвенные коврики, на бархате которых, как правило, изображена мечеть с камнем Каабы. Но многие были просто с газетой, приготовленной для подстилки. Знакомые сдержанно приветствовали друг друга, собирались группками. Перед тем как подняться по ступенькам в святилище, некоторые заходили в небольшое помещение, где под тоненькими струйками водопроводной воды мыли лицо, шею, руки и ноги.

Оставив сандалии на лестнице в куче обуви, я тоже поднялся к дверям и заглянул внутрь. Перед михрабом — обращенной в сторону Мекки нишей с записанной на ее вогнутой белой стене первой заповедью ислама — степенно рассаживались знатные люди квартала: чиновники, торговцы, военные. Люди попроще, пошептав в ладони суру из Корана, устраивались в задних рядах. Дальняя от михраба отдельная комната была отведена для женщин. Они были в белых балахонах, оставлявших открытыми только лицо и кисти рук. Вместе с женщинами находились дети, которые не очень-то вникали в суть происходящего, хихикали, валялись по полу, задирали друг друга.

Я так и не решился войти на мужскую половину. Строгие лица, суровые взгляды на мою фотоаппаратуру остановили меня у порога. Нет, не жалуют мусульмане иноверцев, не терпят их под священными сводами мечети. Зато женщины! О, женщины! Они сами зазывали к себе, знаками показывали, что хотят сфотографироваться. Доставали зеркала, прихорашивались. Кокетство побеждало в них религиозный фанатизм.

Молебен открыл священник в сером, до пят, легком хитонэ и белой небольшой чалме. Он уселся лицом к михрабу, сосредоточился и начал службу канонической фразой, выражающей доведенный до завершения монотеизм: «Нет бога, кроме аллаха...» Потом, бормоча молитвенные тексты, принялся вздымать руки вверх, нагибаться вперед до соприкосновения лба с полом. Сидящие сзади него повторяли его движения. В отличие от христиан мусульмане ни о чем бога не просят. Просто клянутся ему в вечной преданности и безоговорочном послушании.

После завершающего трехкратного громкого восхваления хором имени аллаха по рядам мусульман была пущена жестяная касса. В прорезь крышки опускали приготовленные монеты. Многие передавали ящичек дальше по ряду, не пожертвовав мечети ни гроша. Перед тем как разойтись, каждый обменялся рукокасанием с соседями по молебну, знакомыми и незнакомыми. Именно касанием, а не пожатием. И двумя руками, а не одной, как принято на Западе.

Кстати, о руках. Мусульмане едят, берут и подают только правой рукой. Левая считается нечистой. Протянуть что-либо индонезийцу левой рукой — все равно что нанести ему оскорбление. Этому правилу учат с пеленок. Однажды я протянул сидящему на руках мамыши малышу конфету, и тот потянулся к ней своей левой ручонкой. Мать не зло, но строго одернула его, своей рукой выпростала из-под одеяльца правую ладонь ребенка.

— Вот этой ручкой надо, вот этой,— приговаривала она.

В кампунге мужчины, возвратясь из мечети, устраиваются группами вокруг длинных деревянных столов под брезентовыми навесами, пьют черный кофе из высоких граненых стаканов, курят пахучие сигареты «Кретек», ведут неспешные, тихие разговоры. Индонезийцы любят живое слово. Почти каждый из них — искусный рассказчик, а слушать они готовы часами. За замусоленными до черноты столами мужчины до темноты наслаждаются журчащей неиссякаемым источником беседой.

Женщины или возвращаются к домашним делам, или тоже собираются кучками у порогов домов поболтать. Но вот они оживились. На повороте появилась тележка, на двускатной крыше которой издали видна ярко-красная надпись: «Напитки». Все знают, что это для отвода глаз. На самом деле хозяин передвижной лавки — «врачеватель» всех болезней.

Он остановился, расставил около тележки длинные лавки, опустил с крыши плотный полог. Проскользнувшая под него клиентка может не опасаться ни чужого глаза, ни любопытного уха, может выложить все свои жалобы. У «доктора» множество склянок с разноцветными жидкостями, баночек с вонючими мазями. Есть кое-что и, как говорится, «из-под полы». Приворотное зелье, настой от дурного глаза...

Чаще всего женщины спрашивают джаму—волшебный напиток, который, если верить этикетке, «возвращает молодость, делает кожу бархатной, голос серебряным, тело упругим». Когда-то рецепт изготовления чудо-средства держался в строгом секрете за высокими стенами кратонов. Только высокородные дамы могли пользоваться «живой водой». Однако ныне она — для всех! Платите, пейте, будьте такими же вечно прекрасными, как сказочные принцессы! Ну какая женщина устоит перед соблазном приобрести вечную молодость? Тележку с анонимной надписью окружают плотным кольцом и не отпустят до наступления ночи.

Если под полог заглянет мужчина, то там найдется что-нибудь и для него. Вот, пожалуйста, джаму—сила. Сказочное средство! Что написано на этикетке? «Регулирует мочеиспускание, укрепляет мышцы, добавляет бодрость, усиливает половую потенцию, рекомендуется спортсменам, рабочим, крестьянам». Но мужчины — народ серьезный. Их на мякине не проведешь. Пусть женщины кудахчут вокруг шарлатана. На рупии, что просит плут, лучше купить темпе. Выдержанные, покрытые белым бархатом плесени ломтики прессованного арахиса, если обжарить их в кипящем масле, быстрее вернут силы усталому человеку, чем неизвестно из чего намешанное пойло.

В предзакатное время в кампунге царит спокойствие. Никто не суетится, на лицах выражение безмятежности, в движениях ленивая размеренность. Когда видишь неподвижно сидящего на корточках продавца самодельных сигарет, спящего на голой лавке парня и примостившуюся рядом в терпеливом ожидании его пробуждения молодую жену или задравшего ноги на руль и равнодушно поджидающего клиента бечака, то возникает ощущение, что смотришь кадры замедленной киносъемки. Для индонезийцев это время— время отдыха — сенанг.

С наступлением темноты жизнь в кампунге замирает. Расходятся по домам мужчины, закрываются калитки, двери, гаснут один за другим керосиновые фонари. Все погружается в непроглядную тьму, кампунг засыпает. До первого призыва муэдзина начать новый, нарождающийся день прославлением имени аллаха.

А в каменном городе начинается бить бурным ключом ночная жизнь. Вспыхивают неоновым огнем бары, рестораны, разноцветными гирляндами из лампочек расцветаются деревья в увеселительных парках, мерцающими озерами керосиновых ламп загораются превращенные в открытые кафе и базары опустевшие на ночь автостоянки. В суматошный, многолюдный мир Джакарты открывают свои двери множество заведений, где можно поесть. Город начинает утолять голод, нагулянный за не располагающие к еде знойные дневные часы. Только сейчас, в послезакатной прохладе, можно дать волю аппетиту. Благо столичная кухня способна потрафить любому вкусу и любому, кроме пустого, кошельку.

Самое рядовое блюдо — чашка вареного пресного риса с горсткой тушеных овощей. Стоит двести рупий. Потом уже идут усложнения и, естественно, удорожание. Рис присутствует всегда. Он — основа индонезийского стола. Варьируются приправы к нему. Жаренная кусочками рыба или курица, креветки или овощи, в разных видах яйца

или мясо. Украшение типичной индонезийской трапезы среднего достатка — сатэ. Выдержанная в специальном соусе, нарезанная мелкими дольками курятина или козлятина нанизывается на бамбуковые спицы, обжаривается на открытом огне и подается с замешанной на земляных орехах пряной, густой приправой. Такой «шашлык» можно отведать почти на каждом углу, широко им торгуют и с кухонь на велосипедных колесах.

Катит по улице человек коляску, сделанную в форме лодки, постукивает палочкой по полому колену бамбука да покрикивает: «Сатэ!» Ударение делает на второй слог, и вдоль домов катится лишь звонкое, протяжное «тэ... э... э».

Окликнешь его, он раздует веером тлеющие в мангале угли, обжарит мясо, нальет в свернутый чашкой банановый лист приправу — и, пожалуйста,— ужин готов. За десять минут.

Наибольшей популярностью пользуется сатэ, приготовляемое мадурцами. Выходцы с острова Мадуро обладают каким-то секретом, благодаря которому их снедь особенно нежна и ароматна. Располагая большим доходом, они в состоянии придать своему бизнесу более привлекательный вид. Тележки у них чистые, ярко раскрашенные. Они заменили банановые листья тарелками. Некоторые даже подают после ужина смоченные в благовонной водичке тряпочные салфетки, чтобы вытереть пальцы и рот.

Широко представлены в Джакарте гастрономические ухищрения китайцев. Тягаться с их кулинарным искусством мало кому по силам. Один из гонконгских ведущих поваров сказал, что «китайская кухня подобна утонченной, обворожительной и воспитанной на давних традициях женщине».

В отличие от многих народов, меню которых в разной степени ограничено религиозными, идущими от анимистических табу привычками, китайцы в кухонных делах не знают никаких запретов. Они считают, что можно есть все, что только сотворено живой природой. В одной из аптек квартала Глодок я наткнулся на изданное в 1891 году на английском языке пособие по китайской кулинарии. В предисловии говорилось, что текст трактата был записан в XII столетии и эпиграфом к нему служила фраза: «Все, что растет, бежит, ползает, летает, плавает,— все может человек употребить в пищу». Чтобы убедиться в этом, надо ехать в Старый город, в парк Локасари.

Его основал в 1937 году наживший миллионы на торговле сушеной рыбой Тан Хин-Хи. Богатство, однако, не послужило китайцу пропуском в выстроенный голландцами бассейн. Его не пустили. Тогда он построил собственный, а вокруг него разбил еще и парк, который вскоре превратился в самый популярный увеселительный центр Батавии, куда, кстати, не гнушались ходить и белые. Многие в Локасари изменилось с тех пор. Закрылось казино, открылись дискотеки. Но кулинарные традиции остались.

Туда меня привез Субандрио. Этот принявший индонезийское имя китаец был моим зубным врачом. Он учился в Англии, приехал с престижным дипломом, начал практиковать и через 10 лет обзавелся двумя кабинетами дома и одним в богатой частной клинике. Мы были примерно одного возраста, и это способствовало переходу наших отношений в более дружеские, чем обычно существуют между врачом и пациентом. Однажды, когда мы заговорили о китайской кухне, он заметил:

— То, что подают в роскошных ресторанах, конечно, китайское. Но не совсем. То в одном, то в другом приспособлены к вкусам богатых людей. Моими предками были крестьяне, и, наверное, поэтому меня порой тянет поесть что-нибудь поглубже, чем черепаший суп или ласточкино гнездо. Раза два в год я выбираюсь в Локасари и, повинаясь зову крови, наедаюсь тем, что мы называем «огненной» пищей. Не хотите ли присоединиться? Уверю, впечатлений будет предостаточно.

Повторять предложение ему не пришлось. Я давно собирался побывать в знаменитом парке. А тут представилась возможность пойти туда с китайцем, да не простым, а большим знатоком обычно не выпадаемых тонкостей китайского быта. Он мог дать пространные объяснения с привлечением своих довольно обширных знаний истории, фольклора.

Локасари встретил нас морем огней, дурманящим запахом раскаленного кунжутного масла, гамом толпы. Вынесенные на цементные площадки перед растворенными настежь дверьми закусочные столы были почти все заняты. Сидели большими компаниями, целыми семьями. Одни вокруг поставленной на толстый деревянный поднос огромной чугунной сковороды, в которой дымилась красная гора крабов, переложенных потемневшей и сникшей от жары зеленью, другие поедали сваренных в пряном бульоне моллюсков, сбрасывая скорлупу прямо себе под ноги, за третьим столом каждый уткнулся в свою чашу с темно-коричневой лапшой, остро пахнущей тамариндовой пастой.

Завидев Субандрио, круглолицый, гладкий, с выпирающим брюшком хозяин, одетый в просторные брюки и белую майку, расплылся в улыбке, пошел нам навстречу, успев бросить в сторону пару слов неведомо кому. Пока мы обменивались рукопожатиями, для нас уже вынесли чистый складной пластмассовый стол, пару стульев и огромный электровентилятор на высокой ножке. Не успели усестись, а на столе уже стояли тарелочки с нарезанным колечками перцем и полдюжины маленьких бутылочек с разноцветными соусами. С перца начали. Он был призван подготовить наши желудки к приему основной пищи. Колечки жгли рот. Мне пришлось попросить холодного пива, чтобы унять огонь во рту. Воды попросить я не рискнул — не было уверенности, что она будет кипяченой.

Субандрио заказал что-то вроде котлет из собачатины и похожее на наше жаркое, но из мяса саламандры. Все это было подано прямо с огня на чугунных сковородах с набором чуть обжаренных на крутом огне, похрустывающих овощей и как бы ошпаренной кипятком, вялой, но удивительно пахучей зелени. И то и другое мясо было мягким, с явным странным привкусом, который трудно поддается описанию. Но если бы мне не говорили, что это плоть собаки и саламандры, я, наверное, проглотил бы эти куски как привычное мясо. Может быть, уловить особенность мешал острый кисло-сладкий красный соус.

Китайцы — и мужчины и женщины, — пояснил Субандрио, очень охочи до всего, что, по их мнению, умножает физические силы, способствует удовлетворению телесного сладострастия. В китайских аптеках полно всевозможных снадобий, на этикетках которых можно рассмотреть переплетение квадрата с кругом. Первый — символ Земли, второй — Неба, а их сочетание — взаимодействие мужского и женского начал. Кухня тоже богата специальными блюдами, способствующими подъему сил, приготовленными на основе таких «огненных» элементов, как лапы морских животных, мясо пресмыкающихся, крыс, выдр или собак.

После ужина доктор дал такое полушутливое объяснение возникновению в Китае палочек для еды. В приготовлении пищи, сказал он, китайцы достигли такого мастерства, что население стало страдать ожорством. Вот тогда-то и понадобилось ввести императорским указом палочки. Ими много не возьмешь. А кроме того, они дают возможность, беря понемножку, насладиться трапезой, распробовать пищу.

Так же бойко, как и утром, вокруг Локасари шла торговля. На открытых торжищах ценников нет. Цены берутся буквально с неба. Отвечая на вопрос покупателя о стоимости товара, торговец называет цифру и, закатывая глаза, проникновенно, но твердо говорит:

— Совсем недорого. Только для вас. Берите, не пожалеете.

Редко кто покупает за первоначально названную цену. Торговаться не зазорно. Здесь это освященный веками прием человеческого общения, и искусство владения им так же высоко ценится, как и хорошие манеры. Когда сделка совершена, все довольны. Покупатель рад, что не согласился на первое, казавшееся поначалу бескомпромиссным предложение, торговец с удовольствием подсчитывает в уме предполагаемый барыш.

Главная задача хозяина лавки в этом психологическом поединке — реально оценить толщину кошелька клиента и, памятуя о своей выгоде, не отпугнуть его непомерно заломленной ценой. Покупатель же должен добиться наибольшей уступки, но не перегибать палки, помнить о том, что лавочнику тоже нужно иметь свой «процент» с каждой сделки.

Гиды, как правило, предупреждают иностранных туристов о принятом в Индонезии обычае торговаться, ограждая их тем самым от слишком уж зарывающихся торговцев. Последние, завидев зарубежных гостей, заламывают самые несусветные цены, но при первом же нажиме уступают. Конечно, надувают, но не так уж бессовестно. Вместе с тем они могут быть и неуступчивыми, если их обидеть высокомерием, презрением. Нельзя нанести индонезийцу большей обиды, чем унижить его в присутствии других людей.

На улице Сурабая издавна находятся лавки антикваров. Здесь можно часами ходить из двери в дверь и дивиться. Многие предметы поистине могли бы стать музейными экспонатами. Но немало и подделок. Как говорил один мой знакомый, завсегдатай джакартской «лавки древностей», в ней за уникум позапрошлого века могут выдать бронзовый чайник, сделанный вчера и позеленевший за ночь в смрадных водах канала, протекающего позади торговых рядов. Иностранцев, жаждущих набить чемоданы экзотическими свидетельствами путешествия в «Страну трех тысяч островов», сюда привозят целыми автобусами. Торгующие диковинками молодые, разбитные парни говорят: «Деньги приехали».

Однажды я видел, как длинноногий рыжий немец из ФРГ за какую-то безделицу — рядовую балийскую деревянную статуэтку — сам назначил продавцу цену. Сколько лавочник его ни убеждал, что предлагаемые деньги слишком малы, что при такой сделке он не оправдывает своих затрат на ее приобретение, турист, вперив немигающие глаза в лицо торговца, громко, с вызовом повторял свою цифру. Шум услышали в соседних лавках, вокруг торгующихся собрались любопытные. Тогда лавочник сказал, что не продает фигурку, повернулся к немцу спиной и перестал его замечать. А через пару минут отдал деревяшку другому покупателю за сумму, чуть превышающую ту, что была назначена рыжим. Чувствуя себя уязвленным, немец пытался возмутиться, но никто не обращал на него ни малейшего внимания. Ему ничего не оставалось, как убраться из лавки посрамленным. Индонезийцев не обманешь наигранно вежливыми словами, деланным восторгом, искусственным дружелюбием. Как бы панибратски ты себя с ними ни вел, но если сидит внутри тебя предубеждение против азиатов, то ни одно индонезийское сердце не раскроется тебе навстречу. С тобой будут вежливы, корректны, но не более того. Дружбы не завоюешь. Они будто кожей чувствуют подлинное отношение к себе и на фальшь отвечают притворством, а на искренность — сердечностью.

Эту способность постигать истинный настрой чужой души Субандрио объяснял тем, что индонезийцы еще не оторвались целиком от природы, которая не терпит обмана, не утратили связи с ней. Они — часть ее и инстинктом осознают, кто перед ними: друг или враг. По мере того, говорил доктор, как индонезийцы будут все в большей мере втягиваться в жизнь, насыщенную порожденными индустриальным веком условностями, они будут утрачивать это природное чутье. От рассуждений эскулапа веет идеалистическим романтизированием «неиспорченности», первобытности человека. Но есть в них и доля истины. Она в том, что на доброе отношение вправе рассчитывать только тот, кто сам непритворно добр. Если для джакартцев старшего поколения неторопливая беседа может стать приятным занятием на весь вечер, то для молодых этого уже недостаточно. Они дети своего времени, времени дискотек, кинотеатров, скоростных мотоциклов, рок-групп, моды на каратэ, кроссовки и джинсы.

Нельзя сказать, что столичный экран полностью, как во многих развивающихся странах, отдан во власть зарубежных фильмов. Индонезийская киноиндустрия сравнительно мощная, выпускает до 80 полнометражных лент в год. По объему производства она первая в Юго-Восточной Азии.

К сожалению, в последние годы местные студии художественную значимость фильмов стали приносить в жертву коммерческому успеху. Отсюда неизбежное, слепое подражание кассовым фильмам Запада, перенос в индонезийскую действительность не понятных рядовому зрителю реалий. Кого, например, могут тронуть мелодрамы «Жизнь — не сцена» и «Не лишай меня жизни», снятые в 1981 году? В обеих смакуются

надуманные проблемы из жизни нуворишей и дипломатов. Простые джакартцы смотрят их как сказки из жизни инопланетян.

Большой популярностью пользуются фильмы-ужасы с колдунами, вампирами, злыми духами и прочей нечистой силой. В нашумевшей во время моего пребывания в Индонезии «Спектральной женщине» мастера черной магии заклинаниями отрывают противникам головы, поднимают мертвецов из гробов, но отступают перед правоверным мусульманином. Джакартцы в отличие от западного зрителя ходят смотреть леденящую кровь жуть не только ради того, чтобы пощекотать себе нервы. Большинство из них верит в мистику и все происходящее на экране воспринимают всерьез.

Успехом у зрителей пользуются комедии. В Джакарте популярны несколько групп комиков. Одну из них возглавляет «дядюшка Джоджон», позаимствовавший у Чарли Чаплина характерные походку, усики и костюм. Его комизм — в нелепости ситуаций, в которые он попадает. Некоторые из них нам бы показались наивными, другие — просто неприличными. «Дядюшка Джоджон», например, садится на подложенную к нему на стул канцелярскую кнопку, или на него, спрятавшегося в кустах, мочится прохожий. В Джакарте, где облегчающийся среди бела дня на виду у всех мужчина — картина повседневной жизни, такие кадры вызывают дружным смех.

Если среди выпускаемых индонезийцами лент все же попадаются фильмы с социальным звучанием, высокой художественностью, то обильно поставляемые в Индонезию гонконгские кинокартины нельзя назвать иным словом, кроме как «псевдо». Расположенные в Гонконге студии «Гоулден Харвест» и «Шоу Бразерс» выпускают три типа фильмов: с сюжетами ужасов, «исторические» и о героях кунфу — китайской разновидности каратэ. О том, что это поточное производство, далеко отстоящее от искусства, говорит хотя бы тот факт, что для съемок очередной ленты гонконгским режиссерам требуется от трех дней до недели.

Кошмарные истории с летающими гробами, привидениями, кровожадными ведьмами индонезийцы еще смотрят. Все из-за той же любви к сверхъестественному. Но фильмы о «героях» династии Минь собирают только аудиторию китайского происхождения. Их можно было бы назвать «китайскими вестернами» за то, что они похожи друг на друга как пятак. Сюжет всегда один и тот же. Очаровательная молодая женщина вынуждена стать воином, чтобы отомстить за смерть отца, мужа или свою поруганную честь. Преодолевая одно препятствие за другим, она поражает многочисленных врагов сверкающим, как молния, в ее руке мечом. Кульминация — поединок с архиврагом где-нибудь в окутанных туманом горах. Непобедимым мстителем может быть юноша. Своего триумфа он может достигнуть не с помощью меча, а посредством молотильного цепя... и так далее. Разнятся детали. Зритель же всегда уходит еще раз «убежденный» в неизбежности торжества справедливости.

В Индонезии китайская община насчитывает около десяти миллионов человек. Взаимоотношения с ней всегда были щекотливыми — экономической и политической, внутренней и внешней — проблемами. И правительственные цензоры бдительно следят за тем, чтобы экран не стал источником их усугубления.

В отличие от экрана остро социален джакартский современный театр. В районе Чикини находится комплекс Таман Исмаил Марзуки. Кроме кинотеатра, выставочных залов, библиотеки, планетария он включает несколько сцен, на которых регулярно дают представления ведущие студии столицы и других городов. Профессионального драматического театра в нашем представлении в Индонезии нет. Есть драматурги, режиссеры-постановщики, актеры. Но сцена для них — страстное увлечение, призвание, а не главный источник средств к существованию. В большинстве своем они любители, не имеют специального образования, но зато обладают даром к перевоплощению, цепким, острым глазом, способностью к сопереживанию, богатой мимикой, пластикой. Труппы, как правило, состоят из молодежи. Со свойственной молодости безоглядностью они смело бичуют социальные пороки, защищают правду, борются за справедливость, порой вступают в конфликт с властями. Подготовленный Фредом Вибово по мотивам гоголевского «Ревизора» спектакль «Генеральный инспектор» зрители так и не увидели. Уже были расклеены

афиши, распроданы билеты. Но когда театралы собрались в Таман Исмаил Марзуки, то у дверей театра их встретили полицейские. В последнюю минуту цензоры узрели в постановке сатиру на местную администрацию.

О безжалостности, безнравственности капиталистического Молоха, поднимающемся на борьбу против него рабочем классе говорилось в спектакле «Тени в городе». Деревенская девушка приезжает в город в поисках работы, с головой погружается в омут физических и моральных унижений, но не сгибается и находит смысл жизни в рядах бастующих фабричных рабочих.

Автор и режиссер этого спектакля — Индранагара — смело сочетал элементы индонезийского традиционного сценического искусства с авангардными приемами западного театра. Ему удалось из таких, казалось бы, несовместимых элементов вылепить цельный, идущий на высоком накале человеческих страстей, подчиняющий и волнующий зрительный зал спектакль. Он был бы понятен зрителю любой страны, ибо поднимавшиеся в нем проблемы даны в глубоко философском, общечеловеческом звучании. После представления драматург в беседе со мной так сформулировал цель постановки:

— Капитализм — зверь, пожирающий и тело, и душу человека. Моя пьеса зовет к восстанию против него. Если дать этому монстру победить, то мы все станем тенями в городе, где господствуют деньги.

Любопытен подвизающийся на городских подмостках театр лудрук. Он зародился в первые годы независимого существования Индонезии, когда весь народ не на жизнь, а на смерть отстаивал вновь приобретенную свободу. Лудрук сродни нашему послереволюционному театру синематистов. Он носит такой же агитационно-пропагандистский характер. В свое время разъезжал по всей Яве, посещал базы отрядов сил национального освобождения, звал к оружию, воспевал идеалы революции.

Этот начальный период в истории труппы, сопряженный с частыми и опасными разъездами, обусловил некоторые особенности лудрука. Театр не мог брать с собой в поездки женщин, поэтому все женские роли играли мужчины. И играют до сих пор, но уже в силу традиции. Кроме того, труппы не имели возможности тщательно репетировать каждый спектакль. Материал для представлений брали на ходу, прямо из жизни. Так сложилась вторая традиция. И сейчас постановщик спектакля не имеет написанного сценария. Он просто рассказывает актерам краткое содержание своего замысла, а актеры сами уже перед зрителями придумывают диалоги, мизансцены. Лудрук, таким образом, в полном смысле слова театр импровизации.

Руководитель труппы «Лудрук мандала» Хендро встретил меня до спектакля и проводил в тесную каморку, где готовились к выходу актеры. Некоторые из них переодевались в женское платье, «входили в образ». Движения их рук становились заметно плавнее, менялся голос.

— С годами наш жанр,— заметил Хендро,— несколько утратил свой запал. Об этом можно судить по сегодняшнему спектаклю. Это скучная дидактическая пьеса о том, что физическое уродство — не порок. Используем мы и исторический материал, кое-что из мировой классики.

— А ставите ли вы русских драматургов?

— Конечно. Мы знаем и Чехова, и Островского, и Гоголя. Но очень сильно переделываем их на свой, индонезийский лад. Можно даже сказать так: берем по сути дела саму идею и насыщаем ее нашими реалиями. Так что можете и не узнать знакомых персонажей русских пьес в наших постановках.

— Пак Хендро, беретесь ли вы за социальные темы?

— Бывает и такое. Но тут нам развернуться не дают. «Лудрук мандала» бедна. Все наши актеры отдают театру только свободное от основной работы время. Существует труппа на деньги мецената. За ним решающее слово при отборе репертуара.

Представление закончилось к полуночи. Мы тепло расстались с Хендро. Когда я вернулся домой, город уже погрузился в сон. Ночную тишину нарушали только противные скрипучие голоса каких-то невидимых птиц да гулкие удары, отбиваемые

сторожами каждый час деревянными дубинками по столбам электропередачи. Как когда-то в России дозорные били в колотушки...

Пройдет три часа, и Джакарта начнет просыпаться, поглядывая с тревогой и надеждой на светлеющее на востоке небо. Что-то принесет ей новый день?

10

«МЕЦЕНАТЫ» ИЗ «КАЛТЕКСА»

Встречаясь с представителями деловых кругов Запада и Японии в Джакарте, я часто слышал от них слово «рай». Так бизнесмены называли эту страну за созданные индонезийским правительством благоприятные условия для иностранных инвесторов. Достаточно проехать по центральным улицам столицы, чтобы убедиться, что говорят они это не для красного словца. На проспектах размещается множество контор американских, западноевропейских и японских компаний, банков, агентств и бюро. Я посетил филиал «Калтекса» — американского нефтяного гиганта, одним из первых обосновавшегося в Индонезии. И по капиталовложениям, и по размерам прибылей далеко опережающего все остальные зарубежные компании, действующие в этой стране.

Здание штаб-квартиры компании разместилось на улице Кебонсирих в центре Джакарты. Как только въехал за ограду, сразу убедился в том, что американцы устроились здесь давно. Об этом свидетельствовали обширный, почти целиком укрытый тенью могучих деревьев двор, огромный цветник, круговой, как в усадьбах прошлого века, подъезд к центральному входу, устланный битым красным кирпичом. Зарубежные фирмы, осевшие в Джакарте в последнее десятилетие, такой роскошью похвастаться не могут.

Разведанные запасы нефти, оцениваемые в десять миллиардов баррелей, позволили Индонезии прочно войти в десятку крупнейших нефтедобывающих стран мира. Ежегодно здесь выкачивают около 800 миллионов тонн «черного золота». Индонезийская нефть, как говорят специалисты, «легка». В ней мало серных примесей, она сравнительно дешево перегоняется в самые тонкие продукты. Поэтому высоко ценится на мировом рынке, где известна под маркой «минас». Минас — название месторождения, которое находится в джунглях Суматры и дает половину всей добываемой в стране нефти. Скважины в суматранских дебрях принадлежат «Калтексу». Всего в Индонезии орудуют около пятидесяти иностранных нефтедобывающих компаний, но ни одна из них не может сравниться по размаху деятельности с американским концерном.

История его утверждения на индонезийской земле читается как детективная повесть. В марте 1924 года два молодых геолога сошли на пристань Батавии с американского парохода «Президент Хейес» после месячного плавания. Они были посланы калифорнийской «Стандарт ойл компани» в Нидерландскую Индию на два года с разрешения колониальной администрации. Разведочные работы американцы вели и на Суматре, и на Калимантане, и на Новой Гвинее. Закончив изыскания, уехали домой.

А через четыре года по их рекомендации хозяева «Стандарт ойл» обратились к голландскому правительству за разрешением попробовать добывать нефть на Калимантане и Новой Гвинее. Голландцы, руководствовавшиеся в своей практике одной лишь жадностью, конечно, отказали. Но чтобы не обидеть янки, разрешили им сделать пробные скважины на Суматре. Думали, что участки здесь бесперспективные. Вот пусть там и ковыряются.

Раскусившим главный порок колонизаторов американцам только этого и надо было. В 1935 году они начали брать пробы грунта в центре Суматры с площади примерно в 600 гектаров. Пять лет тщательных поисков принесли удачу. Две скважины — Себанга и Дури — дали грунт со следами нефти. Но об этом никто не знал, кроме тех, кто был непосредственно во главе геологических групп. Результаты поисков держались в строгом секрете.

Американцы завезли новое оборудование, приготовились к более глубокому бурению. Но помешала война. Специалисты были вынуждены спешно покинуть Индонезию. Суматранские недра только поманили, но еще не раскрыли своей тайны.

С первыми отрядами союзнических войск на индонезийских берегах после капитуляции Японии высадились уже и люди «Калтекса», образовавшегося от объединения калифорнийской «Стандарт ойл» и тexasской «Тексако». Они разыскивали в лагерях для интернированных некогда работавших с ними на Суматре индонезийцев и от них узнали, что в их отсутствие японцы активно возились вокруг тех двух, подававших надежды скважин.

Американцы заспешили. Им необходимо было попасть на Суматру первыми из иностранцев! Их тайна может быть открыта, и, кто знает, может быть, не только японцам. Но легко ли добраться до центра острова, когда не знаешь, к кому обращаться за содействием: то ли к республиканским властям, то ли к военным английским, то ли к бывшим колониальным голландским, то ли к умывшим руки японским? Просто ли пересечь сотни километров через джунгли, когда нет ни транспорта, ни горючего, ни продовольствия?

Гонимые стремлением застолбить участок, посланцы «Калтекса» пошли на хитроумный шаг. Они обратились, как это ни покажется странным на первый взгляд, к поверженным японцам. Психологически ход был выверен предельно точно. Пленный полковник Цусима, сломленный известием об атомной бомбардировке его родной Хиросимы, воспитанный в духе подчинения силе, по требованию агентов «Калтекса» отправился с двумя пустыми канистрами на велосипеде в суматранскую глушь. Добрался до лагеря для японских военнопленных, где по его приказу канистры были наполнены маслянистой жидкостью из пробуренных японцами скважин.

В декабре 1945-го образцы были в срочном порядке отправлены в Сан-Франциско. Это была первая партия «минаса». После исследования ее в лаборатории хозяева «Калтекса» поняли огромную ценность месторождения. В 1952 году 35 скважин месторождения Минас были связаны в единую систему. На геологической карте планеты появился новый крупный нефтеносный район. Он принадлежал «Кал-тексу».

В 1974 году обширное хозяйство американской компании на Суматре посетил с частным визитом японец по имени Торуоки. Его поездка так и прошла бы незамеченной, если бы не любопытство одного из джакартских журналистов. Ему показалась странной настойчивость, с которой Торуоки добивался разрешения на путешествие в суматранские джунгли. Оказалось, что японца позвала в дорогу ностальгия по дням почти тридцатилетней давности.

Торуоки был тем человеком, который возглавил буровые работы здесь после бегства американцев. Это он первым получил нефть в количествах, достаточных для того, чтобы заняться перегонкой ее в керосин. Это он дал месторождению название Минас, взяв для него слово, которым местное племя сакаев называет дающее пищевое масло дерево. Он же набрал первый сырец в канистры для американцев в 1945 году.

Теперь на Суматре 780 нефтевышек, поднимающих из глубин земли около миллиона баррелей нефти в день. Сейчас японские компании из кожи лезут вон, чтобы стать участниками прибыльной добычи дорогостоящей индонезийской нефти, но увы... Теперь им никогда не дотянуться до «Калтекса».

Все зарубежные фирмы решением индонезийского правительства от 1968 года были обязаны значительную часть добываемой ими нефти продавать по номинальной цене национальной корпорации «Пертамина». Своими силами та добывает всего шесть процентов общего объема, но, получая от шестидесяти до восьмидесяти процентов продукции заокеанских партнеров, обеспечивает контроль государства над частью нефтяного богатства страны. К сожалению, только над частью. И не большей. «Калтекс» волен поступать с сырьем по своему усмотрению. Он фактически на правах концессионера, не подотчетен местным властям в финансовых, производственных, торговых вопросах. Отдает правительству часть своих доходов, то есть платит какой-то налог, и покупает себе бесконтрольность. В 1968 году компания отстояла свое привилегированное положение откровенным шантажом. Дала понять, что если ее будут ставить в один ряд с другими, то она демонтирует и вывезет оборудование, отзовет

специалистов. «Калтекс» знал, чем угрожать. Нефть для Индонезии — источник 70 процентов валютных поступлений. Внезапное и значительное сокращение ее добычи ввергло бы страну в экономический хаос.

Во время беседы на улице Кебонсирих представитель компании об этой истории не вспоминал. Напротив, всячески подчеркивал «сердечность» отношений между «Калтексом» и правительством Индонезии. Основную часть отпущенного для беседы времени он посвятил перелистыванию брошюры о «благотворительной» деятельности концерна. Говорил вдохновенно, с;лял глазами. Вот, показывал на фотографии,— школа, построенная на деньги компании, а здесь больница, которой мы дали лабораторное оборудование. Это — церемония вручения Бандунгскому технологическому институту библиотеки, а здесь... И так целых полчаса: взносы, пожертвования, стипендии...

Восторженные интонации исчезли и глаза потухли, когда я спросил о размерах той доли чистой прибыли, которую «Калтекс» выделяет на все эти ненефтяные дела. Последовал краткий и сухой ответ — коммерческая тайна. Данных о барышах, разумеется, не оказалось и в любезно предоставленной администрацией кипе рекламных проспектов. Не удалось узнать загадочную цифру и из правительственных статистических справочников.

Осталось довольствоваться предположениями местных газет. А те считают, что, судя по масштабам операций «Калтекса» в Индонезии, в его сейфах оседает не меньше половины выкачиваемых из страны иностранцами нефтедолларов. Зарубежные нефтедобывающие фирмы в целом имеют до восьми миллиардов долларов в год. Значит, четыре из них попадают на банковский счет американского концерна. При таких-то прибылях, что стоит «Калтексу» выложить миллион на благотворительность! Казна не оскудеет! А фирма рекламу себе сделает.

Условия инвестиций для иностранных фирм здесь настолько благоприятны, что с 1967 года капиталовложения «Калтекса» почти утроились.

Точку отсчета мой собеседник выбрал не случайную. Именно в том году правительство Индонезии объявило о намерении проводить экономическую политику «открытых дверей». Иностранному капиталу была предоставлена почти неограниченная свобода распоряжаться доходами, снижены, а во многих случаях и вовсе отменены различные налоги.

Наряду с американским капиталом в Индонезию мощным потоком хлынули японский, гонконгский, западноевропейский. С тех пор как были «открыты двери» и по 1981 год, иностранные монополии вложили в индонезийскую экономику в целом около 10 миллиардов долларов. Избыток и крайняя дешевизна рабочей силы, богатство природных ресурсов — все это в благоприятных условиях инвестиционного климата разогрело аппетиты монополий. Не в последнюю очередь они соблазнились «соответствующей социальной атмосферой». Под этим в капиталистическом мире подразумевается стабильность государственного режима, относительная слабость рабочего движения. Иностранный капитал занял господствующие позиции в добывающей и перерабатывающей промышленности, в производстве текстиля, удобрений, цемента, пищевых продуктов, металлоизделий, сборке автомобилей, бытовых электроприборов.

Список инвесторов после 1967 года возглавляет Япония. На ее долю приходится почти третья часть всех капиталовложений. Японский бизнес делает упор на перенос сюда производственных мощностей. Строит заводы по сборке легковых автомашин, радиоаппаратуры, холодильников, кондиционеров. Автогигант «Мицубиси» для рекламы своей продукции арендует в самом шикарном супермаркете «Рату-плаза» огромные, на зависть другим автокомпаниям, апартаменты.

— Мы можем себе это позволить,— говорил мне то и кланявшийся заведующий отделом рекламы. — Дела наши идут хорошо. За последние пять лет объем наших операций в Индонезии утроился. Посмотрите на улицу, там каждый пятый автомобиль — с нашей маркой.

На ленч представитель компании пригласил меня в японский ресторан тут же, в «Рату-плаза». Рядом с супермаркетом японскими конторами набит целиком

высоченный небоскреб. Вот его хозяева и решили завести поблизости свой собственный ресторан. Чтобы и за обеденным столом чувствовать себя как дома.

В Асахане на Суматре действует уже первая очередь возводимого на средства японцев алюминиевого комбината. Он должен стать крупнейшим в Юго-Восточной Азии. Его проектная мощность — 225 тысяч тонн серебристого металла в год.

По такому же пути пошел западногерманский капитал. Он строит сталеплавильный комбинат в Чилегоне на Яве. Предприятие уже дает 500 тысяч тонн годовой продукции, а к концу 80-х годов должен, по проекту, увеличить производительность до двух миллионов тонн. Его обшитые серым шифером корпуса, дымящиеся усеченные конусы труб хорошо видны, когда едешь к пляжам Мерака или Аньера на западном конце острова.

Километров через десять после Серанга я как будто пересек невидимую границу, как будто попал в другое государство. Шоссе с серыми выбоинами сменилось ровной, блестящей на солнце асфальтовой лентой, по обочинам вместо плоских рисовых полей с пожухлой стерней появились обшитые зеленым бархатом травы нарядные холмы, на смену приевшемуся глазу кокосовым пальмам пришли обсыпанные цветами живописные рощицы декоративных деревьев.

На первой же бензоколонке мне объяснили причину контраста. Оказывается, я въехал в «Кракатау кантри» — особый район, где живут иностранные специалисты с Чилегонского сталеплавильного комбината «Кракатау», названного в честь знаменитого вулкана в Зондском проливе.

Я заехал отдохнуть и перекусить в расположенный в центре этого огромного парка ресторан «Дайюх Куринг». С его веранды хорошо были видны двухэтажный отель, стилизованный под колониальную постройку, окруженный искусственными, аккуратненькими озерками, подстриженными кустами и миниатюрными бамбуковыми горбатыми мостиками, уютные коттеджи с ярко-красными черепичными крышами, мачты с флажками на площадке для игры в гольф на дальних холмах. Словоохотливый официант пояснил, что в «Кракатау кантри» самое лучшее в Индонезии поле для гольфа и самое свежее пиво из ФРГ. Я мог бы добавить: и самые высокие ресторанные цены.

Специалистов из Западной Германии я встречал на пляжах Мерзка и Аньера. В воскресные дни они выезжали туда большими группами. Располагались удобно, на целый день. Открывали зонты огромных цветастых тентов, раздвигали складные столы и стулья, доставали из багажников ящики-холодильники с пивом и провизией, разжигали мангалы. Вокруг них, как обычно, собиралась плотным кольцом толпа любопытных мальчишек из окрестных деревень. Они молча часами стояли и наблюдали за людьми, которые им, верно, казались пришельцами с другой планеты. Один из немцев сказал мне, что на первых порах это очень раздражало его. Он пытался разогнать пацанов, но безуспешно. Те разбегались мигом, но постепенно снова собирались вокруг специалистов.

— Игнорирование, — поучал меня немец, — единственное правильное поведение для нас, белых, здесь, в Индонезии. Иначе просто нельзя.

Этим правилом руководствуются не только те, кто устроил себе «особый район» в Чилегоне. Строительство крупных объектов типа чилегонского обусловило высокие темпы промышленного роста страны. В 1980 году, например, они составили более 9 процентов, примерно столько же — в следующем. Внушительные цифры буржуазная пропаганда использовала для восхваления Индонезии как «модели индустриализации» развивающихся стран. Местных серьезных экономистов рекламная шумиха, однако, не лишила способности отличать зерна от плевел. От них не укрылись ущербность и пороки навязываемого индонезийцам промышленного развития. Прежде всего оно не приближало, а, напротив, отдаляло тот день, когда Индонезия сможет опереться на свою национальную промышленность.

Не секрет, что все созданные иностранными монополиями предприятия прочно привязаны к поставкам из-за рубежа. Из готовых японских деталей и узлов собираются автомобили и бытовая техника. Не привези завтра любой шайбы, какой-нибудь микроплаты, и производство встанет. Завод в Асахане работает на глиноземе, который

привозят из Австралии, Чилегонский комбинат плавит сталь из окатышей шведского производства. А ведь в стране есть и бокситы, и железная руда. Но монополии не идут на создание полных производственных циклов. Так доходнее, да и партнера держать на привязи легче.

Кроме того, основную часть продукции инвесторы экспортируют в другие страны. Тысячи тонн алюминия и стали аграрная Индонезия потребить, разумеется, не может. У нее самой пока нет возможностей делать даже железные лопаты. А иностранный капитал и не собирается помочь индонезийцам в создании соответствующих отраслей. Огромные промышленные объекты поэтому торчат в индонезийской экономике чужеродными телами. Они живут сами по себе, вне общего хозяйственного организма. Они не способствуют изменению к лучшему условий жизни населения. Похожи на пиявок, которые присосались к Индонезии и разбухают за счет ее соков.

Довольно высокая степень механизации и автоматизации производства на крупных предприятиях не позволяет также решить острую для Индонезии проблему занятости. Не вносят они положительного вклада и в дело воспитания национальных технических кадров. Администрация не подпускает индонезийцев к командным постам, инженерному руководству.

Наконец, импортная индустриализация в корне подавляет национальное предпринимательство, всякое проявление инициативы местными деловыми кругами. Она насаждает психологию пассивного потребителя, приучает индонезийцев и гвоздь, и трактор получать готовыми только из чужих рук.

Монополии не желают оказывать помощь индонезийскому правительству в строительстве мелких и средних предприятий, которые могли бы стать основой национальной промышленности. Игнорируют и просьбы о содействии в развитии сельского хозяйства и промышленного рыболовства, так как в этих отраслях требуются крупные капиталовложения и они не обещают скорые прибыли.

В феврале 1981 года правительство Индонезии приняло решение наложить в несколько этапов ограничения на вывоз необработанной древесины. Этой мерой оно надеялось стимулировать развитие национальной деревообрабатывающей промышленности, пресечь хищническую эксплуатацию лесных богатств страны иностранными компаниями. Ставилась задача к 1985 году полностью прекратить экспорт бревен и перейти к продаже за рубеж досок, фанеры, мебели.

Около 400 зарубежных фирм имеют концессии на лесоразработки в джунглях Суматры, Калимантана, Сулавеси и других островов. Вырубка ими ценных тропических пород приняла формы самого грубого, хищнического лесоповала. По данным на 1980 год, за какие-то десять последних лет около миллиона гектаров некогда одетых в зеленую шубу земель были превращены в безобразные, не годные для какого-либо немедленного вовлечения в хозяйственную жизнь пустоши. Появились серьезные проблемы нарушения экологического баланса обширных районов. Вымывание почв проливными тропическими ливнями поставило под угрозу восстановление их пригодности для сельского хозяйства или новых лесопосадок даже через многие годы.

Однако продиктованные катастрофическим расхищением лесов правительственные меры были встречены в штыки, прежде всего японскими лесопромышленниками, которые ежегодно вывозят из Индонезии чуть ли не за гроши 4,5 миллиона кубометров необработанной древесины. В ход были пущены известные приемы: резкое снижение темпов работ на лесоповале, вывоз оборудования, отказ в инвестициях в деревообработку. Поскольку экспорт древесины — важный источник валютных поступлений, то правительство было вынуждено пойти на попятную. График ввода ограничений был пересмотрен. В новой редакции он так и не появился на страницах печати.

Иностранный капитал, писала газета «Мердека», смотрит на Индонезию как на источник быстрой и гарантированной наживы. Чтобы страна оставалась такой и впредь, ее связали по рукам и ногам ущербным промышленным бумом, который индонезийцам пока наверняка приносит только одно — загрязненную, исковерканную, обезображенную окружающую среду. На одном из экономических семинаров весной 1981 года бывший в то время вице-президентом Адам Малик говорил, что

сотрудничество Индонезии с капиталистическими странами никак нельзя назвать «удовлетворительным». Прежде всего потому, что оно «не уменьшает экономической пропасти между партнерами». Напротив, подчеркнул индонезийский руководитель, разрыв «растет и углубляется».

В фойе конторы «Калтекса», на деревянном резном столике, сделанном мастерами известной Джепары,— серебряная модель моста, которая тоже изделие народных умельцев из Джокьякарты. Миновать эту броскую композицию из ценного дерева и благородного металла, которым артистичные руки индонезийцев придали изящную выразительность, никак нельзя. Это модель «Моста дружбы», построенного компанией через реку Сиак на Суматре.

В брошюре о филантропической деятельности западных компаний утверждается, что мост способствует укреплению дружественных отношений с индонезийским народом. А на самом деле он построен прежде всего для тяжелых бензовозов «Калтекса». Инвестиционный «рай» для себя, возможность наживаться за счет индонезийского народа монополии хотели бы сохранить навечно.

Положение, при котором 70 процентов экспортных поступлений дает нефть, а 80 процентов государственных доходов поступает от иностранных нефтедобывающих компаний, чревато для Индонезии самыми неблагоприятными последствиями. Опасность такой чрезмерной зависимости от одного источника благосостояния уже давала себя знать. Стоило, например, объединению нефтедобывающих стран ОПЕК, в которое входит Индонезия, принять решение о замораживании цен на «черное золото» на мировом рынке, как Индонезия закончила 1982 финансовый год с дефицитом платежного баланса в 800 миллионов долларов. В более далекой перспективе одностороннее ориентирование на вывоз сырой нефти таит в себе угрозу истощения месторождений, поскольку запасы нефти не беспредельны.

В Джакарте это понимают и пытаются поправить положение. Большие надежды возлагают на расширение экспорта других товаров: натурального каучука, пальмового масла, олова, кофе, чая, какао, табака и иных продуктов плантационного хозяйства. В связи с этим индонезийцам придется вступить в конкуренцию с соседними странами, экономика которых тоже в основном ориентирована на экспорт и примерно таких же товаров. Малайзия, например, крупнейший в мире экспортер олова и натурального каучука, Филиппины вывозят табак и сахарный тростник.

Для того чтобы поощрить местных и зарубежных бизнесменов к вкладыванию своих капиталов на развитие альтернативных нефти отраслей, правительство в 1982 году прибегло к ряду мер. Среди них — отмена ограничений на вывоз продуктов этих отраслей. Однако из-за слабости национального предпринимательства, а также обструкции со стороны западных и японских инвесторов заметных сдвигов в этом направлении пока нет.

Национальные экономические интересы правящие круги Индонезии пытаются отстаивать и путем развития сотрудничества с соседними развивающимися странами в рамках региональной организации Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В нее помимо Индонезии входят Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины и Бруней. Здание секретариата АСЕАН совместными усилиями этих стран было выстроено в Джакарте. Его пять этажей символизировали число участников Ассоциации. До 1984 года их было пять. Но потом к АСЕАН присоединился Бруней. Однако из-за этого вряд ли будут достраивать шестой этаж.

АСЕАН поставляет на мировой рынок 95 процентов знаменитой манильской пеньки, 85 процентов натурального каучука, 83 процента пальмового масла, 67 процентов олова. Много экспортируется копры, тропической древесины, фруктов, минералов. Как потребительский рынок АСЕАН тоже весьма значителен. Совокупное население стран Ассоциации превышает 250 миллионов человек.

Члены группировки имеют одних и тех же торговых партнеров: США, Японию, страны ЕЭС, Австралию, Гонконг. Весьма схожи и списки экспортных товаров. Эти два обстоятельства лишают их возможности широкого маневра в экономических схватках с транснациональными корпорациями. Не редко союзники по АСЕАН выступают как

конкуренты. За 18 лет существования Ассоциации входящие в нее государства в области экономического сотрудничества достигли немногого.

В Индонезии и Малайзии черепашими темпами сооружаются совместно возводимые заводы по производству мочевины, в Таиланде лишь собираются строить общими усилиями фабрику кальцинированной соды, в наметках пока и асеановские медеплавильный комбинат на Филиппинах и завод автозапчастей в Сингапуре. Существует ряд договоренностей о торговых преференциях, консультациях и прочих не затрагивающих глубинных экономических интересов мероприятиях.

Один из экономических обозревателей в беседе со мной на тему об асеановском сотрудничестве заметил: на регулярных встречах министров принимаются обширные резолюции, полные оптимизма и надежд. Когда их читаешь, нужно помнить, что каждую минуту, потраченную министрами на составление всего этого бумажного миража, в Индонезии, например, рождалось шесть человек, которых необходимо накормить, одеть, обуть и поместить под надежную крышу. За эту же минуту в стране потребовалось три новых рабочих места. И эти проблемы резолюциями, какими бы громкими и многообещающими они ни были, не решить.

Многие в Индонезии помнят плодотворность сотрудничества с Советским Союзом в конце 50-х—начале 60-х годов. С теплотой вспоминают совместную работу с советскими специалистами непосредственные ее участники. В Бандунге сердечные слова о наших геологах я слышал от Сунанто — работника крупнейшего в Юго-Восточной Азии Геологического музея. Свои воспоминания он типично по-индонезийски начал издалека.

В XII—XIV веках, сказал он, Бандунга не было. На его месте находилась столица Сунданского княжества Паджаджаран. Одно время им правил бесстрашный принц Силиванги, который, согласно преданию, не умер, а превратился в тигра. Сейчас изображение зверя — на гербе Западной Явы. Под изображением надпись на сунданском языке: «Благополучие. Безопасность. Спокойствие».

— Эти слова,— продолжал Сунанто,— я как-то перевел советским друзьям, соседям по палатке в джунглях Тимора, где мы вместе искали фосфаты. Старинное изречение понравилось моим коллегам. Они даже сделали его девизом всей поисковой группы. Объяснили так: в тяжелых условиях джунглей от всех и каждого при любых обстоятельствах требуется прежде всего спокойствие, которое обеспечит безопасность и успешное завершение работ, которые внесут свою лепту в благополучие индонезийского народа.

Вот так истолковали спаянные дружбой и общей работой советские и индонезийские геологи древнесунданское изречение на тиморской земле в 1957 году.

Советские люди помогали индонезийцам не только искать полезные ископаемые, но и прокладывать дороги, возводить мосты, строить заводы. Как символ доброго партнерства огромной чашей в центре Джакарты расположился спортивный комплекс, гостеприимно распахивающий свои двери участникам и зрителям спортивных состязаний, массовых митингов, грандиозных концертов. Спросите любого входящего на его трибуны, кто помог воздвигнуть этот заряжающий энергией и радостью стадион, и вам незамедлительно ответят: Советский Союз. Память об этом не умирает.

11

УЗНИКИ ПОДЗЕМНЫХ ТЕМНИЦ

Контраст между городом и деревней, прибрежными и внутренними районами Явы поразителен. Кажется, что попадаешь в совершенно иной мир. Когда я с трудом выбрался на автомашине из шумной, отравленной выхлопными газами, загроможденной людьми Джакарты и поехал по северной, идущей вдоль моря в Семаранг дороге, напряжение, вызываемое теснотой и высоким ритмом городской жизни, еще долго не отпускало меня. Переходящие один в другой непрерывной чередой городки и поселки, нахально не сбавляющие скорости ревушие дизельные грузовики и автобусы, не обращающие ни малейшего внимания на звуковые сигналы бесчисленные велосипедисты—все это не давало расслабиться ни на минуту. Густо облепившие

шоссе черно дымящие фабрики по изготовлению черепицы, серая от пыли, редко покрытая деревьями равнина, время от времени мелькающее грязной желтизной море не могли вызвать никакого другого чувства, кроме уныния.

Окружение и соответственно настроение поменялись только у городка Паманукан, когда я повернул на 90 градусов вправо, на юг, и стал подниматься в горы. Теперь попадались лишь мини-автобусы «Мицубиси-Кольт», ставшие в глубинке основным средством междугородного сообщения. Задние дверцы у них всегда открыты. И не только потому, что сидеть закупоренными в солнечный день под железной крышей — сущее безумие. Машины так переполнены, что из дверей обычно выпирают три-четыре человека, бог знает как и за что держащихся, которые, однако, находят возможным освободить одну руку и помахать встречным путешественникам, сопроводив приветственный жест щедрой улыбкой и громким пожеланием: «Счастливого пути!»

Удивительно живописны рисовые заливные поля — савахи. Не перестаешь удивляться бесконечности составленных из них гигантских лестниц на горных склонах, разноцветию сшитых из них лоскутных скатертей в долинах. Сверкающий зеркалом воды квадрат соседствует часто с савахом, покрытым нежной, светлой зеленью рассады: темно-зеленый густой бархат взошедших ростков сменяется золотистой желтизной набирающего силу колоса; рядом с отливающим золотом созревшим полем коричневато-бурым лоскутом лежит свежевспаханный участок.

Новизна открывшегося мира особенно остро почувствовалась в момент встречи зарождающегося дня на вершине горы Тангкубанпрау. Дорога, ведущая от подножия к умолкнувшему кратеру этого вулкана, оказалась закрытой шлагбаумом. Искать в предрассветный час кого-либо, чтобы поднять его, было бессмысленным занятием. Я уже отчаялся поспеть на вершину к восходу солнца, как вдруг одинокий, вынырнувший из тьмы мотоциклист, ни слова не говоря, согласился помочь мне и мигом поднял на гору.

Быстро угас стрекот его «Хонды», и я оказался один на один со звездами, в полной тишине. Над самой головой таинственно мерцал прибитый к низкому небу Южный Крест. С него ровно лился теплый, мягкий, всепроникающий свет. Он как будто вымывал изнутри все тревоги, накопленные за прожитые в городской суете будни, очищал, освобождал дыхание, наполнял тихим, трепетным восторгом. Возникало захватывающее ощущение вечности и бесконечности мира.

Он сотворился как бы вновь, как только первые лучи солнца бойко выпрыгнувшего из-за горизонта и мгновенно разгоревшегося в ослепительный огромный шар, погасили алмазы звезд, съели ночную черноту, разогнали по ущельям сизый туман. Перед глазами предстала нежащая глаз картина: уходящая к горизонту бесконечная череда зеленых контуров горных гряд, тонкие серебряные нити быстрых речек в долинах, сочная, ровная синева бездонного неба. Природа здесь неумоима. Она использует все имеющиеся в ее распоряжении средства, чтобы придать своей фантазии, своему великолепию столько очарования.

Вулкан и его три кратера, как и всякая гора на Яве, овеяны легендой. У королевы Дайянг Сумби был сын Сангкурианг, которому из-за дворцовых интриг, после ожесточенной битвы, оставившей на его лице шрам, пришлось покинуть отчий край. Прошли годы. Принявший другое имя принц возмужал, разбогател, прославился как бесстрашный воин. Королева, случайно увидев его, потеряла от любви к нему голову и была с ним счастлива, пока в одно из свиданий не обнаружила на его лице роковую отметину. О, ужас! Это ее родной сын! Родная кровь! Что делать? Люди не простят нарушения заветов богов. Выход, однако, найден. Традиционный.

Дайянг Сумби, чтобы избавиться от сына-любownika, дает ему непосильное задание. Юноша за ночь должен запрудить дамбой реку Читарум и построить лодку для прогулок по озеру, которое должно образоваться. С помощью богов-покровителей Сангкурианг был близок к завершению поручения. Но коварная мать, воззвав к более могущественным богам, заставила солнце подняться раньше обычного. Разгневанный принц перевернул готовую лодку, разрушил почти готовую плотину. Вода ушла, обнажив дно, а лодка так и лежит кверху дном по сей день. Эта лодка — гора

Тангкубанпрау, а дно несостоявшегося озера — гигантский уснувший кратер. Другой кратер, в который, согласно легенде, обратился обманутый принц, расположен чуть ниже основного, в стороне. Он всхлипывает горячими серными ключами, тяжело вздыхает клубами пара.

С восходом солнца на смотровой площадке появился мужчина лет тридцати. Впрочем, не берусь определить его возраст. Индонезийцы, повзрослев, долго остаются внешне в одном, трудно определяемом возрасте, а потом за два-три года сразу превращаются в глубоких стариков. Слышал, что это от нездорового тропического климата.

Мужчина был одет в длинное серое пальто, напомнившее мне кавалерийскую шинель, голова его была закутана в рябой шарф, поверх которого он нахлобучил еще и мятую фетровую шляпу с обтрепанными полями. Такое одеяние, показавшееся бы весьма странным внизу, здесь было вполне оправданным. Даже мне, северянину, было довольно прохладно в предусмотрительно прихваченной куртке. Как, должно быть, мерз в такой ранний час мой одинокий компаньон.

Он остановился поодаль, присел. Не мешал любоваться зарождением дня. Но стоило мне обернуться к нему, он тут же подошел и вежливо предложил показать путь к дымящемуся внизу белыми клубами кратеру. Мужчина осторожно взял мою сумку с фотоаппаратурой, вручил мне вытасченный из-за кустов высокий посох и пригласил следовать за ним.

Спускаться было не трудно. Нас вела хорошо утоптанная тропинка, выющаяся по внутренней стороне кратерной чаши, густо заросшей высоким кустарником и деревьями. На их стволах росли огромные, будто фарфоровые цветы, источающие густой, одуряющий запах. Слышалась звонкая песня джунглей, слагаемая из стрекотания кузнечиков, сверчков, цикад, воркования горлиц, других птиц. Из всего этого неумолчного хора время от времени вырывались пронзительные ноты какого-то неведомого мне певца. На мои расспросы, кому принадлежат голоса, провожатый отвечал одним словом:

— Бурунг (птица).

Только один раз его ответ был иным. Когда с вершин деревьев из многоголосого ансамбля выделилось протяжнее «уа-уа», он сказал.

— Моньет (обезьяна).

Дно кратера было усыпано огромными камнями, из-под которых в некоторых местах со свистом и шипением вырывались струи ослепительно белого пара. Таблички, установленные возле фонтанов, предупреждали не подходить близко во избежание отравления. Мы с полчаса побродили меж камней, послушали стенания бедного принца, так и не узнавшего причины своей трагедии, и отправились в обратный путь.

Подъем по склону кратера при уже достаточно высоком солнце был несравненно тяжелее. Мой гид, однако, показал себя стойким. Он не снял «шинели», хотя пот лил с него так же обильно, как и с меня.

Известный вулканолог и путешественник Гарун Тазиев после посещения Явы писал: «...здесь все время кажется, что поверхность земли только формируется». И неудивительно. Небесный свод над островом подпирают 44 вулкана. Из них 28—действующие. В «огненные горы, такие громадные и неисчислимые, заполнившие всю твердь земную» обратилась волшебная стрела, которую олицетворяющий подземные силы бог выпустил в борьбе с хозяином небес. Так яванская мифология объясняет то, что современная наука называет «зоной повышенной сейсмической активности».

Сейсмографический институт в Джакарте регистрирует ежедневно два-три потряхивающие остров толчка. Это работа грозного Мерапи, в гигантской сковородке которого постоянно готовится регулярно расплескиваемая по окрестностям раскаленная вязкая лаза; Бромо, пышущего то сверкающими на солнце водяными парами, то серым от вулканической пыли дымом; Каванджена, кратер которого кипит мгновенно убивающей все живое серной кислотой; Папандаяна, накопившего громадные запасы серы, а также других вулканов.

Самое страшное извержение, которое индонезийцы хранят в памяти, произошло в августе 1883 года. С невероятной силой тогда взорвался Кракатау на островке в

Зондском проливе. Рассвирепевшие недра плевались в небеса раскаленными камнями, которые поднимались на высоту в 100 километров, ревели так, что было слышно даже в Австралии. Объединившиеся в неистовстве огонь и вода выжгли яванский и суматранский берега на глубину в 200 километров. За три дня буйства стихии погибло 36 тысяч человек.

Это была не первая вспышка гнева Кракатау. Сохранились предания о его не менее разрушительном извержении в XVI столетии. Индонезийские специалисты пытаются определить цикличность деятельности вулкана. Последний взрыв привел к образованию трех крошечных безжизненных островков. В середине островной цепочки в конце 20-х годов появились первые признаки подземной активности. Начал расти новый конус, который к настоящему времени уже достиг 800 метров. Повторение катаклизма, считают местные вулканологи, следует ожидать где-то в конце будущего века.

Во время моего пребывания в Индонезии Западную Яву несколько месяцев терроризировал вулкан Галунггун. Сначала он излился на свои склоны лахарами — горячими, все сокрушающими потоками грязи, образовавшейся из лавы и растопленных льдов. Тысячи людей остались только с тем, что успели схватить в руки во время панического бегства от кипящих вязких рек. Потом Галунггун принялся обильно посыпать окрестности пеплом, превращая день в сумерки, губя посевы, умерщвляя домашний скот, загоняя людей в плотно закрытые, душные дома.

Индонезийцы издавна относятся к вулканам двойственно. Они считают их и злом и благом. В минуты гнева «покрытые мохнатыми волосами и сверкающие огненными клыками» исполины все превращают в прах. Но, мстя за свое вечное заточение, они в то же время удобряют землю. Разносимые быстрыми горными речками продукты извержения, в которых много минеральных солей, позволяют снимать по два-три урожая в год. Поэтому люди, пренебрегая риском, негаданной каждый раз опасностью, жмутся к горным склонам, пытаются задобрить подземные силы.

Раз в год, в июне, в полнолуние у разверстой пасти Бромона на Восточной Яве собираются сотни окрестных жителей. В зияющей глубине бездонного колодца, верят они, скрывается жаждущий пищи гигант. Это с его каждым вздохом к небу устремляются плотные, крутящиеся ленты дыма.

Вокруг Бромона живут тенггеры, считающие себя потомками Антенга и Тегера, супругов, которые первыми поселились в этих диких местах. Последние слоги имен жены и мужа, сложенные вместе, дали название всему племени. Я хотел подняться к вершине вулкана вместе с тенггерами. Но в деревне Сукапура, самом крупном из ближайших к горе населенных пунктов, заведующий туристическим бюро отговорил меня от этой затеи.

— Тенггеры, — сказал он, — настороженно относятся ко всему чужому, даже к нам, яванцам. Лучше наймите лошадь и провожатого. Я вам в этом охотно помогу.

Так я и сделал. Подъем мы начали в два часа ночи. Проводник шел впереди, таща за собой на поводке низкорослую послушную лошадку, я шел, пока позволяла крутизна тропинки, пешком сзади. Полная луна хорошо освещала дорогу, выходящую среди темного кустарника. Над нашими головами бесшумно мелькали летучие мыши, слышались меланхолические, нагоняющие уныние размеренные крики какой-то ночной птицы, в кустах заливались древесные лягушки, временами в уши, наполняя душу страхом, врывался жуткий треск в темноте кустарника, сокрушаемого, как казалось, чьей-то гигантской стопой.

Но уже через час навеянные ночью страхи развеялись. И справа и слева стали видны освещаемые красным светом факелов цепочки людей. Иногда нам попадались хижины, на стенах которых можно было рассмотреть связки сверкающих в лунном свете шелковыми боками крупных луковиц. Тенггеры разводят овощи: лук, капусту, морковь, картофель. Во влажных, постоянно жарких долинах эти огородные культуры растут плохо, а здесь, в горах, они дают хорошие урожаи. Мы были на вершине одними из первых. Луна щедро лила эй ровный таинственный свет, затопляя мягким серебром каменистую пустыню под названием Море Песка, голые, изрезанные продольными морщинами бока горы Баток, подсвечивая стелющийся вдоль южного горизонта дымок

вулкана Дахамеру. Безмолвие, нарушаемое лишь глухими вздохами Бром, безжизненность каменистых склонов, густо испещренных прячущими непроницаемую темень расщелинами, пустынность создавали ощущение пребывания на краю лунного кратера. Только приближающиеся красноватые ниточки плавающих во тьме огней напоминали о том, что это Земля и что здесь ты не один.

На вершине стали появляться ведомые распевающими заклинания колдунами тенггеры. Они сгруппировались кучками около края кратера, разожгли костры из прихваченного с собой хвороста, расселись. Каждая деревня вокруг своего костра. Под аккомпанемент сухих, гулких ударов деревянными палочками по бамбуковым пеналам завели монотонные, гипнотизирующие песни. Один за другим сидящие тесным кругом мужчины и женщины — кое-где были и дети — начали присоединяться к мерно покачивающемуся из стороны в сторону шаману, сидящему в центре, в отблесках трепещущегося пламени. Вскоре они составили одно живое кольцо, неровно освещаемое пробуждающим первобытные страхи, но и восторги тоже огнем.

Сосредоточенные, неподвижные лица тенггеров были похожи на маски, которые можно было бы счесть за мертвые, не играй искорки в их полуприкрытых глазах. Под магическим светом луны, в окружении диких в своей первозданности гор, распевающие древние заклинания, тенггеры казались ожившей картинкой из книги по истории древнего мира.

Когда на востоке из-за далекого низкого гребня появилось солнце, тенггеры оставили побледневшие в свете начинающегося дня костры и принялись сбрасывать в зев вулкана, в свивающиеся над ним клубы дыма приготовленные дары. Вниз полетели пара связанных за ноги козлов, в жутком крике которых слышалось предчувствие смерти, тушки обжаренных в масле цыплят, темно-зеленые пачки завернутого в банановые листья вареного риса, гроздь бананов. Если Бром будет доволен подношениями, он не затопит огороды тенггеров кипящей лавой, не разрушит землетрясением их убогие домишки.

История возникновения обряда, как я узнал позднее в Джакарте, такова. Близ горы давным-давно жила супружеская пара Кьяи Кесума и Ньяи Кесума. Все у них было хорошо, только не дал им бог детей. Однажды ночью в дверь их хижины постучал старец и попросился на ночлег. Добрые старики накормили, напоили и спать уложили странника. А наутро пришелец, осветившийся вдруг светом, сказал:

— Кьяи Кесума и Ньяи Кесума! Господь услышал вашу мольбу и дарует вам сына. Но будьте готовы вернуть его ему по первому же требованию.

Вскоре у супругов родился дивный мальчик. На радость всем он быстро рос, становился все краше. Но однажды радость сменилась горем. Появился так же неожиданно тот же ночной гость и повелел привести юношу рано утром к кратеру Бром и сбросить его в жадную глотку подземного великана. Верные слову, послушные богу старики поднялись с сыном до зари на вершину, упали на колени, воздели руки к небу и молвили:

— Могучий Брахма! Смотри. Как ты и повелел, наш сын, наша отрада на старости лет,— здесь. Возьми его в жертву. Но позволь и нам умереть вместе с ним. Зачем нам жизнь без него?

Все закончилось, однако, благополучно. Как библейский Яхве остановил руку с кинжалом, поднятую Авраамом над сыном Исааком, так и индуистский бог в последний момент предотвратил смерть отчаявшихся Кьяи Кесума и Ньяи Кесума и их сына. Он, оказывается, лишь испытывал преданность стариков, а убедившись в ней, оставил им ненаглядное чадо. На радостях супруги поспешили домой, взяли своего единственного козла, вернулись к дымящемуся жерлу горы и сбросили животное с кручи, пообещав приносить такую же жертву великому Брахме каждый год.

Естественные удобрения вулканического происхождения не единственное благо, позволяющее считать Яву идеальным местом для выращивания риса на заливных полях. Холмистая топография, облегчающая создание безмашинной системы полива, влажный климат, обилие солнечного света также способствовали тому, что попавший на остров задолго до нашей эры злак стал его главной сельскохозяйственной культурой, а рисоводство — экономической основой яванского общества. Как считают

индонезийские историки, на архипелаг рис завезли дейтеромалайцы около двух тысяч лет назад. Он не дошел только до Ириана и Молукк. Там его место занимает саговая пальма.

У основного продукта питания, конечно, не может не быть «божественного» происхождения. Сказания о возникновении рисового колоска варьируются в деталях от места к месту. Но в общем они похожи, являют собой сказочное переплетение анимистических представлений и элементов пришедших позднее в Индонезию религиозных учений. В устах куратора Ботанического сада в Богоре Суварно легенда прозвучала примерно так:

«Однажды Тисна Вати, юная и очаровательная дочь всемогущего, верховного бога Батара Гуру, увидела с небес работающего в поле стройного и сильного юношу. Любовь так прочно завладела ее сердцем, что она решила отказаться от присущих небожителям бессмертия и власти, спуститься на землю и стать обыкновенной смертной девушкой. Вопреки воле грозного отца, отправившегося на поиски подходящего ей бога-супруга, Тисна Вати спорхнула на крыльях ветра с облаков.

— Что ты здесь делаешь, что ищешь, красавица? — удивился юноша.

— Пришла к суженому, — ответила Тисна Вати.

Ответ-признание сначала ошеломил, а потом обрадовал крестьянина. Он тоже с первого взгляда влюбился в девушку. Молодые люди взялись за руки и стали радостно смеяться, все громче и громче. Их счастливый смех достиг ушей Батара Гуру. Глянул он вниз и в ярость пришел. Прогремел:

— Не быть тебе женой простолюдина. За своеволие, за Непокорность навечно станешь рисовым стебельком.

И в тот же миг на том месте, где только что стояла Тисна и, закачался тонкий нежно-зеленый росток.

— О, любимый, не печалься, — прошептал он обезумевшему от горя юноше, — я не расстанусь с тобой, буду служить Тебе, дам тебе зерно, которое питает тебя и твой народ. Но обещай, что и ты не оставишь меня, не перестанешь любить, будешь холить и оберегать».

Индонезийские крестьяне осторожно срезают один за другим созревшие колоски зажатым в ладони маленьким острым серпиком. Они боятся поранить нежную душу давшей им пищу самоотверженной Тисна Вати. В честь ее перед началом высаживания рассады прямо на поле устраивается церемония подношения презревшей бессмертие во имя любви богине даров: немного фруктов и цветов. Из других сельскохозяйственных культур в Индонезии выращивают сахарный тростник, кукурузу, чай, кофе, кассаву, батат, овощи и фрукты. Возглавляет этот перечень прежний король яванских плантаций — сахарный тростник. Апогей производства сахара пришелся на 1928 год. Тогда на острове действовало 180 перерабатывающих тростник заводов. За годы второй мировой войны сахароварение сократилось вдвое, а к началу 60-х годов Индонезия, традиционно вывозившая сахар, стала нуждаться в поставках этого продукта из-за рубежа.

Кукуруза распространена на Восточной Яве и Мадуре, является важнейшим продуктом питания на Сулавеси, Тиморе и некоторых других восточных островах. Такие технические культуры, как бразильская гевея, масличная пальма, хинное дерево, агава, сизаль, внедрились голландцы. К 30-м годам нашего столетия каучук стал вторым после сахара экспортным товаром, а во время Великой депрессии начала 30-х годов вышел даже на первое место. Когда колонизаторы стали заводить каучуковые хозяйства, то почти все земли Явы уже были заняты другими культурами. Поэтому 75 процентов плантаций гевеи разместилось на Суматре, 24 процента — на Калимантане. Но небольшие плантации есть и на яванской земле.

Нет скучнее зрелища, чем лес из высаженных ровными рядами гевей. В нем какая-то удушающая сила. Он мертвит природу. Среди серых в желтоватых лишаях стволов гевеи растет хилый, гнилой подлесок, в жидких кронах не гнездятся птицы, сюда не залетают яркие бабочки. Мне всегда казалось, что в лесу из каучуконосов даже воздух застыл в неподвижности. Эту безжизненность я приписывал влиянию густого,

терпкого, одуряющего запаха млечного сока — белой жидкости, стекающей в прикрепленный к каждому дереву сосуд из половинки скорлупы кокосового ореха.

Плантацию пять раз в день обходят сборщики латекса. Они сливают его из чашечек в огромные канистры, потом из канистр — в чаны, стоящие под деревянными навесами, где сок густеет и из снежно-белого становится кремовым. Тут же сложены поленицы дров, которыми топят сложенные из камней печи. От дыма латекс твердеет, принимает коричневый цвет. Это первичная обработка. Затем прокатанные через вальки прессы темные листы загустевшего сока связывают в тюки и на грузовиках отправляют на заводы для дальнейшей обработки.

Невозможно представить себе крестьянский двор без кокосовых пальм. Индонезийцы говорят, что они и расти не могут, если не ощущают дыма домашних очагов, не слышат смеха и песен людей. Кокосовые орехи гроздьями прячутся в высокой шапке стреловидных жестких листьев-перьев. Мальчишки ловко добираются до них по голому стволу без каких-либо страховочных приспособлений. Многие крестьяне для сбора урожая держат дрессированных мартышек. Те молниеносно устремляются к кроне, крутят орех за орехом до тех пор, пока не лопнет плодоножка. Когда сбрасывают кокосы, то каждый провожают взглядом до самой земли. словно хотят удостовериться, что все упали к ногам хозяина.

В пищу идут орехи разной степени зрелости — от еще совсем зеленых, с только еще завязывающейся на внутренней стенке белой мякотью до зрелых, золотистых, с толстым и твердым внутренним слоем. Собственно ореховая начинка употребляется как основа для множества приправ, кондитерских изделий, а молоко — весьма действенное в тропиках средство утолить жажду. По обочинам дорог круглый год встречаются ровные пирамидки орехов с белым, зачищенным верхом. По вашей просьбе хозяин ее одним взмахом тяжелого тесака — паранга — снимет с плода шапку — и, пожалуйста, пейте сладковатую, слегка вяжущую прохладную влагу из природной чаши. Если хотите, то специальным кривым ножом продавец выскоблит мякоть, и тогда можно будет приглушить и голод. Ореховая масса по сытности превосходит хлеб.

На любом рынке самое красочное место — фруктовая лавка. В ней можно любоваться всеми вообразимыми цветами и оттенками красок. Кистями с потолка свешиваются разнокалиберные бананы — от светло-желтых, с человеческий палец, до почти полуметровых, нежно-зеленых. Первые называются «королевскими», у них тающая во рту, сладчайшая мякоть. Вторые нельзя есть сырыми. Они идут в пищу лишь после обжаривания в кипящем масле. Оранжевыми горами лежат апельсины и мандарины. Но они привозные. В тропиках плохо растут цитрусовые деревья.

Розовеют разрезанные пополам и прикрытые пластиковой пленкой продолговатые овалы арбузов, огромными бежевыми шишками с колючей кроной из жестких листьев представляются ананасы. Нигде, пожалуй, не найдешь таких ароматных и сочных тропических даров. Ананасы здесь Крупные, тяжелые. Налиты обжигающим языком, сладким до Прииторности соком. Душистые манго могут быть и зелеными, золотистыми, и с красными бочками. Хуже, если попадется плод с волокнистой мякотью. Нелегко обгрызть его желтоватую массу с неровной, овальной, большой косточки.

Салак покрыт густо-коричневой, чешуйчатой, как кожа у козурой, под которой прячутся две-три белые, твердые и нежно-сладкие дольки. Несколько рыхлая, ароматная внутренность мангостина скрывается под бордовой толстой козурой. Надрежешь ее ножом по кругу посредине, разнимешь половинки, а там — белая мякоть, которая так и тает во рту, заставляя вспомнить и персик, и виноград сразу.

Король тропических фруктов — серо-зеленый, размером с детскую головку, дуриан. Название ему дало слово «дури» — колючка. Они густо покрывают жесткую, мощную козурой. Местные жители считают его самым вкусным и самым полезным фруктом. С декабря по март дуриан горами лежит вдоль дорог через каждые двести — триста метров. Возле них на корточках сидят индонезийцы, неторопливо перебирают плод за плодом, блаженно закрыв глаза, обнюхивают их. По запаху определяют степень зрелости. Из расколотого парангом дуриана пальцами выгребают сероватую мякоть и отправляют в рот, выражая лицом невероятнейшее удовольствие.

Один из европейских авторов отметил, что, поедая этот дар тропиков, сразу замечаешь, «сколько бедны языки европейских культурных народов словами для выражения вкусовых ощущений». Действительно, описать вкус дуриана крайне трудная задача. В нем странно сочетается то, что привычно кажется несовместимым. Он сладок и горек, нежно тает во рту и жжет, вяжет язык, в нем чувствуется что-то от чеснока и земляники, подслащенных сливок и терпкого миндаля.

Но чтобы добраться до этих редкостных ощущений, нужно преодолеть барьер отвращения, которым дуриан защищает себя. Надо вынести его запах. Чего-либо более отталкивающего и неприятного для носа придумать трудно. Кажется, что в «аромате» плода переплелись все гадкие запахи, какие только существуют на земле. Тот же восторженный европейский гурман, сетовавший на языковую бедность соотечественников, сравнил «благоухание» дуриана с «вонью козла, прогорклого масла и гниющей кучи лука». Кроме того, этот букет на удивление всепроникающ и устойчив. Стоит занести плод в комнату на минуту, и дуриановым запахом на несколько дней пропитается весь дом.

Местные жители мне рассказывали, что созревания дуриана с нетерпением ждут не только люди, но и звери. Я видел это высокоствольное дерево в диком состоянии. Его могучие ветви были густо усыпаны шишковатыми плодами, заметно меньшими по размеру, чем в крестьянских дворах. Время от времени на землю с шумом падал созревший плод. С 15-метровой высоты он летел как пушечный снаряд. Окажись в эту минуту под деревом человек, он может здорово пострадать. Жесткий дуриан размозжит голову как камень. Этому падению и ждут тигры, кабаны, олени, другие животные. От удара о землю дуриан раскалывается и предлагает им огромное наслаждение. Порой звери вступают в драку за право обладания этим удивительным даром тропических лесов.

Редкий завтрак в Индонезии не начинается с ломтика папайи. Так здесь называют плоды дынного дерева. Его оранжевая, от светлых тонов до темных, пахучая мякоть приятно освежает, не приторна. Но дыню вкусом нисколько не напоминает. Дерево названо дынным, видимо, из-за внешней схожести плодов папайи с нашей бахчевой культурой. В соке папайи содержится довольно много пепсина, что очень способствует пищеварению. Поэтому почти около каждого дома можно увидеть дынное дерево с голым кольчатым стволом и зонтиком ажурных светло-зеленых листьев на макушке.

12

ЦАРСТВО ВЕЧНОГО ЛЕТА

Посетивший Индонезию в середине XIX века автор «Фрегата «Паллада»» И. А. Гончаров назвал здешнюю природу «нежной артисткой», которая «много любви потратила на этот, может быть самый роскошный, уголок мира». Зеленый наряд индонезийских островов питает благодатная вулканическая почва, сдобренная перегноем умирающей растительности. Растительность постоянно обновляется в бесконечной череде смерти и рождения.

Единственное место на Яве, где сохранились джунгли в первозданной роскоши, — заповедник Уджунг-Кулон на юго-западном конце острова. Он расположен на клочке суши, связанном с «большой землей» небольшим болотистым перешейком. Узкий естественный мост покрыт непроходимыми мангровыми зарослями, среди которых местами попадает панданус, вонзающий в серую вонючую топь свои многочисленные трубчатые жесткие корни. Этот природный барьер спас полуостров от нашествия человека. На нем еще водятся носороги.

До заповедника я добирался на попутном катере от небольшого городка Лабухан на западном побережье. Для посещения Уджунг-Кулона требуется специальное разрешение соответствующего департамента. Такового у меня не было. Я ехал на свой страх и риск.

В Пеучанге, единственном, состоящем из нескольких домов населенном пункте заповедной зоны, встретивший нас на причале администратор первым делом

спросил у меня то, что в Индонезии называют «сурат». Под этим подразумевайся любая официальная бумага с изложением полномочий, прав, обязанностей, рекомендаций. Узнав, что я приехал без сурата, не удивился и разрешил остаться в заповеднике, но... до отхода катера в обратный путь, в Лабухан, то есть всего на два часа с небольшим.

Моторист и два его подручных принялись разгружать катер, выносить на деревянный причал канистры с керосином, ящики с консервами, тюки, одеяла, а я, поблагодарив администратора за любезность, отправился по его совету в лес по дорожке, которая должна была привести меня к смотровой вышке.

Идти пришлось то по тенистому бамбуковому коридору, то под темными сводами исполинских, опутанных лианами деревьев, то через папоротники в рост человека, густо осыпавшие меня светло-зеленым «конфетти». Сущим наказанием были колючки, которые цеплялись за одежду, больно царапали обнаженные руки. Казалось бы, и тропинка довольно широкая, и топчут ее люди, видимо, каждый день, но все равно невинно свисавшие над ней на вид мягкие, гибкие ветви при попытке отстранить их рукой превращались в больно кусающую колючую проволоку. Здесь я понял, почему местные жители, уходя в джунгли, непременно берут с собой паранг. Только этот тяжелый и острый тесак может справиться с охраняющими неприкосновенность джунглей колючими кустарниками.

Богатый животный мир леса был слышен, угадывался, но оставался недоступным глазу. Располагаясь преимущественно в верхнем и среднем ярусах джунглей, он прятался в кронах деревьев, густом зеленом хаосе разнокалиберных жестких и глянцевиных листьев. Лишь иногда я видел тяжело перелетающую с ветки на ветку, трудно различимую в сумраке ветвей какую-то птицу с огромными крыльями, группки обезьян, шумно объедавших молодые побеги. Завидев меня, они на мгновение замирали, словно в удивлении, а затем с визгом скрывались в зеленом море. Часто попадались стремительно бегавшие по веткам тупайи—белки со светлыми полосками на спине.

Зато с обитателями тенистого нижнего яруса можно было познакомиться поближе. В папоротниках, перемежающихся древовидными рододендронами, в паутиновых гамаках в ожидании жертвы замерли уродливые пауки размером с ладонь, в палой листве бесшумно скользили черные змейки, на выпирающих из земли извилистых, узловатых корнях сидели почти слившиеся с ними цветом ящерицы. В одном месте дорожку пересекала процессия темно-красных термитов, в другом ее перебежала большая крыса, пугливо сверкнувшая в мою сторону черными бусинками глаз.

Около вышки из-под широкого листа на мгновение высунулись крошечная головка и точеная ножка с миниатюрным копытцем пеландука—маленького олененка — любимейшего персонажа сказок о животных. Этот размером с кошку изящный зверек благодаря хитрости и отваге побеждает самых грозных зверей, включая хозяина джунглей — тигра.

Со смотровой, срубленной из бревен вышки открывался вид на залитую солнцем большую поляну, посреди которой зеркалом сверкало озеро.

Высота башни и пространственная брешь позволяли окинуть взглядом встававший на краю поляны стеной лес. Он являл грандиозную картину буйного хаоса, величия, многоцветья. Куда бы я ни бросил взгляд — везде видел новое дерево, новое кружево высокой травы, новую гирлянду крупных цветов с нежными, как бы выкрашенными акварелью лепестками.

Вот царь тропического леса — рассамала с 50-метровым светло-серым стволом-колонной, шаровидной кроной, под которой свободно уместится наша березовая рощица. А здесь — густая, темно-зеленая шапка баньяна, окутанного свесившимися с ветвей дождем нитями — воздушными корнями. Это дерево почитается индонезийцами священным. Есть легенда о том, как в него превратился царственный юноша в результате интриг злых сил.

Рядом с баньяном светлая зелень бамбуковой заросли. Поистине нельзя представить индонезийский быт без этого астеня. В бамбуковых коленях хранят и

разносят воду и напитки, из бамбука делают водопроводы, стены домов, музыкальные инструменты, молитвенные пеналы... Без трепещущих стреловидными листочками бамбуковых рощиц не обходится ни один парк.

В сезон дождей бамбук удлиняется в день на 15—20 сантиметров.

На краю поляны растут дикие бананы. В веерах свисающих дугой широченных листьев прячутся усыпанные завязью молодых плодов длинные ножки, заканчивающиеся большим, свернутым, фиолетовым цветком. Так вот как растет банан! Цветок роняет лепесток за лепестком, и, когда последний достигнет земли, начнут набирать силу плоды банана, чтобы, созрев, тяжелой гроздью упасть на землю к радости диких кабанов.

На втором этаже джунглей доминировали ярко цветущие кустарники, достигавшие высоты одноэтажного дома. Их упирали бегонии, бальзамины, другие травы с человеческий рост.

На опушке в солнечном свете купались орхидеи, рододендроны, кружевные папоротники. Все это было перемешано в фантастическом нагромождении, туго и прочно перевязано лианами.

Большей частью лианы ведут паразитический образ жизни. Есть и другие паразиты. Среди них особой жадностью отличается фикус суматранский, прозванный «убийцей». Присосавшись к здоровому стволу, он кормится за его счет до тех пор, пока тот не превратится в безжизненный, голый и сухой остов, и затем перебрасывает свою удавку на соседнее дерево. К паразитирующим растениям относится и знаменитая пальма-лиана ротанг, которую считают самым длинным растением в мире. Не найдешь ей ни начала, ни конца. Она по стволу какого-нибудь дерева добирается до его макушки, живой гирляндой перистых листьев переходит на верхушку другого, оплетает его до корней, затем ползет по земле к еще одному дереву, и так бесконечное число раз, с дерева на дерево.

Гигантский лесной спрут известен во многих странах своими прочными и упругими стеблями, из которых изготавливают отличную плетеную мебель.

Но самый удивительный тропический тунейдец — цветок раффлезия-арнольди, названная в честь первых описавших ее англичан: основателя Сингапура Раффлза и его личного доктора Арнольди. Это чудо природы кажется неземным. Его бурые, густо обсыпанные беловатыми пятнами пять широких лепестков, раскрывшись, образуют «тарелку» диаметром в... метр. Человеку, привыкшему к скромным цветам средней полосы, трудно представить, что на земле может расти такой гигант.

Опушка дала возможность рассмотреть кое-что и из богатой фауны. Через поляну со свистом пролетали стрижи с хвостами-иглами, изящными цветными веерами парили огромные бабочки, королевой среди которых была черно-зеленая раджа-брук с размахом крыльев 30 сантиметров, рядом на дереве стучал ярко-красный дятел с желтой головкой, в молодых папоротниках копошились бурые лесные курочки, дружными стаями с куста на куст перелетали маленькие попугаи, шумно возились в верхушке дерева небольшие обезьяны лотонги.

Животный мир дождевого тропического леса не перестает удивлять зоологов новыми открытиями с тех пор, как в Европе впервые из «Книги» Марко Поло стало известно о носороге. Водятся в странах Южных морей, сообщил венецианец, «единороги, ничуть не меньше слонов; шерсть у них, как у буйвола, а ноги, как у слона, посреди лба толстый и черный рог». Спустя почти два столетия после появления этого описания немецкий живописец Альбрехт Дюрер использовал его при создании графического образа животного в своей экспрессивной, напряженной манере. На его гравюре носорог грозен, свиреп, закован в тяжелую, непробиваемую броню.

Позднее европейцы узнали об обезьянах с острова Калимантан, которых местные жители за внешнее сходство с человеком называли орангутанами — «людьми леса». Кстати, это сходство, видимо, послужило причиной того, что первые посетившие калимантанские берега европейцы называли их «страной сатиров». Орангутан, весьма напоминающий злую карикатуру на человека, вполне мог стать причиной этого.

Путешественники открыли Западу прячущуюся в лесах Суматры птицу-носорога с желтым костяным наростом на верхней половине огромного клюва. Нарост служит

резонатором, благодаря которому эта массивная черная птица с длинным хвостом издает пугающий остальных обитателей джунглей каркающий звук.

После токования самка птицы-носорога забирается в дупло, которое самец замуровывает глиной, оставляя небольшое отверстие для кормления заточенной до появления птенцов супруги. Это делается для ограждения совершенно беспомощной в период высиживания яиц птицы от различных врагов.

Были описаны длиннорукие гиббоны — единственные обезьяны, умеющие петь. Знаменитый Брем записал их в свою «Жизнь животных» как «наиболее благозвучно поющих млекопитающих». Стала известной обитающая на Молукках фантастически красивая райская птица, узнали европейцы о достигающих четырех метров в длину ящерах с острова Комодо и других поражающих воображение диких животных.

С некоторыми из них теперь можно познакомиться только по картинкам да описаниям. Последний однорогий яванский носорог был застрелен для Лондонского музея в 1932 году. В индонезийских джунглях уже нет дымчатых леопардов, лесных кошек, диких коров. Практически бесконтрольная до последнего времени охота, освоение больших площадей под различные культуры, лесоразработки, широкое применение в сельском хозяйстве ядохимикатов поставили на грань исчезновения слонов, тигров, орангутанов, некоторые виды крокодилов, птиц.

Большой ущерб наносят браконьеры. В августе 1981 года таможенники Уджунгпанданга, административного центра Сулавеси, конфисковали партию в 257 попугаев. Их пытались вывезти в Сингапур, где уже многие годы действует международный птичий «черный рынок». Стало модным в состоятельных домах на Западе держать в клетке какую-нибудь дикий птицу. Чем экзотичнее, тем престижнее. Есть чем удивить гостей.

Из индонезийских лесов тысячами контрабандой в США и Западную Европу вывозят редких пернатых. Чтобы они не шумели в кузовах с двойным дном, в тайниках на катерах, их на время пересечения границ усыпляют наркотиками. В результате половина гибнет. Но дельцов это не смущает, так как «зообизнес» все равно дает большой доход. За птицу-носорога, например, в ФРГ можно получить 10 тысяч долларов, за птицу-лиру в Соединенных Штатах—15 тысяч.

Настоящей жертвой браконьеров стал носорог. Многотонный гигант с выглядящим весьма символично рогом посреди чувственных ноздрей и самодовольных маленьких глазок издавна считается среди народов Юго-Восточной Азии носителем средства для повышения половой потенции. Из его рога изготавливают снадобья в виде порошка, мазей, микстур. Проглотил зелье—и в немощное тело возвращается юношеская пылкость! Как соблазнительно просто!

Между тем научно давно доказано, что в украшении лесного великана нет никакого «эликсира жизни», состоит оно из того же материала, что рога и копыта коров, баранов и других животных. В конце концов с таким же «успехом» для «восстановления» сил можно грызть собственные ногти.

И тем не менее поверье живет, и за носорогами продолжают охотиться. Килограмм рога в 1982 году в Сингапуре в китайских аптеках шел за 18 тысяч долларов. Чуть не в два раза дороже золота.

Краткий визит в Уджунг-Кулон только разжег во мне желание еще раз окунуться в этот буйный и причудливый мир тропического леса. Очень хотелось послушать его ночью. Возможность такая выпала в одну из поездок на Восточную Яву, когда темнота застала нас—моего коллегу по работе в ТАСС Юрия Сагайдака и меня—на перевале Арджуна. Единственным местом, где мы могли остановиться на ночлег, были курортный городишко Селекта в горах, но до него еще надо было добраться.

Горы разом вдруг окутал густой туман. Он был так плотен, что делал невидимыми пальцы вытянутой руки. Его не могли пробить мощные противотуманные фары нашей «хонды». Пришлось нам по очереди выходить из машины и, идя в тусклом свете фар, буквально нащупывать дорогу ногами. Потом, в другой раз, я проезжал по этой дороге днем и посмотрел, где нам пришлось пробираться вслепую. Постоянно и круто петляющая дорога одним краем буквально обрывалась в глубокое ущелье. Жутко было подумать, что случилось бы с нами, свались мы в такую бездонную пропасть.

Из тумана мы вынырнули только через час мучительного спуска. Вскоре внизу засверкали огоньки Селекты. При въезде в городок нас остановил немолодой мужчина и принялся убеждать остановиться в отеле «Силвер-вингз». Мы знали, что это лучший в здешних краях, и поддались на уговоры. Обрадовавшийся незнакомец приподнял полы длинного балахона и, помахивая фонариком, побежал впереди машины. Пока мы парковались, он заскочил в административный павильон, видно, получил честно заработанные несколько рупий, и вернулся к нам помочь разгрузиться.

Мы приехали поздно. Отель, прилепившийся двумя рядами комнат к черному склону горы, был освещен только дежурными огнями. Администратор—толстая молодая китаянка—привела нас к нашему номеру по анфиладе открытых веранд и пообещала что-нибудь приготовить поесть. После скорого ужина мы улеглись.

Но что-то мешало заснуть. Спустя какое-то время меня осенило: я не слышу привычного гудения кондиционеров. Их здесь не было. В горах достаточно прохладно и без них.

Монотонный, баюкающий гул этих машин в Селекте уступил место врывавшейся в полуоткрытые окна музыке ночных джунглей.

Она слагалась из стрекотания сверчков, скрежета цикад, кваканья лягушек, звона жуков. Этот многоголосый могучий хор вели то скрипучие размеренные крики больших птиц, то пронзительные вопли каких-то животных, то резкий сухой стук неведомого происхождения. За стеной слышались шорохи, глухие удары, мерный шум чьих-то частых шагов, пугливая дробь легкого топора. Звучала торжественная оратория тропической ночи, грандиозный гимн ежеминутно миллионы раз погибающего и миллионы раз нарождающегося огромного, непостижимого мира. Это была незабываемая ночная песня экваториального леса.

На заре нас разбудили затеявшие возню в кустах над крышей рыжие мартышки и летающие со свистом, похожие на наших дроздов птицы. Не успели мы подняться, как раздался осторожный стук в дверь. На пороге стояла молодая яванка в широкополой шляпе с притороченной к спине огромной корзиной, в которой были свежесваренные в подсоленной воде початки кукурузы, бананы, спрессованный в пачки вареный рис и яблоки.

Груши, сливы, яблоки и другие характерные для нашей полосы фрукты здесь не растут. Их пытаются выращивать в горах, но без особого успеха. Мы взяли у ранней гостьи яблоки. Они оказались твердыми, пресными, отдавали древесиной.

Вышли на веранду, в прохладу начинающегося дня. Солнце уже встало, но еще не показалось из-за гор, зеленые громады которых со всех сторон обступили Селекту. Внизу, под полупрозрачным пологом из тумана, спало большое озеро. В молочной дымке темными пятнами обозначились верхушки деревьев, растущих на острове в центре озера. Повсюду царил размывающий очертания, скрадывающий расстояния, окрашивающий все в один серый цвет сумрак. Восток на глазах перекрашивался из вишневого в красный, потом розовый, светлел. Но нам пора было ехать. Мы уезжали из Селекты, когда она еще дымилась ночной влагой.

Стоит окунуться в теплый, влажный сумрак тропического леса, вдохнуть его ядовитые ароматы, прислушаться к не умолкающей ни на миг какофонии звуков, увидеть в многочисленных проявлениях бесконечную борьбу за жизнь, как почувствуешь, что в душе поселяется тревога, в голове начинают тесниться смутные, неуловимые страхи. Кричащие красоты, буйство, грандиозность джунглей будоражат воображение, гипнотизируют. Их величие беспокоит, необузданность сковывает волю, испарения дурманят.

Вспоминается, как один из советских геологов, проработавший около трех месяцев в тропическом лесу, говорил, что после выхода из лесного хаоса на открытое место часа два сидел и смотрел вдаль. Наконец-то его глаза не упирались в неотвратимую зеленую стену, за которой всегда таится опасность.

Удачно сказал на этот счет Стефан Цвейг: «Тропики полны очарования, если их видеть из вагона железной дороги, из автомобиля, из колясочки рикши... Но за невидимыми стеклами этой оранжереи человек теряет силы, лихорадка... подтачивает нервы, становишься вялым и ленивым, рыхлым, как медуза...»

В джунглях и душа, и тело пришлого человека обнажаются до предела. Их не защищают ни щит просвещения, ни латы самонадеянности, ни шлем гордости. Все это безжалостно сдирается вместе с рубашкой, которая остается висеть ключьями на колючках. Яростное сопротивление леса не распространяется только на тех, кто чувствует себя в лесной чаще как дома, кто в ней родился и вырос. Малорослые, курчавые, темнокожие аборигены кочуют в этом море зелени еще с тех пор, когда индонезийский архипелаг был частью простиравшегося до Австралии Азиатского материка. Эти родственные папуасам Новой Гвинеи и австралийским туземцам племена еще не выделили себя из окружающей природы, не противопоставили себя ей. Беспощадный к другим тропический лес принимает их так же, как деревья, цветы, животных, как неотъемлемую часть своего сложного и необъятного организма.

Представляется, что если отвлечься от социальных моментов, то распространенный только в Юго-Восточной Азии недуг, известный как амок, можно посчитать своеобразной местью тропиков человеку за посягательство на их первозданность. Нередки случаи, когда обычно тихий, выдержанный человек вдруг без видимой причины хватается паранг и со звериным криком набрасывается на родных и близких, а потом выбегает на улицу и нападает на каждого встречного, проливает невинную кровь до тех пор, пока его не связывают или он сам не сваливается в изнеможении или беспамятстве. Это и есть амок—припадок бешенства.

Напряжение постоянной борьбы с джунглями, давление на нервы гнетущей, изматывающей жары, преследующие воображение призраки опасности, неусыпное душевное беспокойство, скопившись, в один какой-то миг ломают сдерживающую их натиск волю человека, и тот превращается в зверя. Потерявший полностью контроль над собой безумец бессмысленным кровопролитием вымещает неосознанную злобу на свое бессилие перед мощью природы.

У тропиков есть еще один страшный для человека бич. Это болезни. Проказа, амёбная дизентерия, бери-бери, малярия, множество других недугов убивают здесь гораздо чаще и быстрее, нежели в северных краях. На фотографиях и в кино не увидишь жуткой яви тропиков. Не зря И. А. Гончаров при расставании с Явой записал: «Прощайте, роскошные, влажные берега: дай бог никогда не возвращаться под ваши деревья, под жгучее небо и на болотистые пары! Довольно взглянуть один раз: жарко, и как раз лихорадку схватишь».

13

НОВОЕ ПЛЕМЯ ТРАНСМИГРАНТОВ

Ява уже давно не то «лесное пиршество», каким ее увидел И. А. Гончаров. Дикие джунгли сейчас покрывают не более пятой части острова, которая приходится в основном на заповедные зоны и в меньшей мере на труднодоступные места. Остальная земля пядь за пядью, из горсти в горсть перебрана человеком, занята под сельскохозяйственные культуры, главным образом рис.

Мир, пожалуй, не знает более изнурительного сельского труда, чем выращивание риса на заливных полях. Вот оценка специалистов: «Вырастить рис по яванскому методу на гектаре земли требует в десять раз больше усилий, нежели при возращивании любой другой зерновой культуры на такой же площади... Обработка одного гектара заливного поля требует 400 человеко-дней. Причем ручного труда. Для американского фермера на это уходит 7 человеко-дней».

К этому следует добавить, что по содержанию протеина и углеводов рис значительно уступает пшенице. Кроме того, индонезийцы употребляют его очищенным до снежной белизны, то есть лишенным в значительной степени и без того немногих питательных веществ. Горький парадокс: с одной стороны, тяжелая работа, с другой — мизерное вознаграждение. Но традиция сложилась, устоялась, и сломать ее пока не представляется возможным. Не дайте яванцу риса день, два, и он занеможет. Помню, еще в студенческие годы спрашивал соседа по общежитию, индонезийца:

— Видодо, что ты каждый вечер возишься у плиты, варишь рис? Ведь можно без лишних хлопот спуститься в столовую и поужинать?

— Нет, не могу, — отвечал Видодо. — Там нет риса. А без него глаза мои не видят, уши не слышат, ноги не двигаются, голова не работает.

Творивший в 40-х годах нашего столетия поэт Хайрил Анвар называл савах чашей, до краев наполненной крестьянским потом. В разъездах по Яве много раз приходилось видеть, как наполняется эта «чаша». На работы в поле, будь то высадка рассады или сбор урожая, выходит не только владелец участка, но и его соседи по деревне. Человек 10—15 растягиваются цепочкой и, не разгибая спины, высаживают пучок за пучком или срезают колосок за колоском. Хозяин саваха самостоятельно физически не в силах справиться. Коллективных усилий требует и поддержание в должном порядке сложной ирригационной системы. Поэтому опирающаяся на рисоводство община с давних пор все решает за каждого своего члена, яростно сопротивляется всему, что выходит за рамки ее законов и обычаев, подвергает безжалостному ostracism любому, кто восстал против ее устоев.

Индонезийская деревня веками выработала три основных закона своего бытия: готонг-ройонг, мушшаварах и муфакат. Первый обязывает всех жителей деревни принимать участие в общественных работах, помогать друг другу в сельскохозяйственных и прочих работах. Совместными усилиями обрабатываются поля, готовятся праздничные столы, строятся дома и мосты, ровняются дороги, расчищаются джунгли, возводятся мечети и плотины.

Второй закон вменяет деревенскому старосте, который считается лишь первым среди равных, в обязанность выносить любое касающееся всей деревни решение на всеобщее обсуждение. Сам процесс обсуждения проблемы и называется мушшаварах. Третий закон обуславливает принятие таких решений только по достижении всеобщего согласия. Рожденный Западом принцип «воли большинства» в индонезийской деревне считают «тиранией большинства». Муфакат удовлетворяет всех и каждого члена деревенской общины.

Правящие ныне страной круги превозносят этот патриархальный «демократизм» как единственно верное естественное социальное лицо Индонезии. Постепенность, эволюция, никаких революционных потрясений. Индонезийцы, мол, традиционно отвергают открытый конфликт, добиваются принятия решений путем сколь угодно длительного, но примирения противоречий, достижением всеобщего согласия на добровольной основе и в духе заботы о благе всех. Как взаимозависимость при выращивании риса обуславливает ровные, добрые личные отношения между крестьянами, так и для успешного национального строительства необходимо, по мнению верхушки общества, избегать не то что борьбы, но даже трений между отдельными группами населения.

За всем этим нетрудно разглядеть стремление отвлечь внимание народных масс от непримиримости классовых противоречий, неотвратимости социальных катаклизмов, сохранить статус-кво. Жизнь, однако, взламывала и взламывает демагогические покровы. В феодальные времена, когда под ними прятали эксплуатацию крестьянства военным террором и религиозными установками, их разрывали крестьянские восстания. Социальная «гармония» лопнула от накала классовой борьбы в 1945 и 1965 годах. В наши дни ее сотрясают «голодные марши» крестьян, забастовки рабочих и служащих, активный протест в дни предвыборных кампаний.

В одном селении пришлось остановиться, чтобы заменить пробитую при выезде из Мадина камеру. На столбе висела старая крышка — знак того, что здесь чинят колеса. Один из сыновей крестьянина принялся за резину, а я по приглашению хозяйки вошел в дом. В «столовой» на дощатом столе сидел среди остатков завтрака — вареного риса и тушеных овощей — голопузый малыш лет трех. Под столом важно разгуливал яркий петух, косо высматривая на земляном полу оброненные рисинки и крошки. Девочка школьного возраста в углу в цементном чане мыла тарелки и складывала их в шкаф с металлической сеткой вместо стекол. Шкаф стоял ножками в глиняных глубоких блюдах, наполненных водой. Это для спасения от муравьев, термитов и тараканов. Но в то же время затхлая, стоячая вода служит излюбленным местом для размножения разносящим лихорадку комарам. Другой мебели в комнате не было.

Скудно меблированными оказались и две другие тесные комнатенки. В них стояли только кровати. Одна для хозяина с хозяйкой и маленьких детей, другая для взрослого сына с молодой женой.

— Детей у меня девять, — сказала крестьянка. — Попробовала уберечься, пила таблетки, но все напрасно. Десятого ношу сейчас в животе.

Фраза в ее устах прозвучала так обыденно, будто она говорила о погоде. Ее еще молодое, резко контрастирующее с изношенным телом лицо светилось мягкой, приветливой улыбкой. Она все приглашала присесть за стол, показывала свою фотографию в день свадьбы.

Потом Сумади, ее муж, уже на улице, тоже с улыбкой, неторопливо поведал далеко не веселую, ставшую обычной для сегодняшней Явы историю. Был у него савах в три четверти гектара. Когда старшую дочь выдавал замуж, отрезал, как требует обычай, третью часть ее молодой семье. Первый сын в самостоятельную жизнь вступил хорошо, женился на «земельной», сейчас считается устроенным. А второй сплеховал. Вернулся из армии, побывав в дальних краях и набравшись чужого разума, и привел молодую в дом. Нарушил традицию. Делать нечего. Пришлось на его имя переписать половину земли. Что будет с остальными детьми? Только аллах ведает! Сейчас все меняется, не успеваешь приспособливаться.

— Этим,— Сумади махнул рукой за дом, в сторону саваха,— семью не прокормишь, даже мельчить участок нельзя, новой земли взять неоткуда. Приходится прирабатывать ремонтом колес. Но разве это выход? С каждым днем становится все труднее.

Уже в начале нынешнего столетия голландская колониальная администрация была вынуждена констатировать «густонаселенность» Явы, ее неспособность обеспечить себя продовольствием. В 1930 году было записано: «Этот перенаселенный, голодный остров являет собой пример того, что ждет человечество, если оно не сделает сознательных усилий избежать яванского феномена». С тех пор изменений в лучшую сторону не произошло. Наоборот. На Яве, по площади составляющей семь процентов территории страны, живет ныне 93 из 148 миллионов индонезийцев.

В горах населенные пункты еще как-то разделены спусками и подъемами, крутыми поворотами, а на равнинной местности не покидает ощущение, что едешь по одной бесконечной деревне. По обеим сторонам дороги тянутся дома, непрерывной чередой идут люди—женщины с притороченными к спинам огромными корзинами, мужчины, согнувшиеся под коромыслами, шумные стайки беззаботных детей. Сама дорога тоже редко бывает пустой. То промчится машина, то медленно проедет буйволиная повозка, то проскочит группа велосипедистов или запряженный лошадкой докар.

Плотность населения здесь одна из самых высоких в мире — 690 человек на квадратный километр. Демографы из Джокьякартского университета Гаджа-Мада подсчитали: если население Явы будет и впредь увеличиваться на два миллиона человек в год, то через два с половиной столетия жителям острова придется спать стоя... На каждого из них будет приходиться не более квадратного метра земли. Стремительный рост населения Явы при неизменности площади обрабатываемых земель ведет к обезземеливанию, обнищанию, безработице.

По данным Комитета земельной реформы, трое из четырех владельцев участков гнут спины на савах в четверть гектара. Здесь этот размер объявлен «минимально экономически оправданным». Меньшее поле будет уже нерентабельным. Однако подтверждающие этот вывод расчеты были сделаны 15 лет назад. Они давно и безнадежно устарели. При нынешних ценах на товары, которые получает деревня из города, с таким савахом не протянешь и года.

Крестьяне вынуждены закладывать зерно еще до получения урожая. Иногда они вынуждены так поступать в течение двух-трех лет. Неизбежно наступает тот час отчаяния, когда он решается продать переставшую быть кормилицей землю, чтобы хоть как-то облегчить долговую кабалу. Бывает, что бедняга остается, жить в своей хижине и продолжает работать на том же поле, но уже батраком местного кулака или городского богатея. Но не редко он вынужден распрощаться и с крышей, и с савахом.

Сейчас около половины яванских земледельцев не имеют собственной земли. Число работающих по найму за последние шесть лет выросло в сельской местности в пять раз. Идет активный процесс классового расслоения индонезийской деревни. Обезземеливание местная печать сравнивает с набирающим скорость локомотивом, у которого неисправны тормоза и который мчится к темному туннелю под названием «катастрофа».

Мысль о необходимости разгрузить Яву от избыточного населения занимала правительство республики с первых дней существования независимой Индонезии. Но к планомерной и долгосрочной программе переселения, или, как здесь говорят, трансмиграции, приступили только в 1969 году. Было создано специальное министерство, ряд других ведомств, перед которыми поставили задачу найти комплексный подход к решению проблемы. Основной приманкой для привязанных к родным местам жителей Явы сделали возможность получить сразу и землю, и работу.

Трансмигрантов стали зазывать в построенные государством на целинных землях других островов поселки со школами, амбулаториями, почтой. Каждой семье выделялось два гектара первично обработанной земли, льготная ссуда на приобретение семян, саженцев, удобрений, инвентаря. Поселки строили недалеко от крупных плантаций, лесоразработок или масштабных строителей, чтобы у новоселов под боком всегда был источник заработка. Переселять старались людей большими группами и из одних краев, чтобы вдали от родины они не чувствовали себя оторванными от привычного окружения.

Такой подход оправдал себя. Если за все 50-е годы Яву покинули 103 тысячи семей, то за последние пять лет ежегодно переселялось в среднем 50 тысяч семей. На географической карте Индонезии появилось 250 новых сельскохозяйственных районов. Среди них — крупные плантационные хозяйства на Южной Суматре, Центральном Сулавеси, Молукках.

На Суматре одно из хозяйств принялось за выращивание табака. Находится оно в районе Дели. Я помню, что после войны у нас продавались папиросы «Дели». И тогда, и позднее я считал, что название на желтой с золотым ободком пачке связано с Индией, ее столицей. И только попав в Индонезию, понял, что ошибался. Это был знаменитый суматранский табак, выращивание которого в послевоенные годы было заметно свернуто. Может быть, теперь, с возникновением новых плантаций, он вновь вернет себе всемирную славу.

В осуществлении программы трансмиграции не все получается так, как хотелось бы. Сказывается недостаток средств, специалистов, мощной техники для наступления на джунгли, опыта в организации таких крупномасштабных работ. Министерство не выдерживает графика переселения. Усилия правительства нейтрализует естественный прирост населения. Один из пессимистически настроенных индонезийских журналистов как-то заметил: чтобы перевезти на новые места только прибавляющихся каждый год жителей Явы, недостаточно будет всего пассажирского флота Азии. Однако это не значит, что политика трансмиграции — бесперспективное дело. Даже сейчас она в определенной мере облегчает демографическое бремя Явы, способствует экономическому подъему периферийных районов.

Одна из причин бедственного положения индонезийских крестьян в том, что они — объект эксплуатации прослойкой лиц, принадлежащих к осевшей в стране зажиточной китайской общине. Нигде лучше этого не почувствуешь, как в любой деревенской лавке, хозяином которой непременно окажется китаец.

Ровокеле на Западной Яве относится к разряду мелких поселков. Он в стороне от большой дороги, вся его активная жизнь сосредоточена на одной улице, по которой свободно, как по двору, разгуливают тощие петухи. Единственным местом в Ровокеле, где можно отдохнуть, размять ноги и выпить что-нибудь прохладительное, является магазин с не соответствующей его неопрятному виду вывеской «Мутиара», что значит «жемчужина».

Когда я зашел внутрь, то в глаза бросилось беспорядочное нагромождение товаров. Лавка была похожа на склад, куда свалили что попало и как попало. Рис и

одежда, лекарства и керосин, книги и водопроводные трубы, консервы и мотоцикл. Все вещи покрыты пылью, тронуты ржавчиной, разбросаны, перемешаны.

Свободное пространство лавки заполнили люди, судя по одежде, крестьяне из окрестных деревень. Они ничего не покупали, но стояли в очереди к кассе, на которой деньги считали, видимо, еще до первой мировой войны. За музейным экспонатом сидел хозяин «Мутиары» — пожилой китаец в полосатых пижамных брюках и грязной майке. Каждого он сдержанно, с достоинством приветствовал, покровительственно расспрашивал о здоровье, семье, потом, не торопясь, выбирал один из валявшихся на столе grossбухов и начинал мусолить страницы.

Шло обычное, устраиваемое раз в месяц выяснение размеров долгов. Одни посетители суетливо доставали из-за поясов свернутые трубочкой и перетянутые резиновым кольцом деньги, другие, опустив глаза, разводили руками, заискивающе улыбались. И те и другие уходили от китайца с советом, как уберечься от простуды или как воспитывать детей, но все теми же должниками. Протискиваясь к выходу, они вряд ли обращали внимание на укрывшийся в дальнем темном углу лавки небольшой алтарь с тусклыми, отливающими старым золотом иероглифами: «Доставка во все времена года».

Китайцы проникли и в такую традиционно занятую индонезийцами отрасль, как рыболовство. С этим я столкнулся в Пангандаране, на юге Западной Явы, куда приехал посмотреть на фестиваль в честь легендарной Лоро Кидул — королевы Южных морей. Накануне поездки нам рекомендовали попасть туда до захода солнца. Есть в Пангандаране, говорили мне, выдающаяся далеко в море покрытая кокосовыми пальмами коса, с одной стороны которой можно встречать день, а с другой — его провожать. Некоторые энтузиасты проводят на косе всю ночь, чтобы понаблюдать и за закатом, и за восходом солнца. Но, уже спускаясь с перевала Калипучанг, мы поняли, что безнадежно опаздываем к вечерней зоре. С востока стремительно накатывалась темнота. Когда мы подъехали к перегороженным шлагбаумом воротам Пангандарана и остановились, чтобы заплатить въездной налог, было уже совсем темно.

Курортный городок был еще далек от сна. Его улочки заполняли толпы гуляющих, в основном молодых людей, на тротуарах шла бойкая торговля с освещенных керосиновыми лампами тележек, кафе под вынесенными прямо на дорогу тентами были забиты. На фестиваль, который должен был начаться на следующий день, съехалось очень много народа. В какой бы отель мы ни обращались, везде получали один и тот же ответ: «Извините, все номера заняты». Мы уже готовили себя к ночлегу в машине, как помочь нам взялся мужчина средних лет с длинным электрофонарем в руках.

Я пошел за незнакомцем темными переулками по шатким доскам, под которыми противно хлюпала черная жижа. Провожатый светил под ноги мне. Сам, видимо, знал дорогу наизусть. Он привел меня к группе слабо освещенных бунгало. Из темноты вынырнул администратор и открыл один из домиков. Как только я вошел внутрь, то сразу понял, что нам здесь не ночевать. Посреди совершенно голой, не оборудованной кондиционером комнаты стояли две кровати с комковатыми грязными тюфяками. В нос ударил резкий запах инсектицида «Флит». Им только что обработали бунгало. На полу вверх лапками валялись дохлые рыжие тараканы. Администратор сказал, что уже поздно, постельного белья не будет, не будет и ужина. Это пояснение я использовал как предлог, чтобы отказаться от услуг отеля. Уж лучше спать в машине, чем дышать всю ночь вонючим «Флитом» в мрачной, как тюремная камера, комнате.

И все же нам повезло. Когда я, спотыкаясь в потемках, вернулся к машине, еще один индонезиец вызвался устроить нас. Он привел нас к «отелю» — разделенному на комнаты длинному барaku, обрамленному узкой открытой верандой. Получив заработанное, проводник скрылся в темноте и вскоре появился в сопровождении старика, которого представил как массажиста, готового за скромную плату размять наши затекшие за долгую дорогу спины. Мы отказались.

Надо было подумать об ужине. В отеле могли накормить только рисом и курицей. Но находиться на берегу моря, в известном своей кухней из морских продуктов Пангандаране и глотать пресный рис и еле теплую курицу было просто нелепо. Мы

вышли на улицу, отыскивали китайский ресторан, где и поужинали жареной муреной, запеченными в тесте креветками и салатом из кальмаров. Тут же с хозяином ресторана договорились о том, что завтра до восхода солнца он пришлет лодочника, который повезет нас встречать рассвет в море.

Ровно в пять утра лодочник был у наших дверей. Парень лет восемнадцати, в лихо сдвинутой на затылок шляпе с узенькими полями, майке и шортах. Лодка — выдолбленная из цельного дерева перау с балансиром — лежала на песке у воды. Втроем мы стащили ее в море, парень прикрепил мощный японский мотор, дернул резко за шнур, и мы помчались, рассекая небольшие волны, навстречу уже алевшим низким облакам. Было довольно прохладно, мы ежились под дождем мелких брызг, чем приводили лодочника в развеселое расположение духа. Он подшучивал над нашими неуклюжими попытками уберечься от колющих иголочек водяной пыли.

Черная полоса берега давно скрылась. Лишь слева виднелись неясные контуры далекой горы. Небо было сплошь покрыто темной пеленой, и только прямо по носу нашей лодки оно начинало расслаиваться на длинные неровные полосы, подсвечиваемые снизу невидимым глазу пламенем. Их цвет и формы менялись как в калейдоскопе. Увеличивались светлые прорехи, краснота приобретала все более легкие тона. Вот показался тут же пустивший по воде дорожку краешек раскаленного диска. Он на глазах вырос из океана, на какое-то мгновение задержался на воде, оторвался и пошел по небу, заливая все вокруг теплым золотом.

На обратном пути к берегу лодочник бросил в море несколько приготовленных загодя лепестков цветов.

— Это, — пояснил он, — для Лоро Кидул.

Когда-то, гласила легенда, такое имя носила юная и прелестная принцесса, любимая дочь Силиванги, правителя сунданского княжества Паджаджаран. Но наслала на нее завистница в любви порчу, и лик ее прекрасный превратился в сморщенное старушечье лицо; гибкое, стройное тело расплылось и скрючилось, глаза угасли, волосы свалились в редкие, грязные космы. Отец не мог выдержать такой перемены и прогнал дочь из дворца. Долго скиталась несчастная девушка по незнакомым местам, испытала много бед и лишений. Однажды вышла на высокий, нависший над морем утес. И тут вдруг услышала голос:

— Хочешь вернуть себе красоту, бросайся со скалы в волны. Будешь вечно молодой, неувядаемо прекрасной. Но навсегда останешься в морской пучине. Выбирай!

Обессилевшая от физических и душевных мук принцесса решила отдать себя на волю рока. Голос не обманул. Она приняла прежний облик. Позднее стала королевой подводного царства. К людям относится двояко. Порой вспоминает окружавшие ее в родительском доме всеобщее обожание, доброту и ласку и дарит им рыбу, в другой раз вспоминает горечь изгнания, беды странствий и в гневе рвет рыбацкие сети, переворачивает лодки, топит людей. В такую минуту Лоро Кидул превращается в чудовище. Ее глаза сверкают раскаленными углями, волосы дыбятся пучком змей, руки тянутся к жертвам щупальцами спрута, голос подобен грому. Когда мы вернулись к берегу, песчаный пляж уже был усыпан людьми. Некоторые купались. Мужчины — кто в брюках, кто в шортах, женщины — в блузках и юбках. Индонезийцы еще не приняли европейского обычая надевать в таких случаях специальный костюм. С визгом бултыхались в прибойной волне голенькие ребятишки.

На берегу уже все было готово к фестивалю. Около вытащенных на берег и поставленных носами к воде лодок развешанными на шестах сетями была огорожена площадка, на которой устраивались музыканты небольшого оркестра.

Вокруг импровизированной арены плотным кольцом сидели и стояли зрители. В стороне, на пригорке, под деревянным навесом складные металлические стулья занимали почетные гости: представители местных властей, иностранные туристы.

По знаку распорядителя, суетившегося под навесом, заиграл оркестр. Под протяжные звуки флейты, гулкие удары гонгов из небольшой рощицы наклонившихся к морю кокосовых пальм группа молодых людей в белых рубашках и с белыми повязками на головах вывела белого буйвола, рога которого были обвиты золотистыми и красными бумажными ленточками. Процессию возглавлял дукун, старик

в круглых старомодных очках, просторной рубаше, украшенной золотым шитьем, и в повязанном по-особому головном платке из батика.

Меланхоличного, как бы задумавшегося, безропотного буйвола ввели на арену, Старик расстелил на песке у кромки воды бархатный малиновый коврик, сел лицом к морю. Какие-то люди расставили перед ним несколько подносов с фруктами, цветами, снопиками риса, связанными в пачки листьями бетеля, небольшую, сверкающую на солнце курильницу. Колдун долго устраивался: выбирал удобную позу, двигал подносы, чашу с благовониями, переговаривался с музыкантами. Наконец утих. Закрыв глаза, глубоко несколько раз втянул сизые струйки дыма, чуть подался вперед и запричитал не сочетающимся с его тщедушным телом высоким голосом. В однотонном пении слышались арабские слова, узнавались индонезийские. Но большая часть заклинаний была на старосунданском языке.

Старик закончил и замер. За дело принялись молодцы в белых одеяниях. Они повалили несопротивлявшегося буйвола на песок, двое сели ему на ноги, двое оттянули голову, один двумя сильными точными ударами тяжелого паранга отделил ее от туловища. Кровь, хлынувшую из разверстого нутра, жадно поглощал песок. Парни подняли отсеченную голову за рога, показали ее зрителям, положили на сколоченные из досок носилки.

Внимание собравшихся вновь переключилось на шамана, который уже был у воды, встречал сверкающую свежей краской небольшую лодку. Ее подтягивали к берегу мальчишки, бредущие по грудь в воде. На игрушечное суденышко водрузили буйволиную голову, перенесли поднос с дарами, курильницу. Дукун еще раз пропел заклинания, освятил подношения цитатами из Корана. Лодку взяла на буксир моторка и потащила в открытое море. Там, подальше от берега, на ней поднимут парус и пустят к далекому горизонту. Принимай, Лоро Кидул, скромные дары человеческие! Будь милосердна и щедра! Не губи рыбаков, дай им хороший улов!

Когда мы зашли после фестиваля в уже знакомый нам ресторан подкрепиться перед дорогой, его хозяин, встретивший нас как давних знакомых, не без удовольствия сообщил, что финансировал празднество его старший брат, которому в этих краях принадлежит рыболовецкая флотилия и холодильники. Это он нанял дорогостоящего, знаменитого на все побережье дукуна, заказал оркестр, забойщиков, купил буйвола, построил навес, приобрел специальную лодку. Не поскупился. Давно уже в Пангандаране не проводили такого грандиозного фестиваля.

Китаец знал, что делает. Теперь о его щедрости, покровительстве традициям будут долго говорить рыбаки по всему побережью. С этими разговорами проглотят и новое повышение платы за аренду лодок, моторов, сетей, за хранение улова в холодильнике.

У меня была еще одна «встреча» с Лорой Кидул, в заливе Пелабухан Рату. Однажды после нескольких утомительных часов за рулем под полуденным солнцем я решил остановиться в укромном уголке залива и искупаться. Только я вошел в почти горячую воду, как был сбит высокой и тугой волной. Когда меня уже тянуло в море, я схватился за карман плавок и застыл от ужаса: ключей от машины в нем не было. Один, вдалеке от большой дороги, в плавках, без очков! Даже если разбить стекло машины, то без ключа, отпирающего замок на руле, двигатель все равно не заведешь!

Потрясенный свалившейся вдруг бедой, я поплелся к машине, лихорадочно обдумывая выход из столь нелепого положения. Навстречу мне к воде спускались трое ребят. На моем лице, видно, была такая очевидная растерянность, что один из них спросил:

— Что-нибудь случилось, господин? Подростки выслушали мой сбивчивый рассказ.

— Это дело рук Лоро Кидул,—ровным голосом сказал один из них.—Она сердится на господина.

Не знаю, что меня толкнуло пойти вместе с ребятами к воде. Когда мы подошли к морю, отхлынула волна, и на моментально сохнувшем песке я увидел черный брелок с ключами от машины! Легче найти иголку в стоге сена, чем ключи в Индийском океане! В

это трудно поверить, но они нашлись. Обуреваемый несказанной радостью, сменившей в один миг полное отчаяние, я обнял одного из мальчишек и крепко прижал к себе.

Ребята, однако, были по-прежнему невозмутимы. Они просто объяснили случившееся.

— Лоро Кидул, — пояснил паренек, — не сердится. Она просто пошутила.

Эту «шутку» я запомнил на всю жизнь.

14

АДАТ СПУСКАЕТСЯ С ГОР

В обществе с прочными традициями чужеземное может быть принято, если сулит власть или богатство, если рационально или полезно. Но оно не может вытеснить обычаи, которые с незапамятных времен действовали и продолжают действовать в настоящее время на воображение. Так, основой кодекса социального поведения индонезийца по-прежнему остается обычай — адат. Он выдержал все иноземные вторжения, остался и теперь в значительной мере движущей силой духовной жизни. Как говорят яванцы, «религия приходит из-за моря, а адат спускается с гор». Балийцы тоже считают горы стороной блага и добра, обителью богов. А море, по их представлению, — местопребывание злых демонов, источник горя и несчастий.

Индийские религиозные доктрины и ислам среди рисоводов Явы, Мадуры и Бали, став — каждое учение в свое время — господствующими, не погасили приверженности местных жителей к анимистическим представлениям. Взять, к примеру, миф о происхождении яванцев. Сначала, говорится в нем, были только двое — наби (пророк) Адам и набу (пророчица) Кава (Ева). Они родили сыновей, которых называли Наби Сис и Сайянг Сис. Первый дал жизнь пророкам Ибрагиму (Абрахаму), Нуре (Ною), Исе (Иисусу) и Мухаммеду, от которых произошли все народы. Второй же положил начало яванцам. Вот как он сам об этом говорит в одном из представлений традиционного театра теней:

С в я щ е н н и к. Расскажи мне историю Явы до появления человека.

С а й я н г С и с. Весь остров был покрыт девственным лесом. Только в одном месте было рисовое поле, у горы Мербабу, которое я обрабатывал десять тысяч лет.

С в я щ е н н и к. Так кто же ты? Человек ли? Не встречал еще человека, который бы прожил столько тысяч лет. Даже наби Адам жил только тысячу. Кто ты? Скажи правду!

С а й я н г С и с. Я не человек. Я дух—хранитель Явы. Я самый старый дух Явы, прародитель всех духов и всех людей Явы.

Ох уж эта неистребимая жажда быть избранным! На генеалогической лестнице человечества яванцы отвели себе исключительное место. Они убеждены в том, что превосходят во всех отношениях остальные этносы архипелага. Очень они, в частности, гордятся своим доведенным почти до совершенства умением владеть эмоциями, настроением. Под влиянием религиозных постулатов, социальных особенностей рисоводческой общины этот самоконтроль с веками стал среди яванцев высшим принципом правильного поведения.

Только управляющий своими внутренними переживаниями и своими связями с окружающим миром человек, по их мнению, может достичь понимания смысла жизни, добиться духовной свободы. Потерявший же власть над собой становится доступным для злых духов. Рассерженный, удивленный, растерявшийся человек становится легкой добычей черных, враждебных сил. Про яванца, который, скажем, потерял вдруг ориентировку в пространстве, здесь говорят: он одержим сатаной.

За гладкими, непроницаемыми лицами, рассеянной и загадочной улыбкой жителей центральных и восточных районов Явы невозможно угадать их истинное настроение, подлинные чувства. Здесь не принято говорить то, что думаешь, показывать то, что переживаешь. Недопустимо демонстрировать свое плохое отношение к кому-либо, равно как и хорошее. Все это считается сугубо личным делом.

Приходилось встречать немало европейцев, которых такие правила этикета просто выводили из себя. Они жаловались на то, что яванцев невозможно понять, что

они лживы, хитры. В Европе в XVII столетии ходила поговорка: «Хитер, как яванец». Однажды даже бизнесмен-японец, для которого хитросплетения азиатского мышления не являются откровением, признался:

— Индонезийцы два года водили меня на переговорах за нос, кормили обещаниями, пока я не понял, что они с самого начала не собирались заключать контракт.

Да, яванец никогда не откажет прямо. И дело тут вовсе не в хитрости. Он просто воспитан так, что считает невежливым говорить человеку «нет», поскольку это может вызвать у того отрицательные эмоции. Он будет приятно улыбаться, внимательно выслушивать, обещать, прибегать ко всякого рода уловкам, пока вы сами не догадаетесь взять свою просьбу обратно. В этом он видит здравый смысл. Западная прямота и откровенность кажутся ему слишком вульгарными.

Канонические правила яванского традиционного кодекса поведения сейчас, особенно в городах, размываются под напором экономических, социальных и нравственных новшеств индустриального, урбанизированного XX века. Если прежде яванцы не употребляли алкоголя все из-за той же боязни оказаться во власти демонов, то ныне в Джакарте, Джокьякарте, Сурабае, других городах уличные торговцы продают крепкие напитки в пластиковой упаковке по 250 граммов. Обычной картиной стали группы молодых людей, потягивающих пиво под брезентовыми крышами забегаловок.

В декабре 1981 года правительство, обеспокоенное стремительным ростом алкоголизма, обратилось к радикальной мере. Торговля виски, джином, водкой в пластиковых тюбиках была запрещена. Но она продолжалась. Только теперь из-под полы.

В сельской местности выработанный веками стереотип поведения в наиболее полной форме можно наблюдать во время главного церемониального события — сламетана, который можно сопоставить с нашим званым обедом. Сламетан — это религиозно-социальный ритуал, устраиваемый по случаю свадьбы или обрезания, празднования дня рождения пророка или в связи с принятием нового имени, с целью изгнания злых духов или в ознаменование окончания поста. Он символизирует единение лиц, принимающих в нем участие, ограждает их от происков злых сил, располагает к ним добрых.

По канону, устроитель сламетана должен за 10—15 минут до его начала послать гонца по соседним дворам и оповестить их обитателей о предстоящем празднестве. Но обычно о предстоящем событии знают все окружающие и готовятся к нему, оставляют отведенное для него время свободным. Собравшихся хозяин приветствует торжественной речью, объясняет причину сламетана.

Потом загодя приглашенный священник читает нужные выдержки из Корана. На плетенные из рисовой соломки циновки после этого выставляется угощение. Гости, храня полное молчание и не глядя друг на друга, приступают к трапезе. Смотреть в глаза соседа — дурной тон. Яванцы никогда не фиксируют на чем-нибудь взор во время бесед, смотрят как бы в никуда. Только враги, готовые к смертельной схватке, «едят» друг друга широко раскрытыми, округленными глазами, пытаясь этим навести страх.

Отправив в рот две-три щепотки еды, гости благодарят хозяина и, испросив у него разрешения, уходят домой, держа в руках завернутые в банановый лист остатки еды. В знак уважения к главе семьи выходят пригнувшись, чтобы не быть ростом выше организатора сламетана, правую руку опускают вниз, почти касаясь пальцами пола. Доедают угощение у себя дома, под родной крышей.

Во время сламетана, верят яванцы, невидимые духи сидят среди приглашенных и тоже угощаются. Но только запахом еды. Пища, а не молитва — главный элемент церемонии. На празднике по случаю седьмого месяца со дня рождения ребенка, например, подается семислойный, разноцветный рисовый пудинг, а по случаю обрезания — белый и красный рис. Первый свидетельствует о чистоте, второй предрекает храбрость. Каждому событию — свое блюдо.

Среди целого сонма злых духов наибольший страх вселяет лелембут. Согласно поверью, он входит в тело человека и навлекает на него болезнь или сумасшествие. Добрым духом считают охраняющего деревню данджанг деса. Он, как считает народная молва, порой посещает деревенского старейшину во время сна и дает ему разные советы, предупреждает о надвигающихся опасностях и бедах.

После Мадиуна и Тренггалека мы обогнули горную гряду и помчались по равнинной дороге на восток. Нашей целью был Блитар—родина и место захоронения Сукарно. Здесь чаще, чем в других местах, попадались рассчитанные на четырех—шестерых пассажиров повозки, в которые были запряжены резвые низкорослые лошади. Они разукрашены красными помпонами, торчащими меж ушей, а также обитой медными гвоздиками збруей. Такая повозка—докар — часто встречается на дорогах юго-восточных равнин.

На подъезде к Блитару увидели паровозишко, тащивший по узкоколейке состав из пяти вагонов с лесом. Он вынырнул из-за горы словно из прошлого века. Маленький, с огромной трубой, начищенными до сияния латунными фонарями. С появлением этого пионера железной дороги на миг показалось, что здесь ничего не изменилось за последние сто лет.

К действительности вернул чистенький, утопающий в цветах городок Блитар. Стойки проемов в каменных заборах вокруг домов были выложены в форме цифр: левая стойка— 19, правая—45. Они символизировали 1945 год—год провозглашения независимости.

Сукарно, зачитавший историческую Декларацию, погребен в стеклянном доме под традиционной двухъярусной крышей. Перед смертью он завещал, чтобы на его надгробии были высечены слова: «Здесь лежит Бунг Карно—глашатай индонезийского народа». Ему не хотелось упоминаний всех его многочисленных титулов, которыми он был так щедро осыпан при жизни. Но сначала на его могильном холме была установлена плита с более чем скромной надписью: «Сукарно. 1901 —1970». Только в девятую годовщину со дня его кончины на месте захоронения был открыт мемориал, центральное место в котором занял огромный черный надгробный камень, извещающий о том, что под ним «лежит Бунг Карно — провозвестник независимости и первый президент Республики Индонезии. Родился 6 июня 1901 года. Умер 21 июня 1970 года».

Сукарно для индонезийцев останется навечно человеком, который всю свою жизнь посвятил священной борьбе за национальную независимость и национальное достоинство. Ежедневно мемориал посещают сотни паломников. Они рассаживаются под деревьями вокруг стеклянной усыпальницы, часами сосредоточенно о чем-то думают, шепчут молитвы.

Поездка в Блитар запомнилась еще в связи с другим событием. В деревне рядом с родным городом Сукарно наше внимание привлек густо облепленный детворой дом. Дети были так поглощены наблюдением за чем-то происходящим внутри дома, что против обыкновения, заметив нас, не обступили машину. Сопровождавший нас индонезиец переговорил с хозяином дома, и через минуту мы были приглашены на сламетан тингкебан—обряд введения яванки в материнство, который совершается в первую субботу седьмого месяца первой беременности.

Мы разулись на первой ступеньке ведущей в дом высокой лестницы и сквозь шеренги расступившихся ребятишек поднялись в просторную комнату. На полу вокруг циновки двумя отдельными группами сидели мужчины и женщины. Сквозь щели дощатого пола было видно, как внизу, под домом, копошатся в земле куры, равнодушно взирает на них привязанный к столбу черный козел. Из задней комнаты, отделенной грязной занавеской, женщины выносили наполненные белоснежным и шафрановым рисом чаши, свернутые из банановых листьев и заколотые длинными древесными шипами.

К рису было подано острое, пряное и сладковатое варево из фруктов и овощей—руджак. Основную его массу составляла мелко натертая мякоть молодого кокосового ореха, к которой были добавлены нарезанные кусочками огурцы, кислое, незрелое манго, сырые, вяжущие бананы, зеленая папайя. Считается, что эта кисло-терпкая

смесь—предмет вожделения беременных. Руджак был подан вместе с острой пастой из креветок и полит сиропом из пальмового сахара. Если женщине покажется, что в блюде слишком много перца, то быть ей матерью девочки, а если наоборот—то мальчика.

Между гостями сидели на небольшом возвышении будущие родители. Муж был обнажен по пояс, жена—с неприкрытыми плечами и распущенными волосами. Поверх их бедер были повязаны саронги, которые надевали в день свадьбы их родители.

Приглашенные только прикоснулись к еде, когда к молодой паре подошел тощий старик. В руках он держал наполненную водой и лепестками цветов бронзовую чашу. Колдун принялся макать в нее большую кисть и поливать мужа и жену, причитая:

— Именем аллаха всемилостивейшего я поливаю святой, взятой из девяти источников водой мужа и жену. Пусть процветают их потомки. Такова воля аллаха всемилостивейшего.

Мокрая почти до нитки женщина встала. Старик обвязал ее заметно выпирающий живот черным толстым шнурком, достал из-за пояса кинжал, высоко его поднял над головой 11 знак уважения всех присутствующих и уверенным движением сверху вниз разрезал шнурок. При этом он говорил:

— Именем аллаха всемилостивейшего я открываю путь для ребенка. Да будет он в чреве матери не более и не менее девяти месяцев, и да родится он легко и быстро. Такова воля аллаха всемилостивейшего.

Наступил черед мужа. Под внимательными взглядами собравшихся в комнате он взял в правую руку тяжелый паранг, приложил его к лежащему у его ног зеленому кокосовому ореху. Энергичный взмах руки, свистящий удар— и кокос был разрублен на две половины. Гости одобрительно загудели. Значит, роды будут не тяжелыми. Плохо было бы роженице, если бы ее мужу пришлось наносить второй удар.

Когда ребенок родится, то повитуха, согласно обычаю, трижды громко хлопнет над ним в ладоши, чтобы младенец, раз испугавшись, в дальнейшей жизни не страшился никаких неожиданностей. Обмытого ребенка завернут в материнский каин. Этот кусок ткани навсегда станет для него или нее талисманом, охраняющим от всяческих невзгод. Многие яванцы до конца дней хранят священную материнскую юбку, обтирают ею лицо во время болезни, кладут под подушку при неприятностях.

Пуповину и послед повивальная бабка завернет в белый чистый муслин, уложит в горшок, который новоявленный отец должен будет закопать в землю. Если у него родился мальчик, то ямку для горшка следует выкопать перед домом, потому что тот, повзрослев, уйдет на сторону и перед ним должен быть открыт весь мир. Если появилась девочка, то — во дворе дома. Ей не уходить к чужим людям, ей быть хозяйкой. Чтобы отгонять от зарытого горшка злых духов и голодных собак, на месте его захоронения 35 суток будут гореть благовонные палочки.

Через пять дней после родов, во время сламетана, папаша сообщит соседям имя ребенка. Это не значит, что новорожденный проносит его всю жизнь. Полстолетия назад яванцы меняли имена после свадьбы, совершения хаджа, болезни, по разным другим причинам и поводам. Сейчас тоже поступают так, но реже. Сказывается влияние становящегося все более строгим государственного режима идентификации личности.

Яванские дети—привилегированное «сословие». Считается, что, чем меньше ребенок, тем чище его душа, тем он ближе к богу. А только что появившийся на свет младенец вообще существо священное. Детей поэтому нежат, ласкают. Никогда на них не поднимают голос, а уж тем более руку. Ударить малыша — значит нанести обиду охраняющему его духу.

Трогательная забота не портит ребятишек. Они на редкость не капризны и самостоятельны. Такими растут в первую очередь потому, что любовь к ним не принимает формы сюсюканья, снисходительного покровительства. С первого же дня они — равные члены человеческого общежития, которых непозволительно ограничивать враждебно звучащими: не смей! нельзя! не тронь! и так далее. Яванкамать постарается предупредить возникновение нежелательных для ребенка ситуаций, уберет подальше опасные предметы, обложит его подушками так, чтобы он не упал, но не станет дергать вызывающими невольный внутренний протест окриками-запретами,

наказывать шлепками. Кроме того, взрослые берут детей повсюду с собой, сразу же вводят в мир, который не делят на взрослый и детский.

Знакомый по Джакарте библиотекарь Бамбанг много рассказывал мне о своем детстве. Он родился в деревне на Восточной Яве в 1938 году, в семье среднего достатка. Его отец был ответственным за поддержание в порядке ирригационной системы. Как человек, отвечающий за воду, столь важную для благополучия деревни, пользовался уважением, которое, в частности, выражалось в выделении его семье из общественных фондов дополнительного риса.

Свои первые годы Бамбанг помнить, разумеется, не мог. И тем не менее имел о них довольно яркое представление. Мать, обладая, как многие яванки, даром рассказчицы, воспоминаниями о его младенческой поре скрашивала голодные вечера в послевоенные годы. Материнский голос так глубоко запал в сердце Бамбанга, что он, по его собственному признанию, и на склоне лет смог бы повторить рассказы матери слово в слово.

Впервые на землю, говорила она, Бамбанг ступил на седьмой месяц после рождения. Рано утром после сламетана его посадили в гнездо петуха, потом вымыли в лохани, срезали с головы прядь волос и разбросали по двору вместе с мелкими монетками, чтобы в последующей жизни ему всегда сопутствовал достаток. После купания одели в новое платье и разрешили впервые обнаженной ступней коснуться грешной земли. Затем усадили среди детей постарше, принесли сладости, приобщили, так сказать, к роли хозяина сламетана.

Из разложенных перед ним предметов маленький Бамбанг выбрал карандаш. Определил свою будущую профессию. Взялся бы за рисовый колосок—быть ему крестьянином, продолжать отцовское дело, за деньги — торговцем, за ножницы — портным и так далее. После этого мать была освобождена от послеродовых табу: обязательного купания с заходом солнца, неупотребления в пищу мяса и ряда других.

Петух, в гнезде которого сидел Бамбанг, стал его другом на все детство. Яркоперый красавец был баловнем семьи, всего дома. Ему предоставили полную свободу, щедро кормили. Ведь после памятного утра он стал, согласно поверью, носителем охраняющего малыша духа.

Обрезание Бамбанг помнил сам. Ему к тому времени исполнилось 12 лет. Обычай инициации существовал среди народов архипелага до прихода ислама. Новая религия способствовала лишь повсеместному распространению этого анимистического по происхождению обряда. Он означает возведение мальчика в полноправные члены общества, перевод его из обезличенного состояния детства к вполне определенному, обязывающему положению мужчины.

Вместе с Бамбангом церемонию вступления в зрелый возраст проходили еще несколько мальчиков из его деревни. Для них пригласили специалиста—чалака, который одновременно был известен в округе и как парикмахер, и как забойщик скота. Вымытых, одетых в новое саронги ребят чалак уложил на пол рядом в комнате общественного здания деревни, произнес несколько фраз из Корана и ножом из «заговоренной стали» молниеносно проделал операции. Никто даже не вскрикнул, хотя и было довольно больно. Потом матери переступили через своих сыновей трижды, показав, что не сердятся на них за то, что они уходят от них во взрослый мир. Завершился обряд обязательным в таких случаях большим сламетаном.

Это обрезание было организовано обычным, наиболее доступным по расходам путем. Другое дело — в богатых семьях. На такую церемонию я попал во время одной из поездок в Богор.

При выезде из города меня вынудил остановиться сокрушительной силы ливень. Был декабрь—разгар сезона дождей. Западные муссоны каждый день нагоняли на Яву напоенные испарениями Индийского океана тяжелые облака, которые к полудню садились на горные гряды центральных районов острова, из белых быстро превращались в темные, свивались клубками, заслоняли солнце, окутывали землю синими теньями.

Воздух становился удушливым, чувствовалось, как он спрессовывается под давлением низко висящих туч. Умолкали птицы, замирала листва на деревьях. Потом

легким, осторожным дуновением врывался ветерок в замерший в ожидании перемены мир. За первым порывом следовал второй, посильнее, еще один, еще порывистее, и вот... пригибая кроны могучих деревьев, вздымая клубы пыли, гоняя опавшие листья и сучья, налетал вихрь. Падали первые, редкие и крупные капли дождя. Затянувшееся от горизонта до горизонта сплошной грозовой тучей небо разрывала ослепительная, причудливо изломанная сетка молнии, гремел оглушительный гром, и разом разражался такой ливень, что низвергающиеся потоки воды казались сплошной полупрозрачной желтоватой стеной.

Окунувшуюся в сумерки землю грозное небо тиранило полыхающими в полгоризонта молниями, сотрясало многократно отражающейся в горах громовой канонадой, поливало так щедро, будто собралось опрокинуть на нее весь океан. Двигаться под тропическим ливнем становилось немыслимо. Приходилось останавливаться там, где заставляла непогода.

Предчувствуя по умолкнувшим вдруг птицам приближение потопа, я быстренько свернул на обочину и побежал к какому-то зданию. С первыми каплями дождя я вскочил на веранду. Спрятавшиеся от дождя под навесом индонезийцы приветливо поздоровались, потеснились, освободили место в глубине веранды. Разверзшиеся хляби небесные уже поливали косыми струями тех, кто стоял на ее краю.

Вскоре выяснилось, что я попал под крышу частного дома. А собравшиеся на веранде празднично одетые люди были гостями, созванными на сламетан по случаю обрезания у сына хозяина дома. Они пара за парой скрывались в темном проеме дверей, где проходила, как видно, основная церемония. Меня тоже пригласили пройти внутрь и поздравить юношу со вступлением в пору мужества.

Комната была обставлена резной мебелью из Джепары, вдоль одной из стен вытянулись заполненные антикварным фарфором и старинным холодным оружием стеклянные стеллажи, в глубине мягкой зеленью флуоресцировал огромный аквариум с радужными рыбками. В центре, на импровизированном троне — обитом красной кожей высоким кресле, — сидел мальчик с удивительно нежным, девичьим лицом, в черной, расшитой золотым позументом одежде, перехваченной широким желтым поясом, из-за которого за спиной торчала вырезанная из слоновой кости рукоятка родового кинжала.

По бокам трона стояли нарядно одетые отец и мать. Гости, выстроившись цепочкой, один за другим подходили, говорили поздравительные слова родителям, обменивались с ними рукокасаниями, мальчика осыпали приготовленными в больших бронзовых чашах лепестками цветов и рисовым зерном. Каждый опускал в обитый красным бархатом ящичек подарок — конверт с деньгами.

К тому времени, как красивого мальчика поздравил последний гость, ливень кончился. С мигом очистившегося неба засверкало солнышко, стало как-то по-особому празднично-светло. Только вдали, в горах, еще погромыхивало, еще прятались остатки грозowych облаков. Воздух искрился водяной пылью. Кругом стоял веселый звон ручьев. Вода мутными, желтыми потоками стремительно стекала отовсюду в какую-то неведомую, бездонную яму. Через 15—20 минут ее уже не было. Земля быстро высыхала под победившим непогоду, заполняющим теперь воздух удушающей, горячей влагой светилом.

Глядя на эти скоротечные метаморфозы, понимаешь, почему в стране с такими обильными осадками возникла необходимость создания сложной системы полива полей. Дождевая вода не держится на поверхности, она скатывается в реки, которые, разом вспухнув, затопляют огромные площади, разрушают поля, дороги и мосты. Наводнения — второй по разрушительности стихийный бич Индонезии после извержений вулканов.

Когда утихло журчание ручьев, мальчика посадили на лошадь, покрытую попоной с ярко начищенными медными бляшками, в седло, сделанное в форме царского паланкина, разукрашенного павлиньими перьями. Юный всадник возглавил процессию, состоящую из нанятых и одетых соответствующим образом «оруженосцев», «придворных». Сегодня он «царь», которому положена «свита». В сопровождении ее и небольшого оркестра он отправился за сбором дани почета и уважения от

«подданных», то есть окрестного населения. Лошадь под ним была не простая, а дрессированная. Она пританцовывала время от времени, звеня подвязанными к ее ногам бубенцами. После «царственного» выезда мальчик вернется домой, где лучший в округе чалак обрежет ему крайнюю плоть за солидный гонорар. А вечером в доме состоится сламетан. Юноша станет мужчиной. Следующим самым важным событием его жизни будет свадьба.

Я спешил и не мог принять участие в процессии. Не мог остаться и на сламетан. Пожелав родителям и их сыну всяческих благ, покинул умытый ливнем зеленый Богор и стал спускаться к Джакарте.

15

ИНОЕ ОБЛИЧЬЕ И ЖИЗНИ, И СМЕРТИ

Вскоре после поездки в Богор представилась возможность побывать на яванской свадьбе. Еще с вечера я заметил необычное оживление у одного из соседних домов на нашей улице. Ворота украшали гирляндами цветов, во дворе собирали металлический каркас для тента, расставляли длинным рядом столы, вдоль забора выстраивали складные стулья. Любопытствовал, что здесь происходит. В ответ получил приглашение быть гостем на завтрашней свадьбе.

Это был дом родителей невесты, довольно состоятельных людей. Отец и мать обязаны раз в жизни для детей устроить большой сламетан. Для мальчиков обычно в день обрезания, для девушек — в день свадьбы.

Жених появился ровно в десять часов утра. Его сопровождала свита друзей, которые вместе с ним выскочили из машин, остановившихся в 10—15 метрах от дома (к порогу полагается по традиции подойти пешком). Навстречу процессии из глубины двора двинулись окруженные родными и близкими родители девушки. Все были одеты в традиционные праздничные костюмы. На мужчинах головные батиковые повязки, двубортные, со стоячим воротником френчи из темного сукна (наследие колониального периода), саронги, блестящие черные кожаные туфли без задников. Женщины в кружевных, прозрачных блузах, длинных, туго обтягивающих бедра батиковых юбках. Поразительны были их прически. У каждой черные, густые волосы собраны в большой пучок, скрепленный золотыми, в драгоценных камнях гребнями и заколками.

Обе группы встретились так, что их разделяли только распахнутые настежь ворота. От делегации жениха вперед выступил мужчина, выполнявший, как я понял, роль свата. Он развернул стилизованный под старинный манускрипт свиток бумаги и зачитал записанный древнеяванскими письменами текст приветствия. Затем уже в сопровождении своих и невестиных близких жених прошел во двор, к накрытому малиновой с золотой бахромой скатертью резному круглому столу. Там его ждал священник—кади. Взяв юношу за правую руку, он зачитал свадебный контракт и спросил его: согласен ли тот на изложенных в документе условиях взять девушку в жены. Громко, так, чтобы слышали все окружающие, юноша сказал «да» и подписал бумагу. Затем подписи на контракте поставили родители с обеих сторон и свидетели.

Наступил центральный момент бракосочетания — встреча супругов. В прежние времена она нередко была первой в их жизни. Браки устраивали родители. Выбирали невесту, отправляли сватов, по достижении договоренности посылали невесте первый подарок, готовили второй, который вручали в день сватовства. Накануне этого дня девушке нужно было просидеть одной в комнате в простой рубаше около пяти часов, с вечера до полуночи. В нее, согласно поверью, за это время неподвижного сидения на голом полу должен был вселиться дух, придающий девушкам особую привлекательность.

В нынешние времена молодые люди, даже в деревне, чаще всего сами выбирают себе спутников жизни. Но вся внешняя обрядовая сторона сохраняется, хотя и значительно укороченная, сжатая по срокам. Церемониал, рассчитанный на неделю, теперь ужимают так, чтобы он не занимал более трех, а порой и одних суток.

Разодетая в сверкающее золотым шитьем платье, в короне из живых цветов невеста встретила жениха у порога внутренней комнаты. Под сдержанный смех гостей

молодые принялись кидать друг в друга стручки красного перца. Кто первый попадет, тот и станет главой семьи. По неписаному правилу девушка должна быть «неловкой» и промахиваться до тех пор, пока стручок жениха не достигнет цели.

Подчиненность женщины отразилась и в том, что, приблизившись друг к другу после состязания в меткости, молодые встали на расстеленный на полу каин девушки. Это значило, что она всю жизнь будет распростерта у ног его, будет служить ему, как верная раба. Покорность мужу девушка продемонстрировала также тем, что опустилась на колени и протянула вперед бронзовый поднос с сырым яйцом. Муж раздавил его босой ногой. «Лишенная» этим символическим актом девственности, жена вымыла ногу супруга в чаше с водой, обильно посыпанной лепестками цветка жизни—виджайякусума.

Затем пара прошла в «тронный» зал, где на коленях испросила благословение у сидящих на стульях родителей и расположилась на диване красного бархата с высокой резной спинкой, под желтыми зонтами. За спиной у юноши торчал крис—знак власти, на время свадьбы приобретший дополнительное символическое значение. Он сейчас представлял и мужское начало. В прежние времена яванский аристократ в случае женитьбы на девушке более низкого происхождения мог на собственную свадьбу не приходить. Достаточно было послать лишь свой кинжал.

Воссевшие на троне молодые принялись кормить и поить друг друга из своих тарелок и чашек, демонстрируя таким образом единство и готовность заботиться друг о друге до последнего дня. Распорядитель церемонии потом опрокинул тарелку мужа с остатками еды на тарелку жены, завернул обе в кусок батика и отнес во внутренние покои. «Пирог» будет храниться пять дней. Когда пища начнет пахнуть, а в условиях тропиков это случится довольно скоро, члены семьи девушки будут знать, что их дочь стала женщиной.

Подчеркивающий подчиненность женщины свадебный обряд в целом отражает ее неравноправное положение в индонезийском обществе. Но если сравнить социально-семейный статус индонезиек с их ближневосточными сестрами, с которыми их объединяет ислам, то первые, можно сказать, «свободны, как птицы». Яванка внешне, особенно при посторонних, выказывает мужу все предписываемые традиционным этикетом знаки внимания и уважения. Проходя мимо супруга, слегка пригибается к земле и опускает руку долу, при прогулках следует в некотором отдалении от него, подает поднос с едой, не поднимая глаз от пола, покидает комнату, пятась к двери спиной. Но вместе с тем она никогда не знала паранджи, в ней нет рабской покорности, тупой робости или непреодолимой застенчивости. Яванки очень естественны, раскованны, на шутку отвечают смехом, за мужем ухаживают без подобострастия, самостоятельно принимают решения по многим вопросам, включая имущественные и финансовые.

Вот один пример, подсмотренный мной в деревне под Понорого на Западной Яве. В индонезийских деревнях двери домов всегда открыты. Тропическая жара научила людей избегать закупоренных помещений. Поэтому, когдаходишь во двор и не видишь ни души, чувствуешь себя человеком, непреднамеренно заглядывающим в чужую частную жизнь. Неловкости можно избежать, если знать местное правило: как только приблизился на два-три шага к порогу, дай знать о себе громким приветствием. Так и сделал мальчик, которого я заметил входящим во двор дома напротив лавки, куда зашел выпить что-нибудь прохладительное.

— Ассалям алейкум!—звонко пропел он, остановившись перед распахнутыми дверями. Из глубины дома тут же появилась хозяйка, заулыбалась, ласково спросила, чем может помочь.

— Тетушка! Старший брат послал меня к вам. Просит дать ему велосипед на несколько часов. Ему нужно в соседнюю деревню.

— Конечно, конечно! Возьми, малыш. Пусть твой старший брат пользуется им сколько нужно. Да на обратном пути не спеши, не упади, будь осторожен. Передай привет своим родным.

— Спасибо, тетушка. Мы вернем велосипед как можно скорее. До свидания. Можно я пойду?

— Храни тебя аллах! До свидания, дорогой!

Мальчонка обязательно прикатит велосипед, как только отпадет в нем надобность. И тетушка, без сомнения, будет мягко сокрушаться: что, мол, за спешка, могли бы еще поддержать велосипед. На прощание непременно добавит:

— Передай, малыш, своим, пусть не стесняются, если велосипед или что другое нужно, и всегда обращаются к нам. Мы всегда готовы помочь.

Все это не только показывает отношение взрослых к детям, устоявшиеся нормы вежливости и взаимоотношений между соседями, но и свидетельствует о свободе яванки распоряжаться семейным имуществом по своему усмотрению. Причем довольно крупным, ибо велосипед в деревне — все равно что машина в городе.

В наибольшей степени права женщин ущемляют освященные религией пережитки полигамии и свобода развода для мужчин. Многоженство — древняя традиция, расцветшая под влиянием индуизма. Яванский раджа в одном из грешащих преувеличениями сказаний описан сидящим «в окружении жен, наложниц и придворных девушек, которых всех вместе было тридцать шесть тысяч». Эту мужскую привилегию закрепил потом ислам. Мусульманину позволительно иметь до четырех официальных жен. Состоятельные индонезийцы, не афишируя, пользуются этим оговоренным Кораном правом.

Для развода мужу достаточно лишь сказать: «Толак» (развожусь). Если роковое слово произнесено только раз, еще допустимо, что женщина останется женой. Для этого необходимо, чтобы мужчина пересмотрел свое решение в течение трех месяцев. Но когда брак не восстанавливается в отмеренный шариатом срок, то пара считается окончательно разведенной. Возобновление брака теперь возможно лишь после того, как женщина выйдет замуж за другого и снова будет разведена. Звучащее, как выстрел, жуткое «толак», отсутствие у женщин права быть инициатором развода держат их в постоянном страхе за свое будущее, вынуждают мириться с любыми условиями семейной жизни.

И еще немного об индонезийках. Они поразительно женственны. Добрый, легкий нрав, мягкая улыбка, излучающие тепло глаза, врожденная грация и изящество — все это я видел и в крестьянках, и в высокородных дамах. Воплощением женственности мне всегда представлялась походка индонезиек. Они не идут, а как бы плывут, скользят по земле. Такое впечатление складывается оттого, что они никогда не спешат, спину и голову держат прямо, переступают мелкими шажками, не размахивают руками.

Я знал жену одного американского дипломата, которая хотела научиться ходить так, как это делают индонезийские женщины. Она даже завязывала руки за спиной, стягивала бедра полотенцем, но затем бросила свои попытки, так ничего и не добившись. Такую походку вырабатывают с детства. Она результат принятого здесь обычая носить на голове сосуды с водой, корзины с различной поклажей. Отсюда неторопливость хода, стройность осанки. Мелкий шаг обусловил покрой женской юбки. Она длинная и узкая. В такой не разбежишься.

В зауживании юбок модницы в городах даже перегибают палку. На всякого рода официальных церемониях, как здесь принято, вручают призы, подают министрам ножницы для разрезания ленточек или ведут программу миловидные девушки в национальных костюмах. У некоторых из них юбки так узки, так откровенно подчеркивают формы, так затянуты, что они не могут подняться по ступенькам, поэтому на сцену или арену поднимаются бочком.

После свадьбы у индонезийца нет определяющих его жизненные циклы событий, в честь которых устраиваются большие сламетаны. Самый последний ему посвящают уже без него, сразу же после его похорон. С ними мне довелось ознакомиться в городке Чипанас, лежащем в горах на шоссе между Джакартой и Бандунгом и заселенном в основном сунданцами.

От яванцев их отличает более понятная, более открытая манера поведения. Среди них меньше застывшего этикета и напыщенного пафоса, больше непосредственного чувства и добродушного юмора. Это заметно даже по их подвижным лицам. Они играют чуть раскосыми, живыми глазами, бесхитростной, приглашающей улыбкой. Такой меня встретил парнишка, торговавший молодыми

кокосовыми орехами на обочине дороги при выезде из Чипанаса. Покупая плод, я обратил внимание на группу людей, преимущественно в белых одеяниях, в доме напротив. Они стояли и сидели группами по два-три человека, негромко, но оживленно что-то обсуждали.

Мальчуган пояснил, что вчера здесь после полудня умер старик и соседи собрались его похоронить, а после похорон принять участие в сламетане в честь усопшего. Ни на одном из лиц не было слез, горестного выражения. Все выглядели так, словно ничего особенного не произошло. С открытой улыбкой старший сын умершего поведал мне о случившемся и без малейшего колебания разрешил понаблюдать за погребением.

Соседи узнали о случившемся сразу же после кончины старика. Их оповестил внук покойного. Он же привел в дом священника. Тот, как требует обычай, подвязал ему нижнюю челюсть, чтобы закрыт был рот и в тело не проник злой дух, скрестил покойнику руки, правую поверх левой и так, чтобы пальцы касались плеч. Обмывали труп самые близкие, держа его на коленях. Это их святая обязанность, последняя дань уважения.

Потом тело завернули в белый муслин, перевязали в ногах, на талии и голове. Священник прочитал положенные пассажи из Корана. За этими хлопотами прошла вторая половина дня. Погребение назначили на следующее утро.

Покойника вынесли родственники на дощатых носилках. К ним присоединились мужчины с заступами. Небольшая процессия молча направилась к кладбищу, которое оказалось недалеко, во дворе старой, деревянной мечети. Там уже была вырыта неглубокая яма. Тело положили головой к Мекке. Священник трижды громко сказал в ухо покойному: «Нет бога, кроме аллаха, а Мухаммед—пророк его», — и могилу быстро забросали землей. На еле выступающей могильный холм поставили два одинаковых деревянных столбика: один — в изголовье, другой — в ногах. Потом они будут заменены каменным надгробием.

Индонезийцы хоронят как можно скорее после кончины. Считают, что дух умершего витает до погребения свободным и может принести беду. Ни слезы, ни рыдания на всех этапах похоронного обряда недопустимы. Рыдания — осуждаемое обществом проявление интимных чувств. Поддаться горю и слабости, обнажить печаль сердца — значит признать себя беспомощным и слабым. Кроме того, слезные стенания мешают духу умершего упокоиться в загробном мире. Наконец, смерть не воспринимается здесь трагедией. Как писал хорошо знакомый с восточной психологией Соммерсет Моэм, в этих краях у нее «другое обличье», и, если она приходит, ей идут навстречу».

Спокойно, по-деловому воспринимается кончина не только старых и больных, но и молодых и здоровых. Большую жизнь бог дает людям для того, чтобы у них было время осознать свои прегрешения, а если он прибирает к себе младенца, то награждает его за безгрешное существование. После скорых похорон в доме старика с помощью соседей был устроен небольшой сламетан. Поминки положено отмечать также на третий, седьмой, сороковой и сотый день после смерти, на первую и вторую годовщины и, наконец, на тысячный день после похорон. Последний символизирует тот рубеж, который окончательно отделяет полностью превратившегося в прах мертвого от живых. Но сейчас соблюдается, как правило, лишь традиция сорокового дня. Эти поминки посвящены умиротворению духа покойника. Поэтому готовят еды и больше, и вкуснее, чем обычно.

Как оказалось, хоронили не рядового человека, а человека, который слыл в Чипанасе дукуном, то есть обладателем магической способности управлять потусторонними силами. Старший сын все последние часы дежурил около него, чтобы не пропустить его последнего дыхания, вобрать в себя роковой выдох, а вместе с ним илму — науку черной магии, искусство с помощью заклинаний, амулетов, трав исцелять больных, определять время для свадьбы, поездки, любого другого важного события, ограждать дом от злых духов. Этому нельзя научиться. Талант колдуна дается природой. Его можно только развить, довести до совершенства аскетическим

подвижничеством: отшельничеством, медитацией, чтением Корана, длительными постами.

Трудно сказать, сразу ли унаследовал сын дар отца. Это станет известно позднее. Может статься, что он не обладает необходимой душевной прочностью и тогда заболеет, а может и вовсе помереть. Но не исключено, что скрытые в нем возможности расцветут, и тогда он станет человеком, которого все будут уважать и побаиваться.

Ведь если кто-то занедужит, он произнесет нужную мантру на непонятной смеси старосунданских и арабских слов, пошлет ее к охраняющему больного духу концентрированным импульсом душевных сил, потом дохнет или плюнет на снадобье из травок, вселит в него магическую силу, заговорит и даст больному. Тот выздоровеет, если верит в чудодейственность дукуна. Если болезнь не отпустит, значит, больной пришел к колдуну с сомнениями насчет его способностей.

Самое «действенное» средство готовили так: собирали влагу с ладоней новорожденного, его отвалившийся пупок, первое испражнение, остриженные на 35-й день после рождения волосы и все это смешивали. О физических «лечебных» свойствах такого зелья говорить, разумеется, глупо. Если оно и оказывает помощь, то исключительно как катализатор психотерапии.

Или вот еще одно, на этот раз приворотное снадобье. Девушке, страдающей от неразделенной любви, надо в четверг, в сумерки, помочиться на широкий лист травы келади под священным баньяном. После того как дукун прочитает над «зеркалом» заклинание, необходимо посмотреться в него, попытаться увидеть в нем лицо возлюбленного. Здесь, как и в первом случае, присутствуют естественные выделения человека. В них, верят индонезийцы, заключена особенная, таинственная, действенная сила. Эта вера— явный пережиток анимистических представлений.

Дукуны, как правило, мужчины. Необычайную способность они получают в дар от природы или наследуют и совершенствуют специальными духовными и физическими упражнениями. Но бывают и женщины-дукуны. Причем если первые — колдуны, так сказать, по откровению свыше, то вторые становятся колдуньями в результате «неожиданного озарения». Домохозяйка, ничем не выделяющаяся среди товарок по деревне, вдруг в одно утро объявляет, что во сне к ней спустился ангел и наградил ее даром исцеления. Молва о новоявленной ворожее мигом облетает округу, и вот уже к ее дому в надежде на выздоровление стекаются больные и увечные.

Особыми талантами в управлении «потусторонними силами», по убеждению индонезийцев, обладают бадуи. Они потомки подвергшихся некоторому влиянию индуизма анимистов из сунданского княжества Паджаджаран, которые, не желая покориться исламу, ушли в конце XVI столетия в горы Кенденг на северо-западе Явы и зажили там замкнутой, оторванной от мира общиной. Ныне их около полутора тысяч. В силу самоизоляции они сохранили в гораздо большей степени, чем другие этносы острова, архаичные верования. Бадуи поклоняются духам предков, важнейшим из которых почитают своего прародителя Батар Тунггала, вместилищем душ умерших считают каменистые террасы в верховьях реки Чиундунг. Подчиняются целому ряду табу. Им запрещено входить в контакт с иноверцами, читать и писать, пользоваться транспортом, носить одежду любого цвета, кроме черного и белого. В их жилищах нет мебели, во дворах—домашних животных. Они не пользуются железным плугом, едят только рис, рыбу, овощи, фрукты и дикий мед.

В трех из 35 поселений бадуев проживают потомки основателя племени. Туда полностью закрыт доступ для посторонних. Его зорко охраняют отряды, вооруженные отравленными кинжалами. Большая часть поселений бадуев размещена в так называемой «промежуточной зоне». Туда тоже не допускаются люди иной веры. Но проникнуть все-таки можно. Правда, для этого необходимо получить специальное разрешение центральных властей и местной племенной верхушки. В остальных поселках живут бадуи, мало придерживающиеся законов предков. Границы между тремя зонами строго соблюдаются. Для сношения с внешним миром племя имеет специальных посредников в третьей зоне.

Аскетизм, строгий регламент жизни, яростное сопротивление любым покушениям на неприкосновенность «священной земли», таинственность бадуев дали народной фантазии предостаточно пищи для сочинения о них невероятных историй. Так, якобы в колониальные времена один голландский этнограф вопреки предупреждениям прожил среди бадуев в «промежуточной зоне» две недели, сделал массу записей, но когда вернулся в Батавию, то скоропостижно скончался, а записи его бесследно исчезли. Это одна история.

А вот другая. Проживающая в Джакарте дочь бадую, предки которого еще в XVII веке порвали с племенем, однажды ночью услышала стук в дверь. На пороге стояли три человека в черном одеянии. Не успела она и рта раскрыть, как один из них спросил: «Мы не опоздали?» Ее отец умирал той ночью от тяжелой, продолжительной болезни. Ночные пришельцы провели с ним ночь, а утром ушли, не сказав ни слова. После их ухода старик скончался. Как бадуй могли узнать о приближении его смерти? В глухих горах, за 250 миль от столицы, не признавая ни телефона, ни телеграфа?

К этой истории я могу добавить и ту, что приключилась со мной. Я тоже собрался хотя бы приблизиться к таинственному краю, доехать хотя бы до «внешней зоны». Выезжая со двора, я довольно сильно ударил бампером машины о неожиданно закрывшуюся под напором ветра створку железных ворот. При выезде из города спустило колесо—первый раз за целый год пребывания в Индонезии. До городка Рангкасбитунг добрался без приключений, побродил по базару, позавтракал в китайском ресторанчике «Рамаяна». Но после Рангкасбитунга дорога оказалась такой узкой и разбитой, что ехать пришлось почти все время на второй скорости. А через час мытарств уперся в яму, образовавшуюся на дороге, видимо, после мощного ночного ливня. О продолжении путешествия не могло быть и речи. Пришлось повернуть назад.

На обратном пути вдруг вижу: идет старик, босой, с длинным посохом, в длинной черной рубаше и белом тюрбане. Возликовал, что все же не зря встал ни свет ни заря. Поспешно сделал несколько кадров. Бадуй прошел мимо и глазом не повел. Как будто меня и не было. Когда я приехал домой и занялся фотопленкой, то оказалось, что в спешке я сорвал перфорацию пленки и напрасно суетился на дороге. Старика не было ни на одном кадре. Ну не наваждение ли?

В таких глубинных районах, как территория бадуев, индонезиец считает себя не хозяином материального мира, а лишь его частью. Поэтому он преисполнен уважения к «сверхъестественным силам», боится совершить что-либо вступающее в конфликт с ними. С этой верой, уходящей корнями в анимистическое прошлое и в деревнях получившей наиболее полное воплощение в культе дукунов, сталкиваешься на каждом шагу. Яванец никогда не отправится в путь без предварительного определения наиболее благоприятного времени для путешествия. Отец-сунданец будет ночами медитировать, чтобы выбрать ребенку имя, которое бы послужило ему надежным щитом от всяческих невзгод.

В Джакарте у кинотеатра «Мулиа Агунг» 64-летний Правиро вот уже много лет продает берегущие от дурного глаза амулеты, ограждающие от болезней священные камешки. Он может и погадать, предсказать будущее, угадать прошлое и настоящее. На Западной Яве в городах Сумеданг, Субанг, Сукабуми за 200 рупий я покупал «билеты в рай» — квадратики серой дешевой бумаги с напечатанными кружком арабской вязи предсказаниями. Индонезийские китайцы платят большие деньги за рыбу, название которой созвучно с китайским словом «здоровье», готовы отвалить солидную сумму за автомобильный номерной знак с цифрами 1, 3 или 8, поскольку их звуковое сочетание обещает «процветание».

По официальным данным, только на Яве существует более 200 проповедующих черную магию сект. Они объединяют около 220 тысяч человек. Джакартская «Кекелуаргаан», джокьякартская «Пангесту» имеют последователей по всему острову. Один из членов последней, Хартоно, в беседе со мной утверждал:

— Нельзя описать слепому от рождения цвет, нельзя познать неподвластное человеку. Надо просто верить, что такое существует, этого можно добиться только абсолютной, слепой верой.

Власти отдают себе отчет в том, что деятельность сектантов подрывает исламский фундамент государственности. С сектами ведут борьбу. В июне 1981 года 117 «противоречащих мусульманскому учению» религиозных группировок были запрещены специальным правительственным декретом. Но многие из них продолжают существовать в подполье. Одна из причин живучести сект заключается в том, что люди, убеждаясь в неспособности официальной идеологии и религии оградить их от тягот бренной жизни, обращаются за помощью к завещанной предками магии.

16

НА ЭКРАНЕ—ТЕНИ ПРЕДКОВ

«Все мы, и простолюдины, и благородные, — участники великой драмы жизни, и всеми нами, всем миром живых повелевают тени — духи предков». Этими словами песни, такой же древней, как и буддийский монастырь Боробудур, даланг — кукловод — Кондо Мурдиат открыл очередной рассказ о героях вайянг-кулита — театра теней.

Как только начало смеркаться, к обращенному в сторону лужайки белому экрану, растянутому на бамбуковой раме, стали собираться зрители. Подходили и рассаживались не только жители улицы, на которую даланг со своей труппой был приглашен по случаю свадьбы. В «зал» допускался каждый, кто хотел вновь испытать с детства знакомый трепет от соприкосновения с волшебным миром театра. Основательно устраивались на прихваченных из дома циновках или прямо на траве целыми семьями. Дети постарше через минуту-другую тихими стайками убегали за экран поглазеть, как готовятся артисты к предстоящему священнодействию, младшенькие цепко держались за подола материнских юбок, таращили глазенки на полотно в терпеливом ожидании сказки, грудные, еще равнодушные ко всему, кроме материнского молока, мирно спали в тепле ласковых рук.

Кондо Мурдиат, невысокий, пластичный, с мягким голосом яванец, появился среди артистов минут за десять до начала представления. Был уже при полном параде. Саронг из лучшего джокьякартского батика с кремово-коричневым мелким рисунком, серый двубортный френч с глухим стоячим воротником, на голове по-особому свернутый убор тоже из куска батика, за спиной, за поясом, крис. Далангу за пятьдесят. Более тридцати лет руководит труппой. Ему достаточно беглого взгляда, чтобы определить, готовы ли все к представлению.

Музыканты гамелана — оркестра из струнного ребаба, флейты, разнокалиберных барабанов, гонгов и ксилофонов — на местах. В свежесрубленный ствол банана под экраном воткнуты около ста плоских кожаных кукол. Они не примут участия в представлении и служат лишь украшением, показателем неизмеримости сил Добра и Зла, которым предстоит сразиться на экране.

В центре ствола торчит гунунган. Это гора, и обиталище богов, и охраняемый чудовищами вход в храм, и древо жизни. Вырезанный в форме цветка из полуметрового куска буйволиной кожи, он разделен вертикальной чертой пополам: на сторону добрых и сторону злых сил. В покрывающих его переплетениях линий, смешении золотой, черной, красной красок можно угадать гигантских змеев, тигров, фантастических птиц. Гунунган служит занавесом в перерывах между актами, а в ходе представления изображает океан, лес, долины, горы, огонь, святилище...

Ярко горит масляная лампа бленчонг — глиняный горшок в форме мифической Гаруды, в клюв которой вставлен трепещущий желтоватым пламенем фитиль. Открыта крышка большого сундука. На дне его лежат только те куклы, которым предстоит разыграть извечную, как жизнь, борьбу между светом и тьмой. Приготовился и сидящий полумесяцем в центре оркестра хор из десяти певцов в традиционных блузках кебайя, сквозь которые просматриваются черные корсеты.

Яванец со всеми приветливо поздоровался, на минуту остановился около ведущей, почтенного возраста певицы, дал, видимо, последние наставления, устроился в позе лотоса между лампой и экраном. Усаживался долго, тщательно. Все должно быть под рукой: куклы, микрофон, сигареты, чай. Сидеть, не вставая, придется до рассвета.

Вот он дал знак рукой, и певицы одна за другой стали пробовать голоса. По очереди к ним начали присоединяться инструменты. Вскоре звучал уже весь хор, весь гамелан. От проб они почти незаметно перешли к исполнению увертюры. Каждому персонажу в ней была посвящена отдельная мелодия, особый мотив. Музыкальное вступление ввело зрителей в круг жизни героев предстоящего представления, дало ему время внутренне собраться, настроиться на волнующую встречу с чудом.

Кондо Мурдит остановил прелюдию, взглянул на ясные звезды, прошептал в ладони молитву. Во внезапно наступившей тишине люди затаили дыхание, оцепенели. Последняя минута была так остра, так напряженна, что, казалось, замер даже всеобщий звон неугомонных цикад, утих ветер, игравший в кронах пальм. В застывшем мгновении вечности, под непостижимым звездным пологом раздались простые и в то же время полные таинственной значимости древние слова:

— Все мы, и простолюдины, и благородные...

Полилась история об одном из бесчисленных приключений благородного принца Арджуны и его четырех братьев, восставших против сотни нечестивых узурпаторов Коравов. Начался пересказ одного из эпизодов неиссякаемой «Махабхараты».

Индонезийское сценическое искусство сильно своей приверженностью к античным формам, неприятием новаторства ради новаторства. Некоторые наблюдатели склонны видеть в этом ограниченность, анахронизм художественного творчества индонезийцев. Разве можно, говорят они, передать, скажем, всю многогранность и сложность жизни современного парижанина сценами средневекового французского театра-фарса?

Сравнение представляется неубедительным. Обличающие чаще всего такие заземленные пороки, как жадность, глупость, супружескую неверность, ханжество, фарсы — произведения другого порядка, нежели служащие индонезийскому творческому гению источником вдохновения эпические «Махабхарата» или «Рамаяна». Если уж проводить параллели, то по богатству, насыщенности образами, глубине философского осмысления и обобщения, силе воздействия замешанной на мистике символики, по влиянию на культурную жизнь, мировоззрение человека эти два эпоса можно поставить в один ряд с Библией.

Переведенные с санскрита на яванский язык в IX— XI веках и творчески переработанные великие саги Индии в понятных простолюдину образах передают всю глубину и философскую насыщенность восприятия жизни, сложившегося под влиянием индийских религиозных систем.

В отличие от выросшей из библейских сказаний европейской средневековой литературы, проповедовавшей свойственную монотеизму слепую веру во всемогущество бога, переделанные на индонезийский лад «Махабхарата» и «Рамаяна» пели гимн хоть и опутанному мистикой и таинствами, но человеческому разуму. Художественными приемами они восхваляли индивидуальный поиск Абсолютной Истины, вселяли уверенность в способность каждого найти собственный путь к освобождению от тягот бременной жизни.

Богатые элементами обобщения, утонченностью абстрактной мысли, делающие акцент на магии, символике жеста и слова, подталкивающие человека к самоанализу, философскому осмыслению окружающего мира, эпосы оказали и продолжают оказывать огромное влияние на психологию, социальное поведение индонезийцев. Если для сегодняшнего европейца библейский силач Самсон и его подвиги, отрок Давид, разящий камнем из пращи великана Голиафа, вершащий правосудие мудрец Соломон — некогда слышанные в детстве басни, то герои индийских сказаний трехтысячелетней давности и по сей день формируют мировоззрение и нравственный облик рядового индонезийца.

Популярность Сукарно среди широких масс как лидера не в последнюю очередь была обусловлена его умением найти аналог самому сложному политическому узлу современности в знакомых с пеленок каждому индонезийцу бессмертных сказаниях. Его любимым героем был, кстати, персонаж из «Махабхараты» Гатоткача — сын одного из пяти братьев Пандавов. Сукарно часто обращался к его образу на многотысячных

митингах. В народе лидера национально-освободительного движения Гатоткача отождествляли с этим бесстрашным и мужественным борцом за справедливость.

В искусстве традиция, особенно обусловленная религиозными канонами или социальными устоями, противится выходящей за ее рамки оригинальности. Художник в Индонезии чаще стремится к совершенству в заданных пределах, не пытается ниспровергнуть издревле господствующие нормы. Но следование правилам, подражание учителям не мертвят творческого процесса, не подавляют вдохновения. Потому что зрелищная культура индонезийцев безмерна в своем универсализме и народности. Анонимность и непрофессионализм исполнителей, господство импровизационного начала, тесный контакт «сцены» со зрительным «залом», отношение зрителей к представлению как к некоему священному ритуалу позволяют говорить о традиционном индонезийском театре как поистине народном.

На Западе общепринято: искусство—удел избранных, людей особого склада. При знакомстве с культурной жизнью Индонезии неизбежно начинаешь сомневаться в справедливости такого ограничения. На зрелищных мероприятиях здесь тебя не покидает ощущение, что каждый индонезиец считает себя равноправным участником представления. Любой и каждый из них в меру своих способностей творчески отдается происходящему на «сцене». Для него это не просмотр спектакля, устроенного чужими, незнакомыми людьми, а неотъемлемая часть его собственного образа жизни. Свидетельством того, что традиционный театр продолжает удовлетворять духовные запросы людей сегодняшнего дня, является сам факт его поразительной живучести.

Наиболее ярко драматическое дарование индонезийцев проявляется в театре вайянг. Это слово переводится как «тень», «призрак». Поскольку театрализованное представление в Индонезии не развлечение в западном понимании, а устраиваемое по особому случаю полумистическое, полуритуальное событие, истоки которого лежат в обряде общения со сверхъестественными силами, то этим словом здесь называют любое сценическое действие.

Для спецификации жанра добавляют определяющее слово. Вайянг кулит — театр теней, вайянг голек — театр объемных деревянных кукол, вайянг топенг — театр людей-актеров в масках, вайянг оранг—театр людей-актеров без масок... Всего десять видов. В вайянге гармонично сочетаются вдохновение актера и музыканта, волшебство драмы и танца, мастерство резчиков по дереву и коже. Он содержит элементы религиозной обрядности и эстетического воспитания, пропагандирует философские концепции и этические нормы, формирует психологический стереотип и нравственные устои. Вайянг — поистине ключ к познанию индонезийской души.

Специалисты полагают, что самые древние формы— вайянг кулит и вайянг голек, в которых действие разыгрывают управляемые далангом куклы. Считают, что первый пришел в Индонезию из Индии около тысячи лет назад. Главный аргумент сторонников такой точки зрения заключается в указании на бесспорно индийское происхождение репертуара. Тот факт, что в него включены также сюжеты из яванской мифологии, из цикла преданий о яванском принце Панджи, что герои индийских эпосов на индонезийской сцене поступают как яванцы, сторонники индийской версии объясняют как последующие наслоения.

Но есть и другое мнение. Некоторые искусствоведы считают, что теневое представление — самобытное. Что своими корнями оно уходит в анимистический обряд инициации мальчиков. Первоначально сама кукла, а не ее тень была собственно действующим лицом. Но смотреть на нее разрешалось только мужчинам, непосредственным участникам церемонии. Женщины и дети довольствовались наблюдением за мятущимися тенями на занавеси, скрывающей священнодействие от не допустимых обычаем взоров.

Куклу в те далекие времена держал в руках дукун. Он «оживлял» ее, вступал с ее помощью в «контакт с духами» и добивался от них благословения на обрезание. Для яванца и поныне свет от бленчонга — символ вечности жизни, тени кукол — призраки душ предков, а даланг—уважаемая личность, способная общаться со сверхъестественными силами. И по сей день труппу вайянга приглашают, когда хотят,

например, заручиться «помощью духов» для предотвращения стихийного бедствия, избавления от болезни.

В пользу индонезийского происхождения театра кукол говорят также имена и место в представлении слуг в доме Пандавов. Они носят чисто индонезийские имена: Семар, Петрук, Гаренг и Батонг. Они — клоуны, которые обычно заполняют паузы между актами. Слуги неуклюжи, смешны. Фигуры их гротескны, говорят они грубо, как простолюдины, вечно попадают впросак. «Коротконогие, толстые, с огромными задами, гермафродитного типа, с гипертрофированными лицами, округлыми глазами». Так описаны эти персонажи в одном из западных исследований индонезийского традиционного театра.

В сравнении с изящными силуэтами хозяев, их изысканными манерами, утонченным языком они выглядят круглыми дураками. Но индонезийцы любят их больше, чем кого-либо другого, ждут, когда те, дурачась и ёрничая, начнут переводить высокие идеи и поэтический слог представления на бытовые явления и язык простого люда. Они видят в них своих, только прикидывающихся простачками, но глубинно мудрых, всегда в конце концов оказывающихся правыми героев.

Согласно преданию, шуты сами когда-то были богами. Но прогневали однажды всевышнего и были изгнаны с божественных высот и обречены на жизнь среди смертных. В одной из сцен вайянга великий Брахма посещает дворец Пандавов. Все выражают ему должное почтение учтивыми наклонами головы, соответствующим стилем речи. Только Семар обращается к богу на разговорном языке, противоречит, возражает ему. В одном из эпизодов он даже сбрасывает великого Брахму в колодец.

Все это, считают сторонники индонезийской версии, позволяет рассматривать вайянг купит как самобытную форму духовной жизни, которой вторжение индийских религиозно-культурных доктрин дало мощный импульс к превращению в театрализованный обряд с неисчерпаемым репертуаром.

Из бесчисленных историй «Махабхараты» наибольшую популярность в Индонезии приобрели 12 эпизодов «Бхарата-юдхи» — повествования об окончательной гибели богов и героев. В 1957 году в Джокьякарте этот апофеоз борьбы двух полярных начал показывали в течение 12 ночей. Вел представление кумир публики Кадженг Рийя Мадакусума. И вдруг, в кульминационном пункте действия, в тот самый момент, когда на экране умирал один из благородных принцев, Яву неожиданно потряс мощный подземный толчок. Индонезийцы увидели в этом факте доказательство участия в представлении богов.

В наши дни сеанс вайянг кулита занимает одну ночь. В Джакарте, в Национальном музее, главным образом для привлечения иностранных туристов, театр теней выступает каждую последнюю субботу месяца. Ведущие кукловоды страны также демонстрируют свое искусство в концертных залах столицы. На таких представлениях зрителям позволительно сидеть по обе стороны экрана. И вот во время одного из таких представлений, как только актер Кондо Мурдиат произнес первую фразу, убрал гунунган и приблизил куклу к экрану, аудитория сразу же — это было видно по лицам — узнала взятый для этой ночи сюжет. Индонезийцы знали его, как и все остальные, почти наизусть с детской поры и тем не менее напряженно следили за развитием всех хитросплетений.

Из намеков даланга в воображении зрителей возникали картины гор и дворцов, джунглей и деревень, в музыкальных паузах угадывалось настроение действующих лиц, люди чувствовали себя своими среди кукольных персонажей. Отсутствие кулис и оркестровой ямы, доступность наблюдения за действиями даланга и игрой гамелана стирали грань между «сценой» и «залом». Некоторые из зрителей вполголоса подпевали кукловоду.

Сидевшая рядом со мной корреспондентка какого-то культурного вестника в перерыве между актами, указав на утыканные куклами концы бананового ствола, заметила:

— Это деление на две половины индонезийская молодежь сейчас нередко воспринимает как противостояние развивающихся стран и бывших колониальных метрополий, как борьбу Юга и Севера, цветных и белых.

Вот, оказывается, как в современном контексте можно увидеть древний театр.

Представление было обращено к зрителям всех возрастов. Ближайшие к полотнищу три-четыре ряда были плотно забиты детьми, середину «зала» занимали взрослые— дымящие пахнущими гвоздикой сигаретами мужчины и прижимающие к себе грудных ребятишек женщины. «Галерку», как и повсюду в мире, оккупировала молодежь. Для них выступление вайянга—время ищущих взглядов, необговоренных свиданий, первых несмелых прикосновений, тихих нежных разговоров.

Лужайку, где шло представление, окружили уличные торговцы жареными орешками, прохладительными напитками, мороженым и прочей дешевой снедью.

После окончания спектакля, уже на рассвете, я подошел к Кондо Мурдиату поблагодарить его за предоставленное удовольствие и был весьма поражен его бодрым видом. Как будто и не было театрального марафона ночь напролет. Спросил:

— Пак, неужели вы не устали?

— Немного,— последовал ответ.—Но силы еще, слава аллаху, есть.

В своих балладах яванский поэт Ноно Сурото бога называет всевышним далангом. Как господь вселяет жизнь в человека, пишет он, так и кукловод оживляет марионеток. И это требует не только многостороннего таланта, но и физической выносливости. Даланг должен быть интерпретатором традиционных сказаний, дирижером хора и оркестра, исполнителем до 60 ролей, осветителем, создателем шумовых эффектов. У него в постоянной работе все: мозг, руки, ноги, глаза, язык. Он творит каждую секунду. Сочиняет текст, разными голосами произносит монологи и диалоги, поет песни, двигает кукол, руководит труппой, слушает реакцию публики. Веселит ее, если она утомляется, говорит с ней о серьезном, когда она готова к восприятию вековой мудрости. Выдержать такое напряжение могут далеко не многие.

Когда-то куклы выделывались из листьев одного из видов пальм. С XVIII века материалом для их изготовления стала служить по-особому обработанная буйволиная кожи. Фигуры изображают героев в профиль. Форма носа, рта, усов, наклон головы, цвет глаз, прическа, головной убор, одежда, украшения—всякая деталь определяет характер персонажа. У отважного воина в состоянии боевого нетерпения черное лицо, у трусливого—зеленое. У благородного принца миндалевидные, раскосые глаза, длинный, узкий нос, скромно наклоненная вперед голова. Таким представляется, например, Арджуна. У злого гения, скажем Бурисравы, глаза округлы, нос картошкой, тело покрыто волосами. В облике каждого действующего лица содержится полная информация о его нраве, манерах, социальном и семейном статусе.

Среди сунданцев на Западной Яве примерно в то же время, что и вайянг купит, и из того же культового источника возник театр объемных деревянных кукол—вайянг голек. В нем нет экрана, действие даланг разыгрывает над стволом пальмы. Здесь тоже нет фиксированного текста. Кукловод лишь придерживается композиционной канвы сюжета, импровизируя в зависимости от послужившего поводом для представления события. Часто даланг использует сюжеты из яванской мифологии, местные предания и легенды. В отличие от театра теней здесь популярны также рассказы о проникновении на Яву ислама, приключениях одного из первых проповедников мусульманской веры, Амира Хамзаха. Повествования о его боевых подвигах и любовных приключениях—красочная интерпретация арабских сказок времен легендарного Харун аль-Рашида.

Вайянг голек проще, приземленнее. В нем нет изысканности текста, утонченности музыки, возвышенности страстей теневого представления. Сопровождающие его хор и гамелан в два раза меньше, чем в вайянг кулите.

Основные районы распространения театра деревянных кукол—Бандунг, Краванг и Богор. В Богорском ботаническом саду парни втридорога навязывают иностранным туристам в качестве сувениров фигурки белолицей Ситы, блистательного Рамы, устрашающего Раваны—героев «Рамаяны». Назвавший себя Гарри Сетиаваном юноша после безуспешных попыток всучить мне пару грубо сработанных деревяшек предложил подняться в горы, в его родную деревню Сука-мантри, и там «по разумной цене» приобрести кукол прямо у изготавливающих их мастеров. Предложение было заманчивым и поэтому принято.

От Богора мы сразу взяли круто вверх по выложенной камнем узкой дороге-серпантину. Ехать было недалеко, всего 10 километров. В деревне Гарри первым делом провел меня по домам всех своих многочисленных родственников, заставил везде посидеть по 10—15 минут, пообмениваться дежурными любезностями и вопросами. Только после этого отвел к дому Энтанга. Миловидная жена мастера, мать шестерых детей, через пять минут после знакомства поставила на низкий столик кофе, домашнее печенье куэ-куэ, выложила гроздь только что срезанных бананов.

После получасового общего разговора Энтанг показал свою мастерскую, заставленную готовыми изделиями, некрашеными заготовками, банками с краской. Из его запасов я выбрал трех кукол.

В обсуждении цены приняла участие вся семья. Но последнее слово сказала появившаяся вдруг самая старшая в доме, тетка Энтанга. Она же приняла и деньги. Одежду для трех кукол сели тут же шить и мужчины, и женщины. Помочь пришли со своими ножницами и иглами две соседки.

Пока споро готовились наряды для кукол, мастер рассказал, что ремесло перенял у отца. К работе приступает по вдохновению, которым награждает его всевышний во время чаще всего сна. Но сигналом к творчеству может послужить и внезапно распутившийся цветок в саду или случайно увиденная красивая птица. Энтанг убежден в существовании «души» у каждой выходящей из-под его резца куклы.

Чтобы не обидеть ее, он берет инструмент в руки лишь после краткой молитвы, внимательно следит за тем, чтобы ненароком не переступить через деревянную фигурку, не забывает поддержать ее в дыму благовоний после завершения над ней работы. Хранителем своего ремесла считает бесстрашного Гатоткачу. Унаследованная от отца кукла этого героя бережно хранится в доме, в укромном месте. Для всеобщего обозрения выставляется только при особо значительных представлениях.

Когда я покидал Энтанга, видел, как во дворе его мальчишки играли в «войну». В отличие от наших сорванцов, вооруженных пистолетами и автоматами, эти держали в руках луки со стрелами и копья. Друг друга называли древними сказочными именами—Лаксмана, Бима, Сугрива. И в играх они продолжали жить неумирающей славой деяний героев далекой истории, которая им всегда будет близкой.

Как и кукольные представления—попытки древних жителей индонезийских островов навести мосты к сверхъестественным силам,—такую же цель в далеком прошлом преследовали и запуски воздушных змеев. Легенды об их происхождении выдают эту прямую связь. В одной из сказок говорится о приключениях принца Дева Муда, который отправился на поиски похищенной великаном принцессы-невесты. Над раксасой он смог одержать победу только после того, как с помощью воздушного змея побывал в гостях у правителя Заоблачной страны и заручился его могущественной поддержкой. И в наши дни индонезийцы, перед тем как запустить воздушного змея, иногда шепчут мантры, а иногда даже и жгут благовония.

Лучшее время для запусков—сентябрь. Накатывающийся с моря бриз быстро уносит змеев ввысь. Сейчас распространены два вида змеев, которые здесь называют лайянгами. Первый—бебеан, а второй—джангган. Бебеан обычно делается в форме рыбы и снабжается свирелью, издающей звуки такие же печальные, каким был, наверное, плач украденной великаном невесты Дева Муда. Джангган имеет форму птицы. Его главная деталь—ярко раскрашенная полуптичья, полужверина голова. Популярны змеи, напоминающие своими контурами известных героев вайянг кулита. Некоторые мастера хотят идти в ногу со временем. Их змеи—это ракеты, супермены, портреты политических деятелей.

Запуск достигающих трехметровой высоты сложных и хрупких конструкций из бамбуковых планок, бумаги, лент и мочала не детская забава. Она под силу взрослым мужчинам, знающим, как использовать воздушные потоки, мгновенно подстраиваться под перемену ветра. Цель—заслать лайянг как можно выше, но в пределах видимости. Отсюда вытекает желание сделать его как можно большим, но в то же время и легким, подъемным.

Сверхъестественными качествами индонезийцы наделяют еще и традиционный кинжал — крис. Клинок, вытасенный из ножен, верят они, отказывается прятаться в их

узкую щель, не напившись крови. Он может по ночам без ведома хозяина рыскать в поисках жертвы, способен поразить человека только прикосновением к его следу, отравить родник... Он, говорят в Индонезии, «ворчит, когда в ножнах, и счастлив, когда обнажен».

Крис, согласно поверью, кровожаден в отношении врагов его владельца. Для хозяина же и его дома он верный страж и надежный покровитель. Размешанный им напиток приобретает лечебные свойства, прикосновением к телу больного он изгоняет хворь. Кроме того, кинжал—символ социального статуса, власти и авторитета. Передается в семье из поколения в поколение. С годами могут поменяться ножны, рукоятка, но старое, завещанное прадедами лезвие бережется как первейшая фамильная драгоценность.

Крисы с длинной биографией называются «пусака». Считается, что в них сидит дух первого хозяина. Перед таким заслуженным оружием регулярно жгут благовония, рассыпают цветы. В султанских кратах раз в год устраивают специальную, сопровождаемую чтением мантр и молитв, музыкой гамелана церемонию чистки лезвий. Со времен Маджапахита среди яванцев ходит поговорка: ухаживать за крисом следует лучше, чем за женой.

В Юго-Восточной Азии специалисты насчитывают около ста типов крисов. Круто расширяющееся у рукоятки обоюдоострое лезвие длиной от тридцати до пятидесяти сантиметров может быть прямым или волнистым. Чем больше изгибов, тем смертельнее клинок. Пламевидный крис оставляет глубокую рваную рану. Рукоять и ножны вырезают из ценного дерева, слоновой кости или отливают из благородных металлов, украшают драгоценными камнями.

Лезвие—главный элемент криса—изготавливают холодной ковкой владеющие магическими способностями мастера—мпу. Известнейший на Яве оружейник из Суракарты семидесятилетний Ки Супарман говорил мне, что каждый сделанный им клинок имеет «характер». Важнейшим условием успешного создания криса, по его словам, являются выбор подходящего для этого времени и знание особых заклинаний. Ки Супарман опускал готовое лезвие в желтоватый раствор с резким запахом и показывал на покрывавшие его воздушные пузырьки. Это, подчеркивал он, признак того, что крис удался, получился «чистым». Если бы сталь почернела, то кинжал годился бы только на продажу в дешевую лавочку.

Крис, как традиционная форма холодного оружия, утвердился на Яве в XIII столетии, в период расцвета Маджапахита. Как гласит легенда, еще до прихода ислама на Яве одно время царствовал воинственный принц Джамоджойо. Во всех схватках он оставался невредимым благодаря волшебному клинку, с которым не расставался ни днем ни ночью. Но однажды напали на него великаны и отобрали оружие. Принц не мог ни спать ни есть, так тяжело переживал разлуку. Духом он воспрянул лишь после того, как явился к нему ангел и пообещал «новое, более могущественное оружие». Вскоре у Джамоджойо родился сын, к поясу которого был привязан золотым шнурком крис. Представший вдруг перед правителем отшельник Пасопати сказал:

— О, мой господин! Ты и твой народ наделаете много кинжалов, подобных этому, и всегда будете их носить за поясом как знак признания воли аллаха. Это оружие сделает вас непобедимыми.

Так с благословения ислама, которое наверняка было придумано позднее, яванцы вооружились крисами. Отважные воины Гаджа Мады в многочисленных завоевательных походах верили, что победы они одерживают не в последнюю очередь благодаря чудо-оружию. Один из европейцев, посетивший Яву в 1580 году, записал в дневнике: «Яванцы хорошо вооружены мечами, щитами и волнистыми кинжалами, которые они делают сами и изысканно украшают». Тогда рукояти делали в форме демонов, мифических животных. Но с приходом ислама, не терпящего изображений людей или животных, рукояти становились все более стилизованными. Тем не менее и в очертаниях поздних рукояток можно угадать фигуру великана или Гаруды.

Прежде каждый уважающий себя мужчина ни на минуту не расставался с крисом. Днем носил его заткнутым за пояс, ночью укладывал себе под подушку. Сейчас он по-прежнему считается священным, но носят его только по особым случаям, и служит он

теперь чаще всего только как показатель высокого социального положения. На время торжественных церемоний, социальных мероприятий привилегированные индонезийцы достают бережно хранимый старинный, богатый крис и делают его главнейшей деталью праздничного наряда. Обязателен крис и как элемент убранства жениха. В день свадьбы он не может принимать поздравления без этого символа «царской власти».

Во время моего пребывания в Индонезии по Яве прокатилась молва о том, что в округе деревни Тровулан можно найти в земле старинный и поэтому наделенный удивительной силой крис. Разумеется, волшебная сталь не давалась в руки людям просто так. Надо было ночь за ночью дежурить, следить за небом и ждать падения звезды. Там, где упала звезда, и следовало искать магический клинок, поскольку туда якобы спустился на землю дух прежнего его владельца. В обмен на некоторую сумму денег он мог уступить свой драгоценный крис.

Желающих обзавестись таким образом надежным гарантом благополучия оказалось довольно много. Поток паломников в Тровулан прекратился только после того, как полиция на месте задержала группу ловких парней с мешком камней, покрытых светящейся в темноте краской и имитировавших «звезды», и связкой ржавых, самых дешевых крисов.

17

КОГДА ТАНЕЦ—ФОРМА БЫТИЯ

Моложе кукольных представлений зрелища, в которых роль марионеток выполняют люди. Это вайянг топенг—театр масок. Как жанр он пышно расцвел на востоке Явы в XVII—XVIII веках. Представление устраивается чаще всего под открытым небом, но до наступления темноты. Спектакль ведет все тот же самый даланг. Зрители вольны устраиваться, где вздумается. После обязательной увертюры появляются актеры в масках. Под речитатив или пение ведущего они танцем передают содержание яванских мифологических сказаний, индийских эпосов или преданий о походе принцев Панджи или Дамар Вулана.

По случаю рождения ребенка даланг, как бы предвосхищая счастливую судьбу новорожденного, берет сюжет «Рождение Гатоткачи», для свадьбы у него приготовлены полные своеобразного юмора сцены о любовных похождениях Арджу-ны, к обряду инициации он запасается повествованием о борьбе наделенного способностями делаться невидимым и воскрешать мертвых Панджи с великаном Клоно. Здесь царит та же атмосфера единения сцены со зрительным залом. Танцующие демоны могут выйти из условного круга и ворваться в ряды сидящей на траве детворы, каждого танцора аудитория хорошо знает как такого же простого человека, как и все присутствующие.

В первоначальный период канонический вайянг топенг включал три танца: танец мудрого правителя, отважного принца и коварного раксасы. Маски тогда изображали только характер. Но по мере обогащения репертуара театра, увеличения числа персонажей, усложнения драматического действия маски совершенствовались, разнообразились. В XVIII столетии в коллекции кратона в Суракарте их было уже около четырехсот.

Актер, исполняющий, скажем, роль отважного воина, теперь по ходу предложенного представления менял свой лик в зависимости от характера действия. Одну маску он надевал, чтобы передать тоску, вызванную разлукой с любимой, другую — чтобы изобразить решительность и отвагу в битве с великаном, третью—чтобы выразить радость по поводу счастливого завершения приключений.

В вайянг топенге даланг, хоть и остается центральной фигурой, уже не играет свойственной ему в кукольном театре доминирующей роли. Здесь он делится славой с танцорами, оживляющими маски. По словам известного индонезийского искусствоведа Сурьябраты, танец-драма — это «не просто танец с маской на лице, а действие, в результате которого актер делает маску живым образом».

Маски танцоры или держат зубами за прикрепленную изнутри петельку, или завязывают, пряча шнуры под прическу. Как и в театре кукол, здесь та же символика. Белое лицо может принадлежать только благородному герою, черное — воину-храбрецу. Зеленый цвет — цвет трусости и зависти, желтый — хвастовства и болтливости, красный — властолюбия, вероломства, жестокости. Плотные сжатые губы, тонкая улыбка свидетельствуют о рассудительности, остром уме, раскрытый в оскале или смехе рот — признак грубости, глупости.

Резчики масок, подобно изготовителям кукол, как правило, остаются анонимными. И все же талант выдающихся мастеров порой ломает эту традицию. В деревне Крантил недалеко от Джокьякарты вот уже более полувека вырезает кукол из кожи и дерева, делает маски Варноваскито. Соседи любовно называют его дядюшка Варно-топенг — уж очень выразительны, красочны и живы выходящие из-под его рук маски.

— Пак, — спрашиваю я его, — говорят, что даже такой знаток и ценитель традиционной культуры, как Шри Султан Хаменгку Бувону, звал вас экспертом к себе в кратон. Это верно?

— Да, это так. Но я предпочел остаться в деревне простым крестьянином.

— А почему пак отклонил приглашение стать специалистом в Национальном музее?

— Пойти туда — значит поступить на службу. Варноваскито (он говорит о себе в третьем лице) этого не любит. Пусть уж он остается рядовым деревенским жителем.

— В вашей мастерской, пак, говорят, всегда полно учеников. Пак ведет школу? Кто у пака учится? Сколько пак берет за обучение?

— Варноваскито учит каждого, кто хочет учиться. Школы нет. Просто Варноваскито работает и позволяет наблюдать за своей работой, дает советы. Кто сколько заплатит, того и достаточно. Денег Варноваскито сам не просит.

— Пак, при вашей известности вы могли бы стать очень богатым человеком.

— Варноваскито ищет в жизни не имущества, а работы на радость другим. Аллах, подаривший ему так много счастливых лет, благосклонен к нему. Хвала господу. Да ниспошлет он радостей и здоровья детям и внукам Варноваскито.

— Что думает пак о будущем?

— На все воля божья. Если аллах позволит, Варноваскито будет работать, пока руки держат резец, пока видят глаза.

У старика кожа пергаментной желтизны, весь он в морщинах. Но по-юношески живо блестят глаза. Он легко поднялся, чтобы проводить меня. С покрытой по мусульманскому обычаю головой, в батиковой просторной рубаше, коротких, измятых от постоянного сидения в позе лотоса штанах, босиком, 70-летний яванец стоял и неподвижно ждал, когда скроется за поворотом моя машина.

Снимите с актеров вайянг топенга маски, смените на них повседневное платье на специальные красочные костюмы, и вы получите еще одну разновидность традиционного театра — вайянг оранг. Это тоже танец-драма, в котором артисты имитируют кукол. Их движения условны, стилизованы. Перемещаются они по сцене как бы в одной плоскости. Даже тела танцоров кажутся расплюснутыми из-за того, что колени они держат сомкнутыми, спины прямыми, чуть-чуть гнут ноги.

Здесь в дополнение к повествованию даланга допускаются диалоги актеров. Порой их на сцене бывает до десяти. Но в некоторых представлениях может быть занято до сотни участников. Каждого из ведущих персонажей знает, как говорится, в лицо зритель. Он узнает его по танцу, одежде, прическе. У Рамы и Арджуны — этих полубогов, превосходных лучников, обожаемых женщинами красавцев — изящные, отточенные движения, гладкая, монотонная речь. Даже на поле брани, даже в пылу жаркой битвы они грациозны, как лани.

О готовности Арджуновых братьев Накулы и Садевы в любую минуту вступить в смертельную схватку за справедливость говорят их загнутые, подобно хвосту скорпиона, высокие прически. Силу, душевную щедрость, мужество Бимы подчеркивают его огромный рост, длинные ноги, на больших пальцах рук — грозное оружие против ракасас. Каждый тяжелый шаг архизлодея Раваны сопровождается

резким поворотом головы. У него вытаращенные, немигающие глаза, нечленораздельная, смахивающая на полуречь.

Движения героев драмы строго канонизированы. Каждый жест—символ, в котором индонезийцы, как китайцы в иероглифах, видят целую картину. Выходить за рамки стиля позволительно только клоунам. Зрители настолько привыкли к строгой хореографии, что одно лишь появление этих не признающих никаких правил шутов вызывает дружный смех.

Самое впечатляющее представление вайянг оранга устраивается раз в год у стен храма Прамбанана. Я приехал туда поздно вечером, когда танец-драма уже начался. Около костра в панике грациозно металась ангелоподобная Сита. Сужающимся кольцом вокруг нее бесновались в фантастическом, устрашающем танце свирепые демоны. Их послал похотливый Равана, чтобы они похитили для него красавицу. Выхватываемые из тьмы и оживляемые трепетом пламени темно-красные барельефы храма, стремительно и бесшумно мелькавшие в отсветах костра летучие мыши, невидимость окутанных тропической ночью зрителей расковывали воображение, уносили в сказочное прошлое. Оно становилось реально осязаемым, входило в сердце и мозг.

Но вот представление окончилось. Погас костер. Исчезли звезды. Темная, таинственная громада храма, теперь хорошо различимая на фоне светлеющего неба, стояла как свидетельство того, что разыгравшаяся только что у его подножия драма не выдуманная, а подлинная история давно минувших лет.

За последние треть века вайянг оранг обогатился за счет включения в арсенал своих приемов и элементов классического яванского танца. Это стало возможным в результате того, что чистый танец, выросший из культовых обрядов в крайне стилизованное, строго канонизированное искусство аристократических дворцов, после завоевания независимости стал достоянием широких народных масс. Нет на Яве города, который бы не имел своей труппы вайянг оранга. Но теперь в каждой из них постигают отшлифованные веками до безукоризненности тонкости классической пластики. Инициатором этого симбиоза выступила Шриведари, старейшая на острове танцевальная школа из Суракарты. Сейчас она в Индонезии по праву считается лучшей. Хорошо известна и за рубежом.

Неоценимую роль в этом движении сыграли учителя танцев из кратонов. Имевшие в былые времена влияние на султанов не меньшее, чем первые министры, знатоки танцевальной классики вынесли свои знания за дворцовые стены. Басуки, Кусворого, Сурьядининграт, многие другие мастера древнего искусства благодаря этому при жизни стали легендами.

В 1968 году в Джокьякарте была создана любительская труппа «Нгекси-Гондо». С древнеяванского ее название можно перевести так: «все, что видит глаз, должно быть прекрасным». Эмблемой танцоры взяли рисунок, включающий колесо Кришны—источник света, жизни и красоты, радугу—символ обновления, молодости и энтузиазма и, по поверью, воскрешающий мертвых цветок виджайякусума—олицетворение вечности. С самого начала «Нгекси-Гондо» вступила в тесный контакт с джокьякартским кратоном. Щедрый покровитель традиционных муз Шри султан Хаменгку Бувоно IX согласился стать почетным патроном коллектива, разрешил ему использовать в качестве гимна одну из дворцовых мелодий, дал учителей, кое-что из реквизита. Сейчас репертуар молодой труппы—блестательное сочетание популярного и классического танцев. Ее выступление джакартская печать назвала «фестивалем вайянг оранг в классическом стиле кратона».

Концерт шел без перерывов. Одна группа танцоров сменяла другую. Наступило время центрального номера— танца-драмы «Сри Сувела». Сюжет почерпнутого из «Махабхараты» эпизода таков. Молодая женщина Пратоловати забыта ищущим героических подвигов мужем Бимой. Чтобы вновь увидеть обожаемого супруга, она переодевается в мужскую одежду, объявляет себя принцем Сри Сувелой и бросает боевой вызов Биме. Во время боя тот узнает з поверженном его стрелой противнике жену и, тронутый самоотверженностью Пратоловати, возвращается в лоно семьи.

Апогеем представления была схватка, которую супруги вели, сидя на спинах мифических Гаруд. Исполнители ролей фантастических птиц были одеты в костюмы, сделанные в конце прошлого века. На изготовление каждого из них понадобились перья от более чем двухсот кур. Запомнились ярко раскрашенные полуметровые головы исполинских птиц. Они могли бы стать украшением любого этнографического музея.

Классика, выплеснувшаяся на заполненные народом лужайки, не растворилась в вайянг оранге. Она осталась жить самостоятельным жанром. Но уже не для того, чтобы радовать только избранных. Такие классические танцы, как серимпи или бедойо, которые корнями уходят в культ поклонения обожателю танцевального искусства Шиве, ныне можно увидеть не только на дворцовой сцене, но и в зале городского театра.

Серимпи означает «вчетвером». Танцуют его две пары в одинаковых, сверкающих золотом одеждах и головных уборах из живых цветов. Точными, лаконичными и грациозными движениями всех частей тела они передают картину боя между принцами. Глядя на них, вспоминаешь классическое определение благородного героя — «прекрасный, как бог, стройный, как пальма, быстрый, как олень, сильный, как тигр, нежный, как голубь».

Бедойо — лирическое повествование о всесии любви. Его ведут девять юных танцовщиц. Запоминаются их трепетные руки. Порой кажется, что собственно руки и танцуют, тогда как туловище воспринимается статичным. Оба танца исполняются девушками в возрасте до 14—16 лет. В давние времена к ним допускались только девственницы аристократического происхождения.

Характерные для нашего балета, требующие простора прыжки, повороты, виртуозная стремительность, контактность и единение исполнителей чужды индонезийской сцене. Здесь пространственность ограничена мелкими отмеренными шажками, движения почти пластающегося по земле тела медленны, артисты редко прикасаются друг к другу. Хотя их движения удивительно синхронны, каждый из них — отдельный самостоятельный персонаж, взаимосвязь которого с другими танцующими определяется местом в постоянно меняющихся композициях фигур, актеров. Иностранцам туристам перед некоторыми представлениями раздают карточки со схемами расположения персонажей в каждом акте танца и с объяснениями к ним.

И еще одно отличие яванского классического танца от западной школы. На индонезийской сцене не допускается передача эмоций лицом. Глядя на плотно сжатые, не улыбающиеся губы, густо наложенный контрастный грим, можно подумать, что на лицах танцоров маски. О том, что это не так, говорят лишь глаза. Чаще всего они как бы застывают в немигающем взоре в никуда, но время от времени принимают определенное выражение, округляются или сужаются.

Увлекающаяся танцами с детства дочь Сукарно — Сукмавати однажды в разговоре об особенностях индонезийского танцевального искусства заметила, что для индонезийцев танец — форма бытия. В Европе, сказала она, любитель танцует для собственного удовольствия, а профессионал развлекает других. А если танцуют яванцы или сунданцы, то они целиком, всем своим существом переходят в иной мир, где все воспринимается по-другому. На Западе только высокоодаренные артисты способны так глубоко войти в образ, что забывают о наличии зрительного зала, привычной сфере бытия. У танцующего индонезийца в ином пространстве, ином времени, ином ритме живет все тело, от глаз до кончиков пальцев. Экзальтация порой достигает такого накала, что люди *впадают* в транс, теряют сознание.

Последнему я был свидетелем при наблюдении за церемонией освящения нового балийского храма в Джакарте. Одним из элементов многопланового красочного обряда были танцы, и среди них сангхьянг, названный в честь «божественного духа». Начался он с того, что две девочки лет 12—13 встали на колени перед дымящимися в бронзовой чаше благовониями, закрыли глаза и стали слушать монотонное бормотание одетого во все белое священника и сопровождаемые гамеланом причитания сидящего в стороне женского хора.

Благоуханен дым благовоний, Что кольцами поднимается к небу, К дому двух всемогущих богинь. Мы призываем спуститься, Вселиться в тела юных дев.

Через 10—15 минут девочки начали плавно покачиваться, размах их колебаний становился все больше, и вот они, припав к земле, забились в мелкой дрожи. Впавших в забытие танцовщиц мужчины на руках перенесли в центр лужайки, поставили на ноги, и те, продолжая держать глаза закрытыми, медленно начали почти абсолютно синхронный медленный танец. Зрителям казалось, что по траве двигались не девочки, а вселившиеся в них небожительницы Супрабу и Нилутаму. Потанцевав около четверти часа, девочки опустили на колени, распустили волосы, рассыпали вокруг себя украшавшие их прически цветы, распластались по земле и затихли. Гамелан умолк.

Чтобы привести танцовщиц в чувство, священник опрыскивал их «живой водой», шептал заклинания. Некоторые зрители принялись собирать рассыпанные цветы, чтобы унести их домой и хранить какое-то время как талисман. Как мне сказал руководитель оркестра, этому танцу не учат, его исполнительницы потом не смогут повторить ни одного движения.

Представляется, что музыкально одаренные, от природы пластичные девочки в состоянии экзальтации вполне способны без подготовки воспроизвести не требующие рафинированного мастерства движения.

Исполнительницы сангхьянга были не столько танцовщицами, сколько действующими лицами религиозного обряда, в котором и аромат обладающих наркотическим свойством благовоний, и шаманские причитания священника, и гипнотизирующий речитатив хора — все было направлено на то, чтобы привести неустойчивую детскую психику в состояние аффекта. Мне рассказывали, что на Западной Яве доведенные до экстаза люди во время танца влезают в костры, едят траву, колют себя кинжалами. В этих случаях, видимо, надо говорить скорее о действенности внушения (в основе религиозного), нежели о силе воздействия танцевального искусства.

Для овладения даже тонким движением кисти в классическом яванском танце требуются месяцы. Серимпи, например, начинают обучать с пяти лет, и в первый раз на сцену девочку выпускают только после шести лет тренировок. Основной метод учебы — подражание. Минимум наставлений. Каждому движению индонезийские учителя находят аналог в природе. Если исполняется танец предводителя обезьяньего войска Ханумана, то голову танцор должен научиться держать так, как это делает обезьяна, разыскивающая сладкий плод в ветвях дерева. Если актер изображает героическую птицу Гаруду, то руки его должны двигаться подобно крыльям взмывающего ввысь орла...

Талантливых танцоров индонезийцы идолизируют так же, как на Западе кинозвезд. Каждый знает их имена, им подражают другие актеры, их творческие биографии становятся легендами. До сих пор в стране с восхищением вспоминают великих мастеров танца, живших более полувека назад. В Индонезии и сегодня говорят, что никто не превзошел балийца Марио, исполнявшего в 20-х годах сольный боевой танец кебьяр.

Ни один из видов театрализованного представления нельзя представить без яркой, самобытной индонезийской музыки. Ни один из них просто не существует без гамелана. Как гласит предание, первый оркестр создал великий бог Батара Гуру для того, чтобы волшебные звуки сопровождали его при выезде из небесного дворца. Он же сочинил и первые три мелодии. По душе пришлось богам затея всевышнего. Стали и они обзаводиться своими гамеланами. Батари Индра тоже решил не отставать от других. Свой оркестр он назвал «Слендро» и потом подарил его своему горячему почитателю радже Пурванарита. С тех пор на яванской земле и звучит божественный гамелан.

Легенда указывает на дворцовое происхождение оркестра. В его сопровождении правители выезжали из kratonov, под его звуки за дворцовыми стенами праздновались свадьбы, дни рождения и прочие знаменательные события. В царских резиденциях сложились два канонических типа мелодий — слендро и пелог, состав гамелана, который включает от 30 до 35 инструментов, в основном ударных. До второй мировой войны в Индонезии насчитывалось около 17 тысяч гамеланов. Сколько их сейчас — никто не считал. Но надо думать, не меньше, чем было столетия назад. Как изготавливаются инструменты, можно увидеть в Сема-ранге на улице Гендинган. Я

неудачно попал туда в воскресенье. Все мастерские были закрыты. Только в одной нашел старика, который позволил зайти и осмотреть внутренний двор — «цех» под открытым небом. Почти весь двор был заполнен висящими на перекладинах гонгами разных размеров—диаметром от полуметра до двух. В углу стояла печь, рядом куча пористого хрупкого шлака, чуть в стороне — огромный деревянный ларь с отражающим солнце глянцевыми черными гранями углем. На внутренних стенах гонгов мелом были написаны названия некоторых городов и какие-то номера. Как пояснил старик, заказы к ним поступают не только с Явы, но и с других островов. Когда я спросил, в чем секрет семарангского литья, яванец, дружелюбно улыбнувшись, ответил:

— Тайна.

Как фотографией не передашь волшебство танца, так и словами не опишешь музыку. Тем более такую сложную и изысканную, как индонезийская. Ее надо уметь слушать. Но стоит преодолеть невидимый барьер, и ты попадешь в таинственный, иллюзорный, полный полунамеков мир звуков. Музыка гамелана не начинается и не кончается. Она подобна живому роднику, волшебной водой которого никак не утолить жажды. Отдавшись во власть утонченных и сложных музыкальных сочетаний, теряешь чувство реальности, утрачиваешь ощущение времени и пространства, прикасаешься к вечности.

Я присутствовал на уроке в одной из джакартских школ классического танца на улице Кайюманис. Собралась молодежь, Девушки и парни в тесных джинсах, футболках с яркими надписями, кроссовках. Но вот они завернулись в саронги, прислушались к льющимся из динамиков звукам гамелана и... свершилось чудо. Передо мной были не восторгающиеся каратистами, преклоняющиеся перед звездами рок-групп молодые люди. Я видел нежную и верную Ситу, отважную и бесстрашную Гаруду, отважного Раму... На моих глазах ожила традиция, которой было свыше тысячи лет и которая не умрет до тех пор, пока художественный гений индонезийцев останется свободным...

Отправляться в новые места хорошо трижды. Первый раз, когда мечтаешь о поездке, готовишься мысленно к ней, даешь волю фантазиям. Вторым должно быть само путешествие, фактическое знакомство, непосредственные впечатления. Ну а третьим — воспоминания об увиденном, переживание заново открытия нового края.

В Индонезию я собирался под влиянием главным образом двух противоречивых чувств. Порой казалось, что предстоит встреча с совершенно иным, не поддающимся пониманию миром. Словом, как в «Книге джунглей» английского барда колониальных времен Редьярда Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда...» В душе тогда начинала копошиться смутная тревога, бесформенной тенью шевелился страх оказаться в чуждом окружении.

В другой раз накатывалась ободряющая, успокаивающая мысль. А чего, собственно, волноваться! Ведь жители этих далеких островов на экваторе дышат одним с нами воздухом, они те же земляне, что и мы. Как сказал в своем «Петербурге» Андрей Белый? «Непростительно деление в наши дни... на восток и на запад». Вот этим и надо руководствоваться. Ничего там не должно быть сверхзагадочного, будешь принят в тамошнюю человеческую семью.

Уже во время «второго путешествия» я понял, что ошибочно было бы поддаваться любому из этих двух полярных предчувствий. А когда сел за воспоминания о днях, проведенных в этой удивительной стране, то окончательно убедился в том, что если позволить им стать определяющими при знакомстве с Индонезией, то получишь искаженную картину, неверное представление об индонезийцах. Надо пробовать искать середину, выявлять цельное отношение к увиденному, отсеивать второстепенное, случайное.

Да, очень многое у индонезийцев не так, как у нас. А кое-что настолько не укладывается в рамки привычных нам представлений, что кажется не поддающейся разгадке «тайной» Востока. Оно и останется таковой, если не попытаться постичь это непонятное или, что во сто крат хуже, посчитать его «недостойным» таких усилий.

Индонезия тогда действительно обернется чуждой планетой, а индонезийцы — странными, непонятными людьми.

Из-за поражающей воображение разноликости Индонезия может показаться хаотичной, безалаберной, в лучшем случае загадочной. Но если запастись терпением и с добрым сердцем начать собирать кусочки индонезийской мозаики, то награда не заставит себя ждать. Открывается впечатляющий, неповторимый и незабываемый мир — мир удивительной жизнестойкости, глубокого чувства, изысканности и драмы.

Если, подобно одному из героев индонезийской легенды, прийти в этот мир «в поисках добра, взаимности и мудрости, с открытым разумом и чистым сердцем», тогда к тебе на помощь придут и люди, и все силы природы, и познаешь ранее незнакомое, испытаешь ранее неведомое.

Фотографии автора

Благородных героев можно узнать по изящному профилю

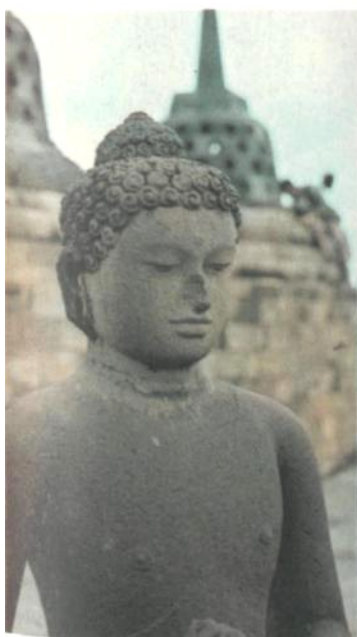
Провозвестник независимости Индонезии похоронен в Блитаре

Этому барабану более ста лет

Паланкин султана Джокьякарты стал музейным экспонатом

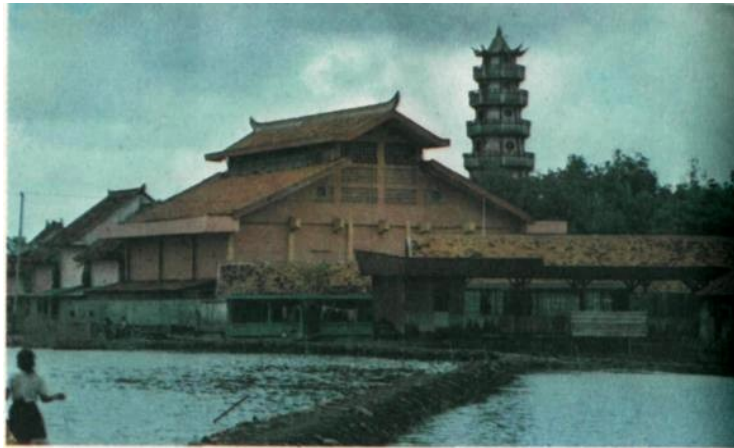
Фрески Борободура — каменная книга буддизма

Непроницаем лик Будды,
непостижим его взгляд

Китайцы молятся святым чаще
всего весьма земного
происхождения

К этой пагоде добраться можно только пешком

Гигантские статуи на востоке Явы — следы канувших в небытие династий

Самый древний на Яве китайский храм всегда выглядит новым

Даланг — и чтец, и певец, и дирижер, и...

Неиссякаемым источником танца-драмы остается Рамаяна

В мечеть каждый мусульманин приходит со своим молитвенным ковриком

В кампунге никто никогда не спешит
У женщин в мечети обнажены только лицо и кисти рук

Родители невесты встречают
Жениха у ворот дома

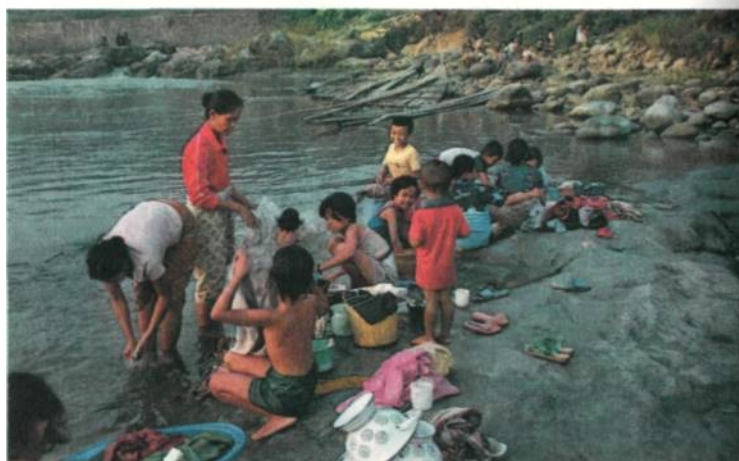

Традиционные кружевная
кебайя и шарф-селенданг

Старшие дети берут на себя заботу
присматривать за малыши

По утрам яванцы не знают,
как укрыться от холода

Речка — прачечная для всей деревни

В гости в соседнюю деревню в лучших нарядах

Купите бананы! Недорого прошу!

С полной корзиной на базар

Любовь к танцам приобретают с малых лет

Жених и невеста — царь и царица на день

Уличные волнения во время предвыборной кампании

Театр Лудрук родился в годы революции

Изящный узор батика могут вывести только терпеливые женские руки

Перекусить в Джакарте можно почти на каждом шагу

Эта женщина хорошо помнит колониальные времена

Под такой шляпой укроешься и от дождя, и от солнца

Чайные плантации забираются высоко в горы

Почти в каждой крестьянской семье по 5-6 детей

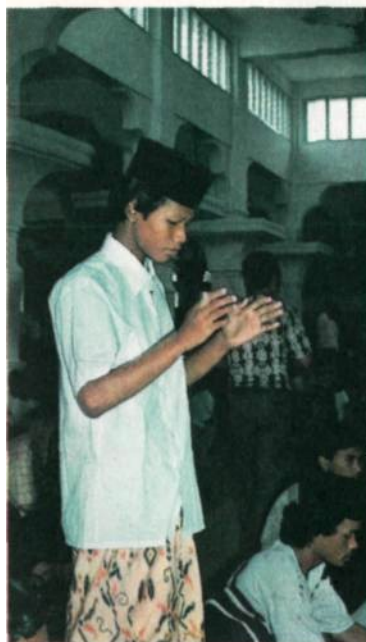
С этими куклами когда-то индонезийцы устраивали карнавалы на улицах Батавии

Он первым из европейцев ступил на яванскую землю

Она выросла при колонизаторах, он родился независимым гражданином Индонезии

У ворот китайского храма больше шансов получить подаяние
Танец для индонезийцев - другая форма бытия

Мусульманин может обратиться к богу в любое время, где угодно, напрямую

Храмы на плато Дьенг — целостны и компактны

Легендарная «Ньи Джагур»

Музей Джакарты разместился в бывшей резиденции генерал-губернатора

Голландские колонизаторы жили в добротных домах строгой архитектуры

Джакарта с высоты птичьего полета

Здесь 17 августа 1945 года Индонезия была провозглашена независимой

Эти склады остались в наследство от колонизаторов

Дом в джокьякартском кратоне

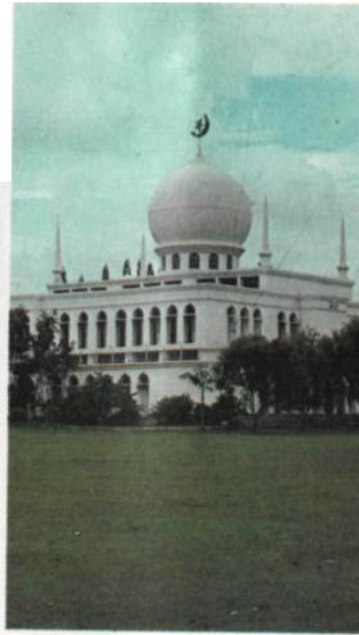
У китайцев на первом этаже лавка
или мастерская, на втором —
жилье

Главная мечеть страны — Истикляль

Красивейшая мечеть столицы -
Шах Алам

Первая мечеть на Яве

Улицы Джакарты во время предвыборной кампании

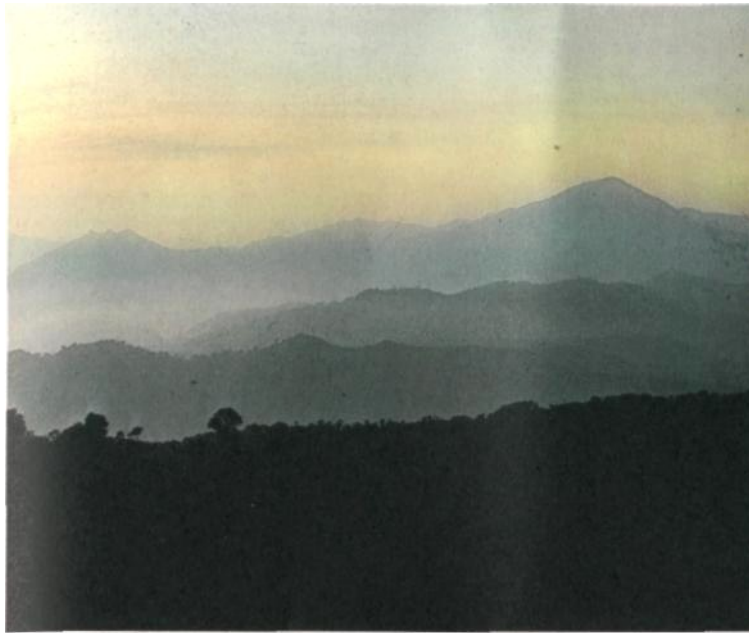
Дети и буйволы — неразлучные друзья

Деревья-великаны у входа в Богорский Ботанический сад

Лесное озеро в Богоре прячется под покрывалом из цветов

Через минуту появится солнце, и Ява преобразится

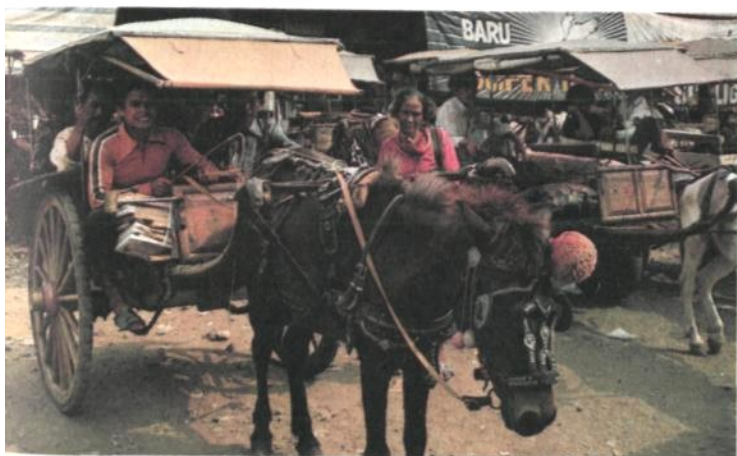
Сегодня Лоро Кидул милостива, ласкает берег ленивой волной

Этот паровозишко выскочил из прошлого века

Сушеная рыбка! Подходи, покупай, не скупись!

Еще немного порошка, и белье будет чистым

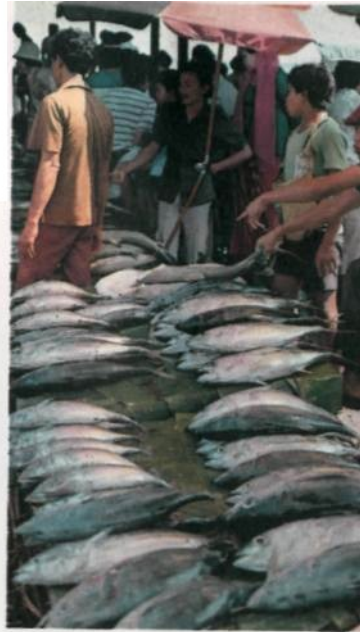
Хоть и мала лошадка, да вынослива

Ждать клиентов бечакам порой приходится часами

Легкие перау так и рвутся в море померяться силами с волной

Изнурительный труд — сажать
рассаду росток за ростком
Чем море богато, тем мы и рады

В каждом рисовом колоске частица
души самоотверженной Тисна Вати

На овощном базаре у дороги все
раза в два дешевле

Заливное рисовое поле — характерный элемент яванского пейзажа

Эти шхуны прибыли в старый порт Джакарты с острова Сулавеси

Резьба по дереву требует не только мастерства, но и терпения

В классическом танце каждое движение наполнено глубоким содержанием

Лучшее время для вспашки поля — прохладные утренние часы

У исполнителя танца лицо неподвижно, играют только глаза

В вайянг топенге самые
популярные герои — клоуны
Одна из молодых танцовщиц

Такая корона из живых цветов сделает королевой любую женщину

Юные танцовщицы в ярких, красочных национальных нарядах

Индонезийский оркестр

Бычков С. В.

Б95 Изумрудное оперение Гаруды. — М.: Мысль, 1987. — 188 с. 16 л. ил. 1 р.

Рассказ о самом большом в мире островном государстве на архипелаге — Индонезии. Оно лежит на перекрестке морских путей, по которым переселялись народы, общались великие восточные цивилизации. Страна поражает многообразием народностей и культур. Из мощных водоворотов чужеземных влияний Индонезия вышла, не утратив исконного лица. В этом сказалась ее удивительная способность объединять многообразное.

ББК 26.89(5Ин)

Станислав Викторович БЫЧКОВ
ИЗУМРУДНОЕ ОПЕРЕНИЕ ГАРУДЫ

Заведующий редакцией Ю. А. Кулышев
Редактор Д. Н. Костинский
Младший редактор Е. И. Потапова
Редактор карты В. И. Ильина
Оформление художника А. А. Брантмана
Художественный редактор Е. М. Омеляновская
Технический редактор Н. Ф. Федорова
Корректор И. В. Шаховцева

ИБ № 2862

Сдано в набор 16.05.86. Подписано в печать 02.12.86. А09816. Формат 84 х 108 ¹/₁₆. Бумага типогр. № 2. Гарнитура Гельветика. Высокая печать. Усл. печатных листов 11,76 с вкл. Усл. кр.-отт 18,12. Учетно-издательских листов 13,64 с вкл. Тираж 70000 экз. Заказ № 2555. Цена 1 р.

Издательство «Мысль» 117071 Москва, В-71, Ленинский проспект, 15
Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени
МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валуевская, 28.

Изумрудное перенение Гаруды

1 руб.